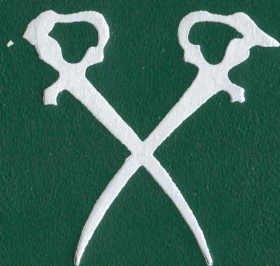

АТАДЖАН ТАГАН

**КРЕПОСТЬ
СЕРАХС**

АТАДЖАН ТАГАН

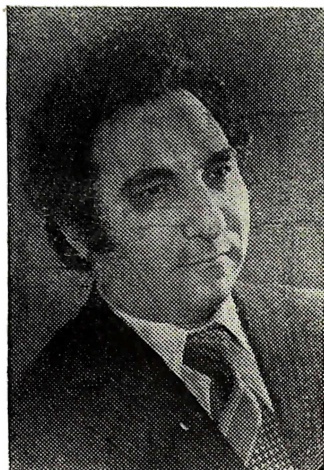

КРЕПОСТЬ СЕРАХС

РОМАН

*Перевод с туркменского
Василия Рослякова*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1981

«Крепость Серахс» — первое крупное произведение туркменского поэта и прозаика Атаджана Тагана. Роман рассказывает о борьбе туркмен и других народов Средней Азии против деспотических режимов Востока — Хивинского, Бухарского ханств и шахского Ирана. Главное событие — битва у крепости Серахс, где туркмены под предводительством Каушута, избранного ханом Серахса, одержали победу над регулярными войсками хивинского хана.

Изображая героическую борьбу народа за свою независимость, автор показывает торжество идеи национального единения.

Художник Наталья Капралова

С утренней молитвой «Алла-хи акбер» начинался над старой крепостью еще один божий день. Никто не знал, чем окончится этот день, но начинался он точно так же, как и вчерашний. Золотилось небо над степью, медленно поднималось солнце, и с первыми его лучами с высокого минарета прозвучала та же молитва. Полная луна, как и вчера, низко висела над кладбищем Дие-боюн¹. Каменная глыба, поставленная в незапамятные времена среди могил и напоминавшая могучую шею испанского верблюда, также тянулась к небу, словно хотела достать оттуда луну...

Из крайней кибитки аула, рассыпавшегося у подножья крепости, вышел плотный круглолицый человек, неспешно подошел к лошади, привязанной к вбитому в землю железному клину, огляделся по сторонам, словно ища кого-то взглядом, отвязал заседланного вороного коня и с легкостью, удивительной для тучного тела, вскочил в седло. Это был Каушут, старший сын одного из предводителей серахских туркмен покойного Яздурды-хана. Каушут носил коротко подстриженную бороду, и на вид ему было не больше сорока. В седле он еще раз огляделся вокруг: что-то задерживается сердар². Не успел он подумать об этом, как из-за соседней кибитки выехал на гнедом коне тот, кого ждал Каушут.

— Саламалейкум, сердар!

Приближавшийся всадник в ответ протянул вперед руки. Он был молод еще, на десяток лет моложе Каушута, и в седле сохранял вид энергичного и отважного человека. Звали его Тач-гок сердаром, иногда, несмотря на его молодость, просто сердаром.

Вслед за Тач-гоком один за другим стали подходить аульчане. Первым явился сосед Каушута Келхан Кепеле, человек, известный в ауле тем, что не имел ни жены,

¹ Дие-боюн — верблюжья шея.

² Сердар — предводитель.

ни детей, а все богатство его составлял один старый-престарый верблюд. После смерти жены у Келхана Кепеле ничего не получилось с новой женьитьбой, но он все еще продолжал надеяться устроить свою судьбу и цеплялся за каждый случай, чтобы поинтересоваться какой-нибудь вдовушкой, объявившейся, по слухам, где-нибудь поблизости. Он тайно хранил надежду на счастье и поэтому, несмотря на возраст, все еще не отпускал бороду. В народе называли его Келханом Ленивым, слишком уж был толст, неряшлив и равнодушен ко всему на свете. Но сегодня он выглядел необычно, видно было, что привел себя хоть в какой-то порядок: и желтые ичиги на ногах, и поношенный шелковый халат были на нем не те, что вчера.

— Ты что вырядился, Келхан? — спросил Тач-гок сердар.

Толстяк погладил чисто выбритые щеки и улыбнулся:

— Нас сегодня зовут на свадьбу Пенди-бая.

— Ах ты, я и забыл, что сегодня свадьба! — воскликнул Каушут, также оглядывая Келхана с головы до ног. — Хорошо, когда тебя приглашают на свадьбу!

— Ишака зовут, чтобы взвалить на него груз, Каушутджан, — ответил Келхан пословицей. — Ты же знаешь, нас не для того зовут, чтобы в красный угол посадить. Скот будем резать.

— Ишак не спрашивает платы с собственных копыт, Келхан. Режь скот или сиди в красном углу, лишь бы это была свадьба.

— Верно говоришь. Пускай будут свадьбы, лишь бы не поминки. На свадьбе я готов хоть казаны чистить.

В это время еще из одной кибитки выглянул человек, в нерешительности остановился на пороге. То был младший брат Каушута Ходжакули. После вчерашнего спора он вряд ли вышел бы пожелать Каушуту благополучного возвращения, если бы тому не предстоял такой далекий и опасный путь. Ходжакули постоял немного в раздумье и решительно направился к отъезжавшим, словно спешил сообщить им хорошую новость. С ходу он обратился к брату:

— Может, все-таки раздумаешь, Каушут?

— Может, ты и с сердаром поздравляешься, если только не спали вместе? — съязвил Каушут.

Ходжакули не понравилось, что брат ушел от ответа,

но понял свою ошибку и тут же протянул обе руки Тач-гоку.

А народ все подходил, окружая всадников тесным кольцом.

Ходжакули считал себя человеком чистым, он вообще не любил ни споров, ни тем более скандалов, но на этот раз был решительно против того, чтобы его старший брат, оседлав коня, отправлялся в такое опасное место, как Иран, вызволять из плена захваченных раньше туркмен. Поэтому, не обращая внимания на обступивших людей, он продолжал свой спор с Каушутом:

— Что, в Серахсе, кроме тебя, нет других людей? Есть тут и ханы и беки.

Каушут, словно не желая разговаривать с братом, отвернулся в сторону Тач-гока.

— Слышишь, сердар? В наше время мужчины хуже женщин стали. Вон жена моя, стоит молча, а младший брат слезы проливает.

— Если ты так говоришь, то енге¹, которая сейчас молчит, после будет слезы лить, перед пустой постелью. Только потом поздно будет.

Чувствуя, что разговор заходит слишком далеко и может кончиться плохо, Тач-гук попытался успокоить Ходжакули.

— Мы ведь не на грабеж и не на войну идем, Ходжакули. Едем милости просить. Мы вроде как нищие без котомок. А поэтому...

Но Ходжакули и Тач-гоку возразил:

— Поэтому,— сказал он,— если нищих с сумой собаками встречают, то вас, без сумы, встретят свистом пуль.— Повернулся и ушел прочь.

Каушут грустной улыбкой проводил брата.

Из толпы стали раздаваться пожелания и напутствия:

— Возвращайтесь благополучно!

— Будьте осторожны!

— Да поможет вам аллах!

Выступила вперед и подошла к Каушуту скорбленная, одетая в лохмотья старуха. В руках она держала лепешку. Протянула ее Каушуту, но не могла достать даже до спины лошади. Каушут наклонился и обеими руками принял хлеб.

¹ Енге — жена старшего брата.

— Каушутджан, сынок, будьте осторожны и возвращайтесь благополучно.

Каушут улыбнулся, чтобы люди не падали духом.

— Послам смерти нет, старая, — напомнил он народную мудрость. — Доберемся благополучно и... — И вдруг запнулся, будто понял свою ошибку, будто натолкнулся на недоброе предчувствие, но все же досказал: — И если поможет аллах, людей с собой приведем.

Старуха приложила ковшик ладони к уху, но, ничего не расслышав, кроме слова «аллах», сказала:

— Да поможет вам аллах, сынок.

Каушут посмотрел на столпившихся аульчан и подумал, что слишком неосторожным и опрометчивым было его обещание привести с собой пленников. Он заметил в толпе пятнадцатилетнюю Каркару, державшую за руку младшего братишку Ораза. Их отца, соседа Каушута, Дангатара тоже угнали персы, и у Каркары с Оразом не осталось никаких кровных родственников. Кроме семнадцатилетнего сироты Курбана, племянника Дангатара. С недавнего времени Курбан жил в доме своего дяди. Мать Каркары, и без того больная, умерла вскоре после того, как угнали мужа. Разные слухи доходили до аула о судьбе Дангатара. Одни говорили, что шах Ирана замучил его в зиндане¹, другие, что Дангатар бежал из зиндана, но принц Хемзе Мурза поймал его и выколол глаза. Однако толком никто ничего не знал, а слухи разными путями доходили и до Каркары с Оразом. Перед ними-то и опрометчиво было давать такие обещания. Но Каушут все же рискнул попытать счастье, отправиться в опасный путь, главным образом из-за несчастной Каркары, судьбу которой принимал близко к сердцу. Даже самая неприглядная девушка, если у нее не было родственников, чтобы защитить ее, всегда оказывалась жертвой досужих негодяев, а Каркара росла чуть ли не первой красавицей во всей округе, и уже теперь пятнадцатилетняя девагонка была приманкой для дурного глаза.

Всадники, распрощавшись с людьми, взяли направление к южной границе. Отъехав немного, они обернулись на преследовавший их детский крик:

— Кау-шу-ут-ага!

Отделившись от толпы, к ним бежал мальчонка в

¹ Зиндан — темница.

длинной бязевой рубашке. Уже совсем близко он вдруг упал, запутавшись в подоле своей длинной рубахи, но тут же вскочил на ноги, подбежал к поджидавшим всадникам, поднял вверх испачканное личико и тоненьким голоском спросил:

— Каушут-ага, Тач-ага! Моего папу вы тоже привезете? Мой папа придет с вами?

Тач-гок сердар посмотрел на Каушута, спрашивая глазами, что тот может ответить мальчугану. Каушут опустил голову, и его взгляд остановился на босых ногах мальчика. Большой палец кровоточил, на нем налипла грязь, пропитанная кровью. Но малыш стоял перед всадниками задрав личико, он не обращал внимания на боль, весь превратившись в слух, ожидая ответа.

Каушут не знал, куда деть свои глаза, наконец повернулся к Тач-гоку. Тач-гок сердар, славившийся своей отвагой, когда дело касалось кинжальных схваток, в эту минуту чувствовал себя не лучше мальчугана, сердце его разрывалось от жалости к маленькому человеку.

Каушут, задумавшись, смотрел перед собой на седельную луку, где ослепительно сверкала под солнцем металлическая заклепка. Грубыми пальцами он щелкнул пару раз по этой заклепке и наконец проговорил:

— Папа твой придет, сынок, обязательно придет.

Мальчишка подпрыгнул на месте, словно наступил на огонь.

— Когда придет, Каушут-ага, когда?

Каушут вообще-то был не уверен, вернется отец мальчика или нет, но если и вернется, то он не знал, когда это может случиться. Он молчал. Вместо него ответил Тач-гок сердар:

— Вот поспишь три ночи, и отец твой будет дома, пальван!¹

Каушут тронул коня.

Мальчишка побежал назад, одной рукой придерживал подол рубахи, другую поднял вверх, громко вопя от радости:

— Ахе-е-е-ей!

Каушут оглянулся назад и посмотрел вслед счастливому мальчугану.

Две лошади медленно несли всадников по иссушен-

¹ Пальван — богатырь.

ной земле, заросшей верблюжьей колючкой. Всадники молчали. Наконец, когда Серахс уже стал теряться вдаль, Тач-гок проговорил:

— А не окажемся ли мы обманщиками, Каушут? Каушут повернулся к нему.

— Мы не можем,— сказал он,— отвоевать пленников силой, сердар, у нас ее нет; не можем откупиться скотом— у нас нет скота. Только мир несем мы с собой, остается одно— ждать, как распорядится судьба.

— Мы пленных персов освобождаем без всякого выкупа,— недовольно сказал Тач-гок сердар.

— Без выкупа отпускаешь ты да такие, как ты, а погляди, как обходится со своими рабами Ходжам Шукур.

— Да, у них ведь тоже дети, семьи...

— Ты погляди,— воскликнул вдруг Каушут,— кажется, и сам хан идет!

От реки шагал, ведя в поводу статную гнедую лошадь, хромавшую на переднюю ногу, хан Серахса Шукур Кара.

На голове его была мерлушковая папаха, на плечах—синий чекмень¹. Он вел с водопоя своего коня, который всегда брал первые призы на скачках, а на последнем состязании повредил переднюю ногу. Хан так любил скакуна, что сам задавал ему корм и водил на водопой, а теперь, когда конь стал хромать, Ходжам Шукур-хан и вовсе забыл обо всем, кроме любимца. Голодный народ, пленники, томящиеся в иранских зиндах, — все ушло на второй план.

Поравнявшись с ханом, Каушут придержал коня, поздоровался. Ходжам Шукур ответил на приветствие, потом спросил:

— Куда путь держите?

— Путь держим к персам, хан-ага.

— На разбой, грабеж или еще что задумали?

— Едем пленников выручать, хан-ага,— сказал Каушут.— Раз уж те, кто должен выручать пленников, за ухом не чешут, решили сами сделать попытку.

Ходжам Шукур понял намек, но последнее слово хотел оставить за собой.

— Зачем же из-за девяти пленников беспокоить нукаров и ханов? В постоянных схватках такие потери

¹ Чекмень — халат из верблюжьей шерсти.

неизбежны, и если думать об этом, надо все дела свои забросить, Каушут-хан...

— Как нога заживает у скакуна, хан-ага? — перебил хана Каушут. Эти слова его означали: у тебя ведь никаких других дел нет, кроме заботы о своей лошади.

Намек Ходжам Шукур уловил мгновенно. Но поскольку не знал, как ответить на это, предпочел сделать вид, что намек не понял.

— Да, нога заживает, — ответил он и решил переменить тему разговора. — Из каких племен эти девять?

— Хан-ага, — ответил на этот раз Тач-гок, — восьмерых мы и сами не знаем, девятый из аула Каушута.

— Как зовут его?

— Дангатаром зовут. Скромный человек. Жена умерла от горя, остались сиротами мальчишка и девочка.

— А у кого пленники?

— У Апбас-хана.

— А что вы взяли на выкуп? — Ходжам Шукур краем глаза взглянул на хурджуны¹ путников и погладил свою редкую бороденку. — Что-то груз ваш не больно тяжел.

Каушуту не хотелось долго препираться с ханом, и он ответил напрямик:

— Скота для выкупа у нас нет, хан-ага. Есть только кривые сабли мастера Хоннали. А в хурджунах ничего, кроме еды.

— И еще скажите, что на плечах у вас черные головы! — Ходжам Шукур насмешливо улыбнулся. — С такими подарками ехать, можно и головы потерять.

— Черная голова всегда готова, — отозвался Тач-гок. — Если она может спасти людей, то не станет жалеть о себе.

— Когда голова слетает ради других, она не думает об этом, — добавил Каушут.

Хан скривил губы:

— От чьего имени едете?

— От имени народа, хан-ага.

Ходжам Шукур деланно рассмеялся:

— Светлый вам путь! Если вернетесь, сообщите, будем рады.

Эти слова хана не понравились Каушуту. Он хотел ответить что-нибудь резкое, но ему помешал курносый

¹ Хурджуны — переметная сума.

человек, скакавший рысью со стороны реки. Человек еще на ходу закричал:

— Хан-ага, ты задерживаешься. Люди ждут тебя.

Хан сделал удивленное лицо, как будто не мог сообщить сразу, в чем дело. Но потом вроде вспомнил.

— А, эта женщина...

— Женщина женщиной, но толпа стоит. Люди не начинают без тебя.

Ходжам Шукур неторопливо передал поводья человеку, успевшему уже соскочить со своей кобылы.

— На, отведи коня. Смотри только не сядь верхом, у тебя хватит ума!

Человек принял поводья, а Ходжам Шукур, чтобы лишний раз показать свою силу, еще державшуюся в немолодом теле, легко вскочил на чужую кобылу и, быстро усмирив ее, проговорил, не обращаясь ни к кому:

— Да, люди разные живут на свете. Надо же! И на этой кляче кто-то ездит!

Потом обернулся назад и уже совсем другим тоном сказал:

— Ну, молодые люди, не худо бы и вам посмотреть, как надо оберегать честь мусульман. Если вам по дороге, следуйте за мной!

Тач-гок и Каушут не представляли, что ожидает их у реки, но, поскольку им было по пути, двинулись за ханом.

...По обоим берегам реки толпился народ. Здесь были только мужчины. На правом берегу, в трех-четырех шагах от толпы, сидела женщина. Она надвинула пуренджек¹ на самое лицо и спрятала голову в коленях. Видно, не все толком знали, в чем она провинилась, и люди вполголоса передавали один другому дошедшие до них слухи.

Едва появился Ходжам Шукур на чужой неказистой кобыле, все замолчали, ожидая, что скажет хан. Но Ходжам Шукур не торопился начинать, словно предоставляя это право своим соплеменникам. И действительно, вскоре из толпы вышел молодой человек в накинутом на плечи чекмене и черной папахе. Он подошел к Ходжаму Шукуру:

— Хан-ага, разрешите мне обратиться к этой женщине.

¹ Пуренджек — накидка на женский головной убор.

Хан приосанился и слегка сощурил глаза.

— А кем, скажи нам, она доводится тебе?

Молодой человек смущенно опустил голову, словно не решаясь сказать.

— Не стесняйся, юноша, не стесняйся. За свою вину она ответит сама.

— Это моя енге,— не поднимая головы, ответил молодой человек.

— А где же брат твой?

— Брат умер.

— Давно ли?

— Меньше года, хан-ага.

Ходжам Шукур изобразил на своем лице гнев и даже закрипел зубами.

— Меньше года? Меньше года, говоришь, не могла потерпеть? Да такую и собакам кинуть мало!..

У молодого человека покраснело лицо. Он переложил плетъ из одной руки в другую и сделал нетерпеливое движение.

— Хан-ага, если можно...

— Можно, юноша, говори...

Молодой человек решительно направился к женщине и остановился возле нее.

— Скажи, ты виновата, или все это одни сплетни?

Женщина молчала.

— Скажи правду: если ты не виновата, я не дам тебе умереть. Говори!..

Тач-гок и Каушут, стоявшие в стороне, уже поняли, в чем дело, и их взгляды были устремлены теперь на Ходжам Шукур-хана.

Его авторитет в народе за последнее время сильно упал. Те, кто хоть немного уважал себя, перестали приходить к нему за советом. Хану надо было теперь самому заботиться о своей репутации. А он знал, что поднять ее может только толпа. И поэтому, как только распространился слух, что енге этого юноши переступила закон шариата, хан решил использовать возбуждение народа в своих целях. Он должен был предугадать мнение толпы и согласно с нею произвести свой суд, не заботясь о том, будет он справедлив или нет.

— Если ты не виновата, я спасу тебя. Говори же! Правда это? Говори!

Вопрос был повторен второй и третий раз, но женщина не отвечала.

Ходжам Шукур приподнялся на стремянах:

— Юноша, она не может сказать «нет». Если она обманет нас, то аллаха ей не удастся обмануть. Что, у него нет глаз и ушей, чтобы видеть и знать все?!

— Собака, такого честного парня опорочила! — слышалось из толпы.

Молодой человек на минуту растерялся, видимо не зная, что делать. И вдруг поднял плетъ и изо всей силы ударил женщину по голове. От его удара женщина повалилась на землю, но и тогда не издала ни звука и не открыла лица.

— Зачем же мучить перед смертью? — пожалел чей-то голос.

Молодой человек, уже собравшийся было уйти, словно в ответ на эти слова сделал шаг вперед и с размаху ударил несчастную сапогом и после этого скрылся в толпе.

Ходжам Шукур еще раз оглядел притихших аульчан.

— Люди! Когда мусульмане забывают, что они мусульмане, все родные и соплеменники становятся для них чужими. Эта женщина предалась соблазну и нарушила мусульманский обычай. Воля аллаха, она пойдет в ад...

Хан сделал знак рукой, и от толпы отделились два рослых человека и подошли к нему. Под мышкой у одного из них был чувал¹ с завязками.

— Аллах простит вас, — сказал хан, не глядя на них, и повернул свою кобылу мордой к реке.

— За таких жен нечего прощать, — заявил кто-то уверенно. — Наоборот, вы заслужите себе рай.

Двое подошли к женщине. Первый легко подхватил ее на руки, второй сразу же стал натягивать на нее чувал. Женщина пронзительно закричала. Сперва крик ее был громким и резким, а потом, когда чувал завязали, сделался сразу глухим, словно доносился из-за войлочных стен кибитки.

Когда чувал понесли к реке, толпа снова заволновалась. Отчетливо слышались голоса тех, кто стоял поближе:

— Что вы делаете! Пожалели бы человека!

— Нечего таких жалеть. Пусть знает, собака!

¹ Чувал — мешок.

— Таких только в воду бросать!

На берегу двое мужчин перехватили чужак так, чтобы удобней было держать, раскачали и бросили в реку. На лету чужак забился, но эти движения уже воспринимались как агония обреченного на смерть тела. Через секунду чужак с сильным всплеском упал в воду и исчез в ней, а поднятую волну течением отнесло в сторону.

— Ты понял, чем он хочет взять? — сказал Каушут, кивнув на хана.

— Еще бы! Но боюсь, таким путем он многого не добьется. Зло никому еще не приносило доброго имени.

Каушут согласно кивнул головой.

Всадники продолжали путь.

С самой границы иранская земля показалась двум всадникам пустыней, в которой не могли обитать ни люди, ни звери. Но как только они вступили на окраину аула Апбас-хана, откуда-то, словно из-под земли, вырос здоровый белый кобель и преградил им путь. Хоть и боялся вцепиться в ноги или в хвосты лошадей, лаял без передышки, злобно раскрывая красную пасть.

— Ну и собаки у них, видно, как сами! — сердито сказал Тач-гок.

На громкий лай из крайнего дома вышли два человека. Вначале они смотрели спокойно. Но признав во всадниках чужеземцев, насторожились и через минуту скрылись в доме. А когда появились снова, в их руках уже были ружья. Всадники видели, как они повернулись в сторону аула и стали что-то выкрикивать.

Из всех слов Тач-гок и Каушут смогли разобрать только два: «туркмен» и «теке»¹. И без переводчика было ясно, что два гаджара² были настроены отнюдь не дружелюбно.

Белый кобель затих и исчез так же неожиданно, как и появился. Всадники тронулись дальше.

А тем временем весь аул Апбас-хана был уже поднят на ноги. Со всех сторон сбегались люди, кто с чем, с палками, ружьями, ножами... Когда Каушут и Тач-гок остановились перед крайним жилищем, впереди уже стояли полукольцом человек сто вооруженных людей.

Каушут соскочил с коня и, не выказывая волнения,

¹ Теке (текинцы) — одно из туркменских племен.

² Гаджар — иранец, перс.

оглядел толпу. Взгляд его остановился на усатом персе, который на вид был постарше всех остальных. Каушут сделал несколько шагов в его сторону и остановился.

— Саламалейкум! — поздоровался он почтительно.

Усатый перс уперся прикладом ружья в землю.

— Валейкум эссалам, туркмен.

Каушут попытался вспомнить знакомые ему персидские слова, чтобы объясниться с усатым.

— Мы пришли... Мы — не воевать... Апбас-хан мушереф. Апбас-хан мерам...¹.

Перс медленно повернул голову и крикнул поверх плеча:

— Мухамед!

Из толпы вышел очень смутный человек, который и был, вероятно, Мухамедом. Усатый перс что-то сказал ему по-своему, после чего Мухамед повернулся к Каушуту и обратился к нему на не очень чистом, но понятном туркменском языке:

— Гость-ага, слушаем вас!

Это «гость-ага»² в сочетании с вооруженной толпой так рассмешило Тач-гока, что он не удержался от улыбки, но вовремя прикрыл губы рукой.

Каушут же с невозмутимым лицом продолжал переговоры.

— Мы послы. Мы пришли без людей и оружия, чтобы только поговорить с вашим ханом, потому что слышали, что у вас в ауле девять наших пленников. Мы просим вас провести меня и моего спутника в дом Апбас-хана.

Переводчик объяснил все это усатому персу, и тот дал приказ людям расходиться. Толпа стала медленно рассеваться. Но некоторые, даже отойдя к своим домам, все продолжали оглядываться на чужеземцев, словно стараясь получше запомнить их лица.

Мухамед и усатый перс повели гостей к Апбас-хану. Всю дорогу их провожали любопытные взгляды иранцев.

Дом Апбас-хана находился в самом центре аула. Каушут и сопровождавшие его вошли во двор, огороженный глинобитным забором. Хозяин дома лежал под навесом и играл в шахматы с каким-то стариком.

Апбас-хан хоть и слышал уже о прибытии гостей, но

¹ Примерно: мы идем к Апбас-хану (перс.).

² Ага — уважительное обращение к старшему человеку.

был поглощен шахматами настолько, что никак не отзывался на эту новость. И даже когда чужестранцы появились у его двора, он только кивнул: «Введите!» — и снова устался на фигуры.

Каушут и Тач-гок привязали своих коней, подошли к хану и почтительно поприветствовали его. Хан молча пожал им руки, а взгляд его так и не оторвался от доски. Друзья присели на край ковра и на всякий случай помолились аллаху.

Хан, видя, что противник все еще намеревается сопротивляться, угрожающе кашлянул. Противник подумал немного и, вздохнув, признал себя побежденным. Лицо хана довольно засветилось, он уперся обеими руками в палас, слегка отодвинулся назад и словно тут только заметил двух незнакомцев, сидевших напротив него. Хан перевел удивленный взгляд на усатого перса, и тот поспешно рассказал ему о цели визита гостей.

Апбас-хан похлопал ладонями по голенищам сапог, поразмыслил немного, потом взгляд его остановился на хурджуне, лежавшем у ног Каушута.

— Что там, в хурджуне? — спросил он.

— Там одна круглая лепешка, — ответил Каушут.

Апбас-хан весело рассмеялся:

— И стоило этой лепешке ехать так далеко?

— Бывает, хан, и целые аулы из-за такой лепешки садятся на коня.

Каушут намекал на те налеты и грабежи, которые Апбас-хан совершал в Серахсе. Хан сразу понял это, и лицо его изменилось.

— Я не знаю тебя! Ты пришел с пустыми руками! Кто ты такой? Хан или бек? А если не хан и не бек, то по приказу какого хана ты пришел? И кто рядом с тобой? Конюх? Или слуга?

— Я не хан и не бек. Но я хан в своем племени. А рядом со мной простой дехканин. Мы прибыли к вам с позволения Ораза Яглы-хана.

Услышав знакомое имя, Апбас-хан немного смягчился. Яглы-хана он знал хорошо. Им не раз приходилось встречаться для переговоров о пленниках, воде и земле.

— Почему же он не пришел сам?

— У хана теперь плохое здоровье. Ему тяжело проделать такой путь...

Эти слова, видимо, напомнили Апбас-хану о собственной старости и размягчили его еще больше.

— Да, старость, болезни... Нет ничего страшней на этом свете.— Он посмотрел на крепкие плечи Каушута.— Было бы мне сейчас сорок, я бы вызвал тебя на борьбу и в награду поставил бы пленников. И, думаю, не слишком бы рисковал...

«Эх, что-нибудь в этом роде было бы очень кстати»,— подумал Каушут в ответ на самолюбивую усмешку хана.

— Хан-ага, а может, у вас есть какие-нибудь другие условия, кроме борьбы? — осторожно вступил в разговор Тач-гок.

Албас-хан огляделся по сторонам и заметил миску, доверху наполненную вареным мясом. Он весело кивнул головой на нее:

— Что ж! Разве кто больше съест баранины? Хотя по возрасту вы и младше меня, но вдвоем ваш вес почти будет равен моему.

Друзья вежливо рассмеялись в ответ.

— Но по правде есть одно условие,— начал было Албас-хан.— Но...

— Какое же?

— Шахматы. Но я боюсь, настоящей игры у нас не будет...

— Почему?

— Потому что шестьдесят лет из своих семидесяти я играю...

— И это все?

— Нет, не все. Еще и то, что вы туркмены, кочевники...

Каушута задели эти слова, но он сдержался и ничего не сказал. Тач-гок же подумал, что шахматы — неплохое условие. Он видел, как играл Каушут, считал его сильным игроком. Он надеялся, что Каушут пойдет на предложение хана.

— Вы — кочевники! — продолжал Албас-хан, похлопывая снова по голенищу сапога.

На сей раз Каушут не смог промолчать.

— Хан-ага, я думаю, вам было бы нелегко состязаться с туркменами-шахматистами. Конечно, нам далеко до них, но и мы не откажемся сразиться с вами.

Хан удивился.

— Пах, пах,— с насмешкой покачал он головой и погладил усы.— Ну, если уверены в себе...

— Мы готовы.

— Если готовы,— продолжал хан с насмешкой,— если уверены... Ну что ж, вас двое, и нас двое,— он показал на своего недавнего противника.— Будем играть двое на двое. Если один из вас обыграет одного из нас, а один из нас обыграет одного из вас, вы уедете пустыми. Если вы оба обыграете нас, то заберете пленников. А если проиграете оба — останетесь и сами у нас.

Подумав немного, хан переменял условие:

— Ладно, раз уж вы гости, последнюю часть я меняю. Если проиграете, тоже уедете...

Тач-гок с тревогой посмотрел на Каушута. Его взгляд говорил: «Как бы мне не подвести тебя!»

Каушут не стал долго думать и объявил за обоих:

— Мы согласны.

Сидевший рядом с ханом сказал ему что-то по-персидски. Апбас-хан хлопнул себя по ляжке и покачал головой. Потом обернулся к Каушуту:

— Но сегодня наша игра не состоится.

— Почему же? — поспешно спросил Каушут, испугавшись, что хан хочет увильнуть от состязания. Перед глазами все время стоял мальчишка, который догнал их при отъезде. «Неужели ему не дожидаться отца?» — с горечью подумал он.

Видя его испуг, хан довольно улыбнулся:

— Сегодня вечером у нас собачьи драки. Пах, пах, это будет интересно! А в шахматы мы завтра поиграем...

Второй день продолжалось веселье в доме Пенди-бая. Как-никак женился его единственный сын — Мялик. Уже не одна овца жалобно проблеяла, в предчувствии смерти, перед здоровыми джигитами с засученными рукавами.

Перевалило за полдень. Гостей у Пенди-бая набралось еще больше, чем вчера. Понаехали даже из дальних мест, наслышавшись о призах, которые Пенди-бай приготовил для победителей состязаний.

Среди собравшихся снова появился вчерашний ред-кобородый глашатай.

— Эй, кто надеется на свою силу, выходи сюда! Победителю — овца. Да не оскудеют богатства Пенди-бая! Эй, кто смелый — выходи!

Слова эти взбудоражили толпу, но смельчаков пока не находилось.

Келхан Кепеле, возлежавший почти у самых ног глашатая, спросил его:

— Слушай, Джаллы, а петь кто сегодня будет?

Глашатай, словно не расслышав его слов, затрубил во весь голос:

— А вечером будет петь несравненный Аман-бахши!¹ Всех, кто хочет его слушать, Пенди-бай зовет к своей кибитке!..

— Тыфу, дурены! Разорался! — недовольно вскрикнул Келхан, затыкая уши.

Но в это время внимание всех привлекла группа всадников, появившаяся с западной стороны, из-за бархана, поросшего камышом.

— Ну вот! — крикнул кто-то из толпы.

— Лучше бы они тут не появлялись.

— А что такого?

— Развернуть бы их в обратную сторону...

Последняя реплика не понравилась Непес-мулле. Хоть он и сам был здесь только гостем, но сказал таким решительным тоном, точно праздновали у него дома:

— Гостей, пришедших на свадьбу, никогда не отправляют назад. Каждый должен отведать то, что ему положено.

Пенди-бай, то ли в самом деле не желая нарушить законы гостеприимства, то ли из уважения к Непес-мулле, представился великодушным:

— Мы рады любому гостю. Дадим и пришельцам, друзья, попытать счастья в борьбе. Победивший получит приз, а остальных найдется тоже чем угостить!

— Джигиты, если они выйдут, валите их сразу на землю!

Нежданные гости были нукерами хивинского хана Мядемина. Они занимались сбором налогов в Серахсе. Предводительствовал ими Хемракули-хан, известный среди туркмен как человек настойчивый в своих планах и изворотливый. Вся компания не пользовалась среди людей уважением. И даже красивые и дорогие лошади, на которых хвастливо восседали нукеры, из-за их всадников не приглашались сейчас никому; люди помнили, как их копыта топтали поля мирных поселян.

Всадники остановились невдалеке и поздоровались.

¹ Бахши — певец.

Пенди-бай дал знак, и Джаллы приступил к своему делу:

— Эй, молодцы, вы попали на свадьбу. Милости просим, слезайте со своих коней! Сейчас как раз начинается гореш¹. Кто хочет, подвязывайте кушаки, и прошу сюда, на середину!..

— Гореш — это дело, — сказал Хемракули-хан. — А ну, джигиты, слезай, посмотрим, с кем тут потягаться.

Начался гореш. Большинство, вслед за молодежью, отправились к месту состязания. И только Пенди-бай, Сейитмухамед-ишан, Непес-мулла и еще несколько любителей поговорить остались под навесом. Непес-мулла рассказывал о только что прибывших.

— В Язи² они обычно не слишком бесчинствовали. А тут появился этот Кичи-кел, и они дошли до того, что хотели даже водой завладеть...

Пенди-бай перебил его:

— Разве Кичи-кел родом не из Караахмета? Что, у него и в Язи кто-то есть?

— У таких людей только для доброй памяти никого нет! — с горечью ответил Непес-мулла. — А как начнут враждовать, так каждую душу припомнят! Люди говорят, от него еще раньше все родственники отказались. Тогда он пришел к Мядемину и сказал ему: «Хоть я и туркмен, но туркмены меня кровно обидели. Они убили моего отца...»

— Говорят, он даже на стариков плетью замахивался...

— Про него еще и не то можно сказать!.. Когда в Караахмете убили его отца, который был там старейшиной, он вообразил, что его самого должны теперь поставить на место родителя. Но назначили другого. Кичи-кел разозлился и, чтобы отомстить аульчанам, примкнул к нукерам Хемракули-хана, слугам Мядемина. Сначала старался насолить своим, а потом ненависть его перешла на весь мир. Особенно достается от него родным...

Шум вокруг места состязаний усилился, так что Непес-мулла вынужден был прервать свой рассказ.

— Крути! Вали! Подними его! — доносилось со стороны наблюдавших за борьбой.

¹ Гореш — борьба.

² Язи — одно из туркменских племен.

Этот шум подействовал и на Пенди-бая. К тому же ему не хотелось омрачать свадьбу разговорами, которые они вели под навесом. Он оглядел собеседников и сказал:

— Мулла, хоть мы сами уже и не сможем участвовать в гореше и приза не заработаем, может, хоть подойдем к тем, кто криком помогает пальванам?

Непес-мулла кивнул головой:

— Ты прав, и это тоже интересно.

Все поднялись.

Посередине площадки для гореша стоял Хемракули. Чувствовал он себя как нельзя лучше.

Подошедшие получили подтверждение второй его победы: Курбан вывел на середину второго барана, выставленного на приз. Рот Хемракули-хана не закрывался от удовольствия.

Кто-то сказал:

— И бог дает баю, и Пенди-бай дает баю,— имея в виду выигрыш Хемракули.

— Что ж ты плачешь! Иди! Победишь, тоже приз получишь.

— Куда мне с этими. Они ж, кроме драки, ничего не знают!

Хемракули-хан по обычаю коснулся лба барана и горделиво повернулся к своим воинам.

Из числа нукеров, стоявших в сторонке с кинжалами за поясом, вышел Кичи-кел.

— Сто лет живи, хан-ага! — поздравил он своего командира и принял от него барана.

— Даже если он проживет сто лет, тебе на семена все равно ничего не достанется! — воскликнул недовольный Келхан Кепеле.

Кичи-кел обернулся и быстро нашел глазами того, кто это сказал. И, проводя мимо барана, проговорил вполголоса, так, чтобы не слышали другие:

— Держи язык за зубами, ленивый вол!

— Вол хоть поле пашет. А такие собаки, как ты, только лают на своих и чужих, да еще целые своры за собой водят!

Кичи-кел невольно схватился за рукоятку кинжала, но тут же опустил руку.

— Хоть я и собака, но я не хочу скандала. Скажи спасибо, что сейчас свадьба. . .

Келхана Кепеле это ничуть не напугало.

— Вон, смотри, у твоего аги от жадности зад обмарлся. Иди лучше сковырни его навоз своей железкой!

Кичи-кел весь задрожал от злости. В другом месте он не простил бы таких слов, но тут боялся гнева Хемракули, которому все празднество пришлось как нельзя более по душе. Поэтому он проглотил обиду и только бросил, отворачиваясь, Келхану:

— Зад в навозе не у хана, а у ленивых волов, как ты.

Келхан же отвечал нарочно громко, чтобы могли слышать и другие:

— Конечно! Хемракули и не может быть в навозе, пока у него есть такие подлизалы, как ты!

Кичи-кел скрипнул зубами и совсем отошел от Келхана, слыша, как уже вокруг них начали раздаваться смешки. Но главное внимание людей было приковано к поединку. Посередине все еще расхаживал довольный, как петух, Хемракули-хан. А зрители роптали меж собой: «Неужели все призы заберут теперь нукеры Мядеммина? Неужели среди стольких туркмен не найдется никого, кто повалил бы Хемракули?» Однако никто не решался выйти на середину.

Видя, что состязание грозит оборваться, глашатай Джаллы начал подстрекать собравшихся:

— А ну, кто силен, выходи на борьбу с Хемракули-ханом! Приз — лучшая овца из стада Пенди-бая! Туркмены, покажите свою силу и храбрость!

— Ты бы не орал, Джаллы, а лучше бы сам шел на середину!

— Ах, если б за голос что-то давали или можно было бы им бороться, я давно свернул бы шею Хемракули. А руки, разве у меня руки? Что у курицы ляжка, что у меня рука — все одинаково!

Племянник Дангатара Курбан в это время прислуживал гостям. Но и он остановился.

На середину вышел Келхан Кепеле и засучил рукава. Зрители с удивлением переглядывались между собой. Хотя Келхан и был здоровым на вид, но не относился к числу палыванов, выступающих на свадьбах. И вышел он сейчас, конечно, не ради приза, а лишь из неприязни к нукерам и их вожаку, распаленный к тому же схваткой с Кичи-келом. Лицо его было суровым, на толстых волосатых ногах, видных из-под засученных штанов, чуть подрагивали мышцы. Однако в сравнении с Хемракули он все же выглядел слабейшим.

Когда Келхан Кепеле схватил за пояс Хемракули и начал его трясти, внимание всех напряглось. Схватка длилась недолго. После того как противники по нескольку раз безрезультатно стискивали друг друга, наступила небольшая пауза. Воспользовавшись ею, Келхан неожиданно подставил Хемракули подножку. Не выдержав боли, предводитель нукеров упал.

Поднялся радостный шум.

— Молодец, Келхан!

— Сто лет жизни Келхану!

— Дай бог тебе сына!

— С этим ты не спешь. У него же еще и жены нет!

— Барана сюда, барана!

Но дарить барана было еще рано. По условиям борьбы, чтобы победить, надо было выиграть три схватки. В двух остальных схватках Хемракули повалил соперника и выиграл приз.

Когда Келхан уходил с площадки, Кичи-кел не упустил случая задеть его:

— Ну, как руками тягаться? Не то что языком!

Келхан тут же прыгнул к нему:

— Ты и тут лезешь, шакал! А ну бросай свой кинжал и выходи, если не боишься! Трусилы! Знай, будешь за чужой зад прятаться, свой волки оторвут!

Кичи-кел поспешил отойти прочь. А Келхан вернулся на свое место и тяжело опустился на землю, держась за поясницу.

— Эй, барана неси, чего ждешь! — кричал Кичи-кел уже с другого конца.

Но Курбан, на котором лежала эта обязанность, стоял не двигаясь. Хоть бараны были и не его, но все равно было тяжело отдавать третьего подряд все тому же Хемракули. Забывшись на несколько мгновений, он размечтался. Он представил, что сейчас, именно в это мгновение, перед ним появляются ангелы — в белых чалмах, с бородами и длинными посохами, такие, как о них рассказывали старики, и спрашивают его: «Мальчик, назови нам любое свое желание, и мы сейчас же исполним его!» И он попросил бы у них не богатства, не коня, не саблю, не долгую жизнь, ни даже ту, которая была дороже всех на свете... Он попросил бы себе силу, которая могла бы победить Хемракули-хана...

Но третий приз ушел к Хемракули, как и два первых.

Если пальван имел хоть немного совести, он после трех одержанных побед, не видя достойного противника, уходил с поля боя, чтобы дать возможность и другим показать себя. Но Хемракули и не думал подчиняться этому негласному закону свадебных поединков. Напротив, опережая подхалимов из своей свиты наподобие Кичи-кела, он сам горделиво выкрикивал перед толпой:

— Ну, кто там еще хочет выйти? Не вижу храбрцов!

Из группы нукеров раздался голос:

— Достойных здесь нет, хан-ага! Придется и остальные призы мне забрать!

Но тут раздался голос:

— Эй, не спеши, юнец. Рано радуешься! Еще не всех поборол ваш хан.

Все взгляды устремились на человека, которому принадлежал этот голос. Это был Непес-мулла.

— Вот это дело! — радостно воскликнул Келхан Кепеле. — Ну-ка, покажи ему, брат!

Непес-мулла вышел вперед.

— Эй, сними сначала свой жесткий кушак, — встрял опять Кичи-кел.

— Не торопись, Кичи-кел. А то чьей-нибудь спине этот кушак придется как раз впору.

Непес-мулла не спеша развязал свой кушак, отдал его кому-то из стоявших рядом и обратился к Хемракули-хану:

— Хемракули, ты знаешь, что я не занимаюсь борьбой, и поэтому условия мои не такие, как у других пальванов.

— Я согласен на все условия, — ответил самоуверенно Хемракули.

Мулла улыбнулся, и глаза его хитро сузились.

— Когда я выхожу с настоящим пальваном, я иду не на новый приз, а на все его прежние призы...

— Ну а если ты проиграешь?

— Если он проиграет, — вступил в разговор Пендибай, — ты получишь еще столько же овец, сколько у тебя есть сейчас.

— Я согласен.

В низине, на одной из окраин села Албас-хана, собралось много народа. Толпа шумела.

Когда появился хан с гостями, все взгляды устреми-

лись в их сторону. Но смотрели люди большей частью не на самого Апбас-хана и не на чужестранцев, а на огромную ханскую собаку, которая шла рядом с ним, слегка позвякивая легкой цепью. Собаку звали Бисяр, что по-персидски означало выдающийся. Апбас-хан считал, что даже и пес его должен быть ханом среди других псов.

У края лощины было выставлено множество собак разных пород и мастей. Сейчас каждый гладил и ласкал свое животное нежнее, чем любимого сына, а некоторые даже пытались внушить любимцу, как он должен вести себя во время схватки.

Когда хан и вместе с ним гости остановились, какой-то незнакомый человек тронул Каушута за руку и вполголоса сказал:

— Говори, что победит ханская собака, и не ошибешься. Считай тогда, что половина дела, за которым ты сюда приехал, сделана.

Каушут ответил на это нарочито громко, но обращаясь как бы лишь к своему собеседнику:

— Конечно, я в этом деле не мастак, но тут и слепому ясно, что победит собака Апбас-хана.

Хан услышал его слова и довольно улыбнулся.

А другие собаки, завидев ханского Бисяра, потеряли покой. Многим уже доставалось от него, да так, что подолгу не могли забыть ужасной пасти, которая и храброго джигита могла перепугать.

По традиции все хозяева собак собрались в одном месте, и лишь только Апбас-хан остался в стороне. Что ж, и хозяин и его собака были самым аллахом поставлены над остальными!

Распоряжавшийся состязанием вывел на середину здорового белого барана. Собаки, привыкшие к тому, что после барана начинается драка, принялись рычать друг на друга. Из толпы болельщиков послышались голоса: «Бисяр! Бисяр! Бисяр!» Услышав свое имя, пес заволновался. Но Апбас-хан натянул цепь и заставил его успокоиться.

— Первым выступает Бисяр,— закричал человек с середины.— Кто хочет выставить свою собаку против ханской?

Все молчали. Человек повторил призыв еще раз, и после этого первый приз — белый баран — был подведен к довольному Апбас-хану.

Вторым призом был баран поменьше. Два худощавых человека, чем-то похожих друг на друга, вывели на середину своих собак. Те кинулись в драку, но безо всякой охоты, видно, из одной только боязни не рассердить хозяев, которые безуспешно пытались стравить их. Было ясно, что настоящей драки не получится. Тогда собак расцепили и вновь криками и угрозами заставили сойтись. Псы лениво рычали и толкали лапами друг друга. Так продолжалось какое-то время. Наконец распорядитель оттянул назад ту, что была чуть покрупнее, и сказал:

— Вот победитель. Эй, хозяин, забирай награду!

Но второму владельцу такое решение показалось несправедливым.

— Почему это он, а не я?

— Потому что его собака вцепилась первой. Если б твою не задела, она бы и с места не стронулась.

— Верно, верно! — подтвердил первый хозяин и, улыбаясь, подошел к барану. Но не успел взяться за него, как подлетел побежденный и, не говоря ни слова, влепил победителю затрещину. Тот не замедлил дать сдачи. Завязалась драка, но теперь уже настоящая, не то что между собаками. Никто и не думал разнимать их, наоборот, разочарованные собачьей схваткой, болельщики с удовольствием следили за людской.

Тач-гок шепнул на ухо Каушуту:

— Интересно, кто здесь возьмет приз?

Но Каушута, видно, мало интересовал этот поединок.

— Нам-то что! Нам о другом думать надо.

— Я готов на все, что ты скажешь. Но что делать? Я не знаю.

Каушут повернулся к Апбас-хану:

— Хан-ага, мы с удовольствием посмотрели на собачьи драки и на человечьи. Ваша собака оправдала кличку. . .

— Ну ладно, ладно. Я вижу, ты говоришь одно, а на уме у тебя совсем другое. Чего ты хочешь?

— Вы правы, хан-ага. Мысли мои заняты теми, ради кого мы сюда пришли. Мы бы хотели, с вашего позволения, увидеть своих людей.

Апбас-хан, не отрывая взгляда от дерущихся, потянул за рукав переводчика Мухамеда, который все это время находился подле него.

— Вот, отведи туркмен к своим, покажи. . . — Хану

вдруг пришла в голову неожиданная мысль, и он закричал: — Эй, стой, стой! Разнимите их!

Кто-то из подручных хана тотчас выполнил его приказание.

Албас-хан засмеялся, а потом толкнул вперед барана, которого присудили Бисяру:

— Вот, кто победит, тот и возьмет его! Продолжайте!

Два человека поглядели сначала на хана, потом друг на друга — ненавидящими глазами — и с еще большей яростью замолотили кулаками.

До Каушута и Тач-гока, которые уходили к своим, какое-то время еще доносились удары и шум возбужденной толпы.

Каушут и Тач-гок с переводчиком Мухамедом вошли в густой сад позади дома Албас-хана. Мухамед остановился перед человеком с окладистой бородой, который сидел, свесив ноги, на высоком дувале¹. В руках бородач держал ружье. Бязевые штаны его были так грязны, что нельзя было определить цвета. Широченные штанины спускались до самых пяток. От безделья он покачивал, как ребенок, ногой и низким приятным голосом пел себе под нос:

Ашуфта-а заман²,
А-ашуфта-а за-ман...

Не отвечая на слова переводчика, он слез с дувала и как-то пугливо поздоровался с гостями. Потом отряхнул штаны и пошел вдоль забора, пригласив следовать за ним.

Глинобитный забор, чем дальше шли, тем казался все новее. Каушут подумал, что, наверно, строят этот забор пленники. Так оно и было на самом деле. В самом конце, где кончалась закладка дувала, сидело человек двадцать пленников. Поодаль от них о чем-то шумно спорили четыре гаджара. Узники не обратили никакого внимания на гостей. Они сидели вокруг старого пня и уныло жевали сушеную дыню. Их лица и одежда были перепачканы глиной.

Каушут остановился в стороне от пленников, чтобы не мешать им есть. Переводчик и бородатый охранник

¹ Дува л — глинобитный забор.

² А шуфта заман — тяжелые времена (перс.).

поняли Каушута и не стали тревожить узников. Чтобы как-то скоротать время, пока люди заняты были едой, Каушут спросил переводчика:

— Почему вы не даёте узникам никакой другой еды, кроме сушеной дыни?

Мухамед смущенно улыбнулся, словно ему стыдно стало за тот ответ, который он мог дать. Но Каушут снова заговорил, опередив переводчика:

— После этой дыни они все время хотят пить? Их мучают жаждой?

— Угадал, туркмен,— согласился Мухамед.

Из пленных текинцев Каушут и Тач-гок знали в лицо одного только Дангатара, но его-то как раз и не было среди пленников.

— Что-то я не вижу Дангатара-ага,— сказал Тач-гок Каушуту.

Но тут Мухамед отступил назад и громко приказал:

— Эй, туркмен, пошли!

...А дома продолжался гореш. Непес-мулла крепко схватил Хемракули-хана, уцепившись рукой за его шелковый кушак с кистями. Борцы сложились друг к другу и напрягли мускулы до предела.

— Поднимай!

— Гни его!

— Не подкачай, мулла!

Из-под ног сползали комья мокрой глины, лоб Хемракули покрылся крупными каплями пота. Так они топтались некоторое время, не в состоянии осилить друг друга. Наконец Непес-мулла, выбрав удобный момент, рванул противника на себя, приподнял над землей и бросил через колено. Сам он тоже не удержался и упал, но упал на Хемракули, опрокинутого на лопатки.

— Молодец, мулладжан! Да живет вечно Непес-мулла! — кричали вокруг.

Мулла поднялся и спокойно отряхнул налипшую землю с локтей и коленей.

Курбан глядел на него, кричал от радости и махал руками. Нечаянно мальчик зацепил локтем старика, стоявшего рядом, смутился и виновато опустил глаза.

— Не стесняйся, паренек, не стесняйся. Доброе сердце всегда болеет за своих земляков. Только не кричи так сильно, это неприлично, можешь обидеть пальвана — гостя.

Второй раунд закончился так же, как и первый. Это означало, что в любом случае Непес-мулла выходил победителем. Хемракули-хан сложил обе руки на груди, давая этим понять, что сдается и не хочет дальше продолжать борьбу. Келхан Кепеле, возбужденный не меньше молодого Курбана, закричал:

— Молодец, брат! До самой смерти готов служить тебе за твою победу!

Вместе с Курбаном и Келханом Кепеле все шумели и радовались. Конечно, эта радость была ничтожной в сравнении со страданиями, которые причиняли простым туркменам те же нукеры Мядемин-хана. Но ведь так бывает и с узником: просидев в темнице долгие годы, он забывает со счастья обо всем на свете, стоит ему хоть на короткий миг увидеть луч солнца и дохнуть воздухом свободы...

Непес-мулла обтер лицо полрой рубахи, надел ичиги и, заметив рядом Курбана, попросил его:

— Курбан, сынок, принес бы мне глоток воды!

Курбан, готовый послужить своему герою, бросился в сторону одной из кибиток.

Люди стали постепенно расходиться. Нукеры Мядемин-хана направились к своим лошадям.

— Хемракули-хан, куда же вы? — обратился Пенди-бай к предводителю. — Нельзя быть на свадьбе и не отвеждать угощения!

— У нас свои дела, — ответил нехотя, но довольно зло Хемракули.

— Пенди-бай! — встрял в разговор Келхан Кепеле. — В народе говорят: «Лучше оторви друга от себя, чем отрывать его от дел!» Зачем держать Хемракули-хана? Он и так, кажется, много времени потерял. Да к тому же впустую!

Кто-то толкнул его в бок:

— Охота тебе беду наживать своим языком, Келхан! Зачем наступать на хвост лежащей собаке!

Келхан Кепеле рассмеялся:

— У меня столько бед, что одной больше, одной меньше — ничего не значит.

Но Пенди-бай, делая вид, что не обращает внимания на Келхана Кепеле, подошел к Хемракули.

— Ну, раз уж надо вам уезжать, возьмите хоть призы свои, — он указал рукой на трех баранов, связанных одной веревкой.

Хемракули кивнул в сторону Непес-муллы, который стоял поодаль в ожидании воды.

— Они теперь его!

— Нет, нет! Это была шутка. Мулла получит свой приз!

Услышав эти слова, Кичи-кел быстро соскочил с коня и, кликнув за собой еще двух нукеров, бросился к баранам. Таким образом, гости удалились хоть и посрамленные, но все-таки с наживой.

Когда Курбан подошел к кибитке, которую занимали женщины, первой встретилась ему Каркара. Она сразу заметила, что лицо Курбана сияет от радости.

— С чего ты такой довольный? Как будто твой конь на скачках победил!

— Был бы мой конь, я бы радовался один. А сейчас радуются все!

— Что же случилось?

— Непес-мулла боролся с Хемракули-ханом и так задал ему, что чуть все ребра не переломал!

— Вот это здорово! Надо было ему еще и шею свернуть!

Неприязнь девушки к Хемракули-хану была понятна. Все жители аула считали Хемракули своим личным врагом, потому что на его стол попадали крохи с каждого бедняцкого стола. То, что могло бы достаться детям бедняков, доставалось нукерам Хемракули-хана.

Каркара наполнила водой деревянную миску и протянула ее Курбану.

— Курбан! Человек, победивший Хемракули-хана, наверное, угоден аллаху. Ему известно больше, чем другим. Я прошу тебя, спроси у него, когда вернется мой отец?

В ее глазах было столько тоски, что Курбан и сам чуть не заплакал. Самая красивая девушка в ауле была самой несчастной, и он отдал бы все, чтобы хоть как-то помочь ей. Но Каркара быстро заставила себя переменить тон.

— Сегодня ставят белую кибитку,— сказала она.— Будут за платком прыгать. Приходи, может, тебе повезет.

С этими словами Каркара повернулась и скрылась в кибитке, а Курбан вернулся к Непес-мулле.

— Спасибо, сынок. Дай тебе бог хорошую подружку,— сказал мулла, принимая воду.

Курбан улыбнулся, оттого что Непес-мулла как бы

угадал его тайные мысли, но тут же снова нахмурился, вспомнив просьбу Каркары.

— Мулла-ага, я вспомнил... Простите... Вы сказали про подругу... — он запинался, не владея собой. — Когда вернется дядя Дангатар? Привезут его в этот раз? Это Каркара спрашивает...

Непес-мулла тяжело вздохнул. Он не знал, что ответить мальчику и вместе с ним его подружке, несчастной сироте. Глаза его невольно обратились в ту сторону, куда уехал Каушут, но там была одна лишь степь с низкорослыми зарослями колючки, по которым и он не мог прочесть никакого ответа. А мальчик внимательно глядел в его лицо.

— Вернется, Курбан-хан, вернется. Аллах не даст Каушуту прийти пустым, если есть хоть какая-то правда на земле...

Народ расходился с площадки для гореша. Некоторые отправились домой, однако большая часть двинулась к белой кибитке жениха посмотреть на другое состязание — прыжки за платком.

Белая кибитка была большой радостью в ауле. Старики и на десятерых своих сыновей не могли завести новое жилище, и только Пенди-бай мог позволить себе такую роскошь — поставить сыну, едва нашлась невеста, новую кибитку. Новая кибитка, восьмикрылая, была сделана по специальному заказу лучшими сарыкскими¹ мастерами.

У кибитки все уже было поставлено, кроме дурлука² и ука³. На высоком туйнуке⁴ был подвешен кусок только что сотканного кетени⁵, который и дразнил взгляды собравшейся молодежи.

Те, кто считали себя хорошими прыгунами, разувшись, пробивались в кибитку. Но никто пока из прыгавших не мог достать до полоски красной ткани.

Курбан еще ни разу не участвовал в этой игре. Сейчас и его взгляд был прикован к кетени. Мысленно он легко подпрыгивал вверх и касался кончиками пальцев материи. Кетени снимают и накрывают плечи Курбана.

¹ Сарык — одно из туркменских племен.

² Дурлук — специальная кошма, которой покрывают верхнюю часть кибитки.

³ Ук — деревянные жерди, на которых держится верх кибитки.

⁴ Туйнук — верхняя дымоходная часть кибитки.

⁵ Кетени — шелковая ткань.

И, счастливый, он бежит сразу же к Каркаре... Но этой мечте так и не суждено было обратиться в действительность. Кетени достался не ему.

Когда уже все вроде перепробовали, а Курбан все еще нерешительно топтался в стороне, в кибитку вбежал запыхавшийся старик. Кетени уже собирались снять, раз никто не мог допрыгнуть, но старик закричал: — А ну, постойте! Дайте-ка и нам попробовать!

Люди вокруг засмеялись. В самом деле, это выглядело смешно — старый человек брался за то, что было не под стать молодым людям. Но старик думал иначе. При первом же его прыжке толпа притихла. Видно было, что он всерьез хочет заполучить приз. Второй прыжок оказался удачным: пальцы старика коснулись края кетени. Довольный победитель удалился со своей добычей.

Теперь, немного пониже, на туйнук подвесили платок. Тут уже Курбан решил не теряться. Едва только кликнули желающих, он стал разуваться. Но когда Курбан приготовился к разбегу, сзади подошел лет сорока человек, тоже разутый, и отодвинул его в сторону:

— Дай-ка старшему начать. Молодой, подождешь!

Курбан, сразу остывший, безропотно повиновался. Видно, и эта награда должна была достаться другому. Человек разбежался и, напрягши все тело, подпрыгнул. Рука его чуть не достала до платка. Опять толпа засмеялась, на этот раз еще сильнее, чем над стариком. Курбан посмотрел в ту сторону, где стояли женщины, и увидел Каркару. Она была в старом, выцветшем платке, недостойном, по мнению Курбана, такой головки, как у нее. Поэтому просто необходимо было добыть новый, чтобы и Каркара могла покрасоваться в нем перед другими.

Не дожидаясь, пока еще кто-нибудь опередит его, Курбан вышел вперед, разбежался и прыгнул. Его легкое тело поднялось высоко, и пальцы коснулись платка. Приземлившись, он первым делом нашел глазами Каркару, на лице которой сияла радость.

Игра в шахматы, начатая рано утром, подошла к третьему туру. Апбас-хан внезапно переменял условия. Он сказал, что третью партию будут играть только Тач-гок со своим соперником. Эта партия была решающей. Две предыдущих сыграли вничью.

Тач-гок сильно волновался. Лоб его был покрыт ис-

париной, и каждый раз, когда он делал ход, на нем выступали новые капельки пота. Ведь каждый его ход решал судьбу пленников. Перед его глазами стояли эти несчастные, измученные люди, и не только они, но и те, что остались дома без кормильцев, их еще более жалкие матери, дети, старики...

Шахматное поле — кусок ткани с нарисованными клетками — казалось Тач-гоку куском пустыни, местом настоящего сражения, на котором кони выступали против коней, пешки против пешек, слоны против слонов, а важные короли советовались со своими визирями и до поры до времени оставались в стороне от сражения. И всеми ими, всей этой армией, и пешками, и королями, должен был управлять Тач-гок. Про себя он сильно сомневался, достаточно ли у него сил и ума для такого дела.

Вот отчего у него подрагивали руки, как в лихорадке, и потел лоб.

— Эх, Каушут, — прошептал Тач-гок, глядя на товарища, — как бы я не подвел тебя!

Но Каушут, хоть и был взволнован не меньше Тач-гока, внешне держался спокойнее, стараясь своим видом подбодрить его. Ведь сейчас все зависело от внимания и упорства Тач-гока.

— Держись крепче, сердар! Ничего не бойся! Ты сейчас самый главный вояка!

Чтобы определить, кому играть какими фигурами, Апбас-хан взял из миски, стоявшей на столе, сухую урючину, сунул ее в рот, потом выплюнул косточку в кулак, спрятал руки за спину, а затем выставил перед противниками два сжатых кулака. Белыми играть выпало Тач-гоку.

Апбас-хан казался равнодушным, совсем не следил за игрой. Он глазел по сторонам, жевал урюк, а потом принялся расспрашивать Каушута о всяких посторонних вещах. Каушут отвечал, но его внимание было приковано к игре Тач-гока. Для него, как и для Тач-гока, на клетчатом поле шло настоящее сражение. Все пешки, визири, кони и другие силы противника должны быть уничтожены; каждый удачный ход приближал минуту освобождения пленников, минуту их возвращения в родной аул.

Фигуры на доске редели. Тач-гок потерял на одну пешку больше, но позиция его была сильнее, чем у пер-

са, так что шансы на выигрыш были примерно равные. Противники разменялись ферзями, и теперь выигрыш хотя бы одной легкой фигуры давал возможность провести пешку и тем самым победить.

Хотя уса́тый перс действовал не слишком умно, видно было, что и Тач-гок не чувствует в себе уверенности, не знает, в каком направлении развивать борьбу. Ему казалось, что стоит тронуть любую фигуру, как она тут же попадется к персу в ловушку.

Апбас-хан развалился на подушке и смотрел на лошадь Каушута, привязанную у забора.

— Сколько лет твоему коню, туркмен?

Каушут оторвал на мгновение взгляд от шахмат, глянул на своего коня.

— Сколько лет?.. Лет много... Но мой, как деревянный, не стареет. Если, хан-ага, выведешь сейчас самого молодого своего коня, мой побьет твоего, спроси хоть у Тач-гока, он знает, мой побьет твоего...

Тач-гок с удивлением посмотрел на Каушута. Потом снова перевел взгляд на шахматы и вдруг чуть не закричал от радости: он понял, что хотел сказать ему Каушут. Однако не стал спешить с ходом, а продолжал делать вид, что думает. Апбас-хан же не понял ничего и продолжал с недоумением смотреть на Каушута. Чтобы отвлечь его внимание, Тач-гок запустил горсть в миску с урюком и набил себе рот. Мелочи этикета занимали Апбас-хана больше всего, он быстро перевел взгляд с Каушута на Тач-гока и закачал головой. «А-я-яй! Как человек увлекся шахматами, даже не замечает, что делают его руки!»

Тач-гок между тем еще немного подумал и сделал ход. Перс забрал в ответ его коня и тут только заметил, что упускает пешку. Он охнул и поднес руку ко лбу.

Апбас-хан, который до этого лениво ворочался на своей подушке, резко вскочил и устоялся на шахматное поле. Его цепкие глаза быстро оценили позицию. Еще некоторое время он без толку рассматривал фигуры, потом схватил за угол материи, резко выдернул ее из-под фигур и отшвырнул в сторону.

Тач-гок от неожиданности перепугался.

— Каушут, — спросил он негромко, — а не побьет хан этого беднягу?

— Ничего! Кобыла не лягает больно своего жеребца!

Усатый перс с виноватым видом подобрал шахматный лоскут, сложил в него разбросанные фигуры и протянул Апбас-хану. Хан зло сказал что-то по-персидски.

— Смотри, Каушут, и здесь такие же ханы, как Ходжам Шукур!

— А, все петухи кричат одинаково!

Но победа была одержана, и Апбас-хану пришлось выполнить свое условие. Тач-гок от радости чуть не прыгал.

Апбас-хан даже не встал с места, чтобы проводить гостей. Он велел усатому отвести туркмен к сторожу пленных и передать, чтобы сторож отпустил узников.

— Эй, туркмен! — крикнул вслед Каушуту хан, когда тот направился к своему коню. — Так сколько же лет твоей лошади?

— Моей лошади, хан-ага, три года. Но мать ее в самом деле была очень стара!

Апбас-хан снова ничего не понял и с еще большим недоумением проводил глазами Каушута.

— Ну спасибо, Каушут, ты меня выручил, — сказал Тач-гок, когда они садились на коней.

— Тебе спасибо, сердар, что понял мои слова. Люди, понимающие язык друга, нигде не пропадут!

— Нет, не говори! Если бы ты не придумал это про коней, я бы наверняка проиграл.

Каушут, уже сидевший верхом, хитро сощурил глаза, посмотрел пристально на товарища и постучал хлыстом по луке седла.

— Смышленный нукер для хозяина мед и сахар. Непонятливый и себя погубит, и хозяина.

Тач-гок не нашелся что сказать в ответ, поставил ногу в стремя и почувствовал себя легким и счастливым как никогда.

В тот же вечер Каушут и Тач-гок вместе с освобожденными пленниками отправились в Серахс.

Прошло больше недели с тех пор, как Каушут и Тач-гок вернулись от Апбас-хана. С утра Каушут помогал косить Тач-гоку и теперь возвращался к своему наделу.

Старые, уже высохшие кусты янтака — верблюжьей колючки — крошились и хрустели под ногами. Над молодыми кустами кружили желтые пчелы, разлетаясь перед Каушутом, как народ перед верховным ханом. Было душно.

Каушут снял с головы шыпырму — остроконечную шляпу мехом внутрь, и на его потном лбу заиграло солнце. Капли пота стекали на щеки и глаза. Он отер их жестким мехом шыпырмы.

Каушут поднялся на холм, огляделся по сторонам и тяжело вздохнул. На западе смутно угадывались очертания аула. Каушут задержал свой взгляд на пшеничном поле, посреди которого чуть виднелась небольшая вышка, отделявшая участок Келхана Кепеле от участка Каушута и его брата Ходжакули.

Каушут спустился вниз, подошел к шалашу, сплетенному из веток эфедры¹, поглядел на снопы пшеницы, которые лежали тут же, как стадо ленивых овец, погладил свою короткую бородку и зашел в тень. Потом достал флягу, подвешенную на ветке, отпил глоток воды и прилег. . .

Он открыл глаза, услышав топот конских копыт. Приподнялся на локте и увидел трех всадников, скакавших прямо на него через пшеничное поле. Поперек седла одного из них лежала женщина.

Каушут сразу сообразил: что-то неладно. Не иначе, кого-то похитили из аула. Понимая, что одному, да еще без лошади, никак не справиться, он вскочил на ноги и, размахивая серпом, закричал:

— Эй, Непес-мулла, идут на тебя! Гулхан-ага, заряжай ружье, не давай уйти вправо! Сапар-пальван, стой где стоишь! Вот они, воры! Хватай их живьем, не давай уйти!

Трое всадников, не встретив никаких препятствий с самого выезда из аула, видно, решили, что им заранее подстроена ловушка. Они остановили коней, о чем-то быстро посоветовались, сбросили жертву на землю и помчались во весь опор к аулу. Потом резко свернули в сторону и скрылись из виду.

Каушут с серпом в руке бросился к тому месту, где лежала женщина. Это была Каркара. Она потеряла сознание, лежала на спине с закрытыми глазами. Каушут приподнял ей голову, помахал перед лицом шапкой. Каркара открыла глаза, посмотрела бессмысленно на Каушута, потом узнала его, и из глаз ее потекли слезы.

— Это вы, Каушут-ага? . . Нет ли воды? У меня горит все внутри.

¹ Эфедра — кустарник.

Каушут сбегал к шалашу, принес флягу. Каркара села, отпила глоток воды, привела в порядок растрепанные волосы и снова заплакала.

— Как мне теперь в ауле появиться?.. Что мне теперь делать, Каушут-ага?.. Как я на людей буду смотреть?

— Люди, говоришь? — с горечью сказал Каушут. — А людям, дорогая, думаешь, лучше твоего?..

Каушут повел Каркару в аул. Женщины, прикрывая рты, смотрели на них с состраданием. Каркара, не поднимая глаз, вошла в свою кибитку. Следом за ней вошли женщины, валившие кошмы.

Каушут прислонился к стенке. Повернув нечаянно голову, заметил подошедшую Язсолтан.

— Ну что ты тут слоняешься? — сказал он усталым голосом. — Поди помоги успокоить девчонку.

Язсолтан скрылась, а Каушута привлекло движение возле крайней кибитки. Там появилась сперва худощавая старуха, а следом за ней гнедая лошадь, на которой сидел мальчишка лет семи.

Каушуту они были незнакомы. Но блестящее серебряное украшение на шее лошади и богатая попона говорили о том, что это были не бедные люди. Старуха направлялась прямо к кибитке Каушута. Поняв это, он крикнул жене:

— Эй, Язсолтан, прими гостей!

Сам он поздоровался со старухой, не трогаясь с места. Жена выскочила навстречу подошедшей и обняла ее.

— Это дом Яздурды-хана?

— Да.

— Значит, ты, сынок, — она указала пальцем на Каушута, — сын Яздурды-хана?

— Верно. Я старший сын Яздурды-хана, и зовут меня Каушут.

— Я знаю тебя. Знаю, хоть и не видела ни разу. Дай бог тебе здоровья, сынок, дай бог, чтобы у тебя в жизни было только хорошее...

— А как тебя зовут, почтенная?

— Меня, сынок, зовут Ширинджемал-эдже.

— Странно, но я что-то совсем не знаю вас.

— Я невестка Ораза Хекге, дочь Нуры-усса. Мы живем в верхнем Горгоре. Наш аксакал очень плох. Он дарит тебе этого коня...

Старуха посмотрела на коня и сглотнула слюну. Видно было, что ей тяжело вспоминать о несчастье. Вольше она не могла выдавить из себя ни слова. Каушут подошел к госте на несколько шагов.

— Ширинджемал-эдже, я не из племени ходжа, и нам не под стать принимать подавания. К тому же...

Старуха собралась с силами и перебила Каушута:

— Не спеши, сынок. Я скажу тебе то, что должна сказать. Наш аксакал ждет тебя. Поедем. Он должен перед смертью передать тебе кое-что. Ты должен услышать это. Если будешь не согласен с ним, можешь потом вернуть коня обратно. Этот конь как человек. На него можно даже ребенка сажать — не свалит. Ну а теперь бери, сынок, поводья в руки.

Мальчик уже слез с коня и протягивал поводья Каушуту. Но рука Каушута не торопилась оторваться от кушака. Он понимал, что таких коней не дают просто так, в подарок. А причину такого богатого дара, сколько он ни думал, понять не мог. Но, с другой стороны, было жалко старуху, проделавшую в такую жару дальний путь. К тому же, как она сказала, коня можно было всегда вернуть. И он решил согласиться.

— Почтенная, удостой мой дом своим вниманием. Не откажись воспользоваться хлебом и солью нашего очага.

— Рассиживаться я не собираюсь. Но уж коли мне привелось перед смертью попасть в твой дом, я отведаю и твой хлеб-соль.

Вошла Язсолтан, держа в руках сачак¹ из верблюжьей шерсти. Старуха присела, раскрыла скатерть и отломila кусочек лепешки. Долго шамкала беззубыми деснами. Потом прочтала товир — послеобеденную молитву — и встала.

— Ну что ж, пошли, сынок. Аксакал ждет тебя.

Каушут не стал долго раздумывать, взял коня, повел к загону, отвязал там ишака, а коня привязал на его место. Взявшись за полосатую веревку на шее ишака, он подвел его к старухе.

— Дай отдых своим ногам, почтенная, — сказал Каушут.

Старуха покачала головой:

— Я же не влезу на него, сынок.

¹ С а ч а к — скатерть.

Каушут легко поднял старуху и усадил ее в седло. Веревку он отдал мальчику, который и повел ишака.
— Что же это такое? — вслух размышлял Каушут. — Ну ладно, пойдем посмотрим, что из этого выйдет.

Язсолтан испуганно крикнула:

— Каушут! Да благословит тебя аллах!

...Черный ослик Каушута остановился у кибитки на окраине аула Горгор. Навстречу вышел худощавый мужчина средних лет, без усов и бороды. Он поздоровался с Каушутом, помог старухе слезть с ишака и предложил гостю пройти в дом.

Каушут приподнял полог, вошел внутрь и увидел в левом углу кибитки человека, который сидел, обложенный со всех сторон одеялами. Было видно — час его пробил. Но и сейчас чувствовалось, что когда-то он был крепким, здоровым мужчиной. Теперь же некогда мускулистые руки не имели сил даже пошевелиться.

Аксакал еле слышно ответил на приветствие. Каушут подошел к очагу и остановился в нерешительности. Глаза старика были закрыты, но пальцы левой руки пошевелились, словно прося подойти поближе. Каушут подошел и сел рядом с больным.

— Вот, отец, я здесь, рядом с тобой. Да поможет тебе аллах выздороветь!..

Лицо больного, бледное, с бескровными губами и большим шрамом на лбу, было неподвижно. На пожелание Каушута он не ответил ничего, даже глаз не открыл. И лишь спустя довольно долгое время тихо спросил:

— Ты сын Яздурды-хана?

— Да, отец.

— Ты не узнаешь меня?

— Нет, отец.

— Я — твой дядя.

Каушут изумился. Он знал всех своих близких и дальних родственников, даже тех, кто остался в Ахале после того, как переехали остальные. Но до сих пор он не слышал ни разу, что близ самого Серахса у него живет дядя. «А может, он просто говорит так потому, что умирает и у него нет никого близких?» Как бы то ни было, Каушут решил не обижать перед смертью старика.

— Да, отец, такие теперь нелегкие времена, что и родственников своих можешь не узнать...

— Времена, говоришь?.. Времена... — старик загнулся и тяжело вздохнул. — Я тебя, сынок, тридцать с лишком лет назад видел. Ты учился, как помню, у муллы. Я тогда говорил Яздурды: «Вот, теперь можешь спокойно умирать, след твой уже не пропадет». А ты был похож на своего отца.

Каушуту снова пришлось удивиться.

— Да, отец. Но как вы все это помните? Уж не пророк ли вы?

Больной открыл глаза.

— Нет, я не пророк. — Он попытался протянуть Каушуту руку. — Давай поздороваемся с тобой, сынок. После тридцати с лишним лет. Как тогда, когда я приезжал. Ты протягивал мне обе свои руки...

Каушут протянул старику свои руки.

— Бисмилла!¹

— Алейкум эссалам... А теперь слушай. — Старик отнял свою невесомую руку от могучих ладоней Каушута. — Слушай, сынок.

— Я слушаю вас, отец. Говорите все, что вы собирались мне сказать.

— Я совсем один. У меня нет ни сына, ни дочери, ни братьев. Есть только вот этот шрам на лбу, такой же точно, как был у твоего отца на руке, ты помнишь его, сынок. Тот шрам, который спас меня от смерти. Это было сорок лет назад. И я тогда должен был умереть. Конечно, первое, что меня спасло, — это аллах, но второе — Яздурды. Тогда я сказал ему: «Ты у отца один. Я — тоже. Будем с тобой братьями»... И когда прогнали врага, мы зарезали овцу и позвали муллу. Там мы побратались с Яздурды. И жили братьями. Пока не стали врагами...

— Говори, говори дальше, отец!

— Нет, этого я не могу сказать. Эту тайну я унесу с собой в могилу. Кроме Яздурды про нее знает один аллах... Так вот, сынок, тогда Яздурды сказал: «И брат брату наносит раны, Ораз. Только я не стану убивать тебя. Но если я умру раньше тебя и ты придешь ко мне на поминки, я до конца света вынужден буду просидеть в своей могиле. Помни об этом, брат».

— И ты послушал его?

— Не торопись, сынок. Я должен был уехать из

¹ Бисмилла — во имя аллаха.

аула. Я знал, что виноват. Яздурды умер. И я не посмел прийти на его поминки. Но у себя дома я зарезал скотину и помянул его. А в ту ночь, когда исполнилось семь дней, я пришел к нему на могилу, взял на ней горсть песку, потерял свои глаза и поплакал. Вот так, сынок... А теперь я прощаюсь с этим светом...

Каушут тут же возразил, повинувшись больше сердцу, чем глазам:

— Не опешите, Ораз-ага. Не тот умрет, кто слег, а тот, кому аллах скажет.

— Я понимаю... — ответил старик безразлично. — Яздурды был настоящим мужчиной. На том свете он простит мне мою вину...

— Обязательно простит.

— На этом свете у меня нет ничего такого, что могло бы согрешить людям. Одна только лошадь, совсем еще молодая. А ты сын Яздурды. И это чистое животное я посвящаю тебе. Но если ты не примешь ее от чистого сердца, я уйду в могилу с незакрытыми глазами. А если примешь, мне будет хорошо, сынок. Туркменам все хуже и хуже с каждым днем. Ты — сын Яздурды-хана. И если ты настоящий сын, то не будешь сидеть дома, накрывшись тулупом. Ты сядешь на коня, ты будешь защищать свой народ. И если этот конь спасет тебя от погони и еще раз послужит тебе, когда ты будешь догонять врага, я возвращу свой долг моему брату Яздурды. Прошу, не отказывай одинокому старику, сынок...

Ораз-хан замолчал, то ли от усталости, то ли это было все, что он хотел сказать. Как раз в эту минуту полог откинулся и в кибитку вошли три человека. Одним из них был Непес-мулла, а двое других — старики с белыми бородами.

После приветствий самый старший из гостей подсел к больному поближе.

— Как дела, Ораз? Тебе лучше?

Больной недовольно поджал дрожащие губы и уставился в туйнук, словно собираясь говорить не с людьми, а с небом.

— Нам, ровесник, не долго осталось жить теперь на этом свете. — Потом еще что-то прошептал неразборчиво, слегка повернул голову и заметил Непес-муллу. — Мулла, ты тоже приехал? Дай бог тебе долгой жизни! Пусть бог уважит тех, кто уважил нас. Жаль, что мне не доведется больше слышать твой голос...

Старик закрыл глаза.

Непес-мулла подошел к больному поближе и взял его за руку.

— Ораз-ага, еще не известно, кто вперед уйдет. Еще много стихов моих послушаете. Поднимайтесь скорее на ноги, на днях уже заканчиваю «Бабаровшену»¹, будете слушать...

— Мулла, пусть теперь люди послушают! Мы уже получили свое... Но перед смертью хотелось бы услышать еще разок твой голос...

Непес-мулла, не выпуская руку Ораза, спросил:

— Что прочитать?

Старик на минуту открыл глаза.

— То, что мне читал в последний раз,— сказал он и снова закрыл глаза, как бы приготовился слушать.

Мулла начал читать:

Живи, как хочется тебе, душа, вот мой совет.

Умей врага от друга отличать, вот мой совет.

А коль с врагом сойдешься, осторожным будь.

Пока ты на земле, продолжить род свой не забудь.

Чем сорок лет в мая² ходить, ты лучше год инером³ будь.

...К вечеру гости распрощались с больным и отправились в обратный путь: два старика к верхнему аулу, а Каушут с Непесом — к крепости.

— Кто он такой, этот яшули⁴? — спросил Каушут Непес-муллу.

— Ораз-ага — человек, любящий стихи. В свое время он был богатырь. Пятерых верховых запросто одолевал. Но, как говорит старина Фраги⁵, сколько ни живи, а в конце — все равно смерть. Видишь, каков он теперь? А мужчина был, таких поискать!

Каушут шел молча, думая над словами Непес-муллы и самого старика. Вскоре они добрались до аула, стоящего на берегу реки. У крайней кибитки на золе от тамдыра⁶ лежал кобель, который при виде чужих лениво залаял, словно для того только, чтоб не получить нагоняя от хозяев. Из кибитки вышла женщина с сосудом

¹ «Бабаровшен» — не дошедшая до нас книга Молла-Непеса.

² Мая — верблюдница.

³ Инер — верблюд.

⁴ Яшули — старейшина.

⁵ Фраги — Махтумкули, основоположник туркменской поэзии.

⁶ Тамдыр — глиняная печь шарообразной формы, предназначенная для выпечки лепешек.

для воды и направилась к реке. На шее у нее было ожерелье, на руках браслеты, в волосах мониста, и со стороны она напоминала ярко раскрашенную куклу; невысокий рост еще больше усиливал сходство.

Каушут с муллой еще не дошли до брода, а женщина уже наполнила сосуд, вышла на берег и остановилась. Когда путники поравнялись с ней, женщина приветливо кивнула им головой.

Каушут и подумать не мог, что она собирается к ним обратиться. Но женщина, не отрывая ото рта яшмак¹ и отвернув от мужчин голову, заговорила:

— Поэт-ага! — Голос у нее был нежный, как у ребенка, и говорила она с небольшим акцентом. — Когда же вы исполните обещание? Говорили, что весной, а весна уже давно прошла... Уже всем красавицам стихи сочинили! А мы чем плохи? Что у нас в роду все маленького роста? Ну и что ж, это не наша вина, нас такими аллах создал!

Такая смелость изумила Каушута и заставила его еще раз с любопытством оглядеть женщину. А Непес-мулла важно ей ответил:

— Гелин!² Я давно исполнил свое обещание и готов доказать это хоть сейчас, но не знаю только, прилично ли поэту читать свои стихи посреди большой дороги?

У женщины таких сомнений, кажется, не было.

— Поэт-ага, чего только в жизни не бывает! Сегодня по этой же дороге возвращались с бахчи наши женщины и девушки, на них налетели персы, уложили пятерых поперек седла и увезли. А уж прочитать стихи — в этом я не вижу ничего неприличного.

Этот случай напомнил Каушуту другой.

— Женщина, если ты говоришь в шутку, то шутка твоя не хороша!

— Нет, я не шучу. Не стану же я такими шутками выпрашивать у поэта стихи! Я говорю о том, что было, можете сами спросить в нашем ауле.

Непес-мулла тоже горько задумался. Хоть аул и был чужой, но беда любого туркмена была для него как своя.

— Что ж, мулла, — сказал Каушут, — я думаю, не

¹ Яшмак — конец головного платка, которым женщины закрывают рот.

² Гелин — невеселка.

стоит обижать женщину. Прочитай стихи, не осудит же аллах тебя за это!

У Непес-муллы стихи в самом деле были давно уже написаны, просто не было случая прочитать их, и сейчас он должен был это сделать в первый раз.

— Хорошо,— сказал он,— я читаю, но прошу тебя, сестренка, не обижаться на шахира-ага¹.

— За что, шахир-ага? Других-то вы нахваливаете в своих стихах, а меня собираетесь очернить? За маленький рост мой?

— Сама увидишь, а стихи так и называются — «Кичкине»². Слушай:

Каприз твой, Кичкине, сведет меня с ума,
Язык твой, как дурман, мне голову кружит, о Кичкине.
Стрелы ресниц летят из лука твоих бровей, о Кичкине.
Сияют зубы-жемчуга за лепестками губ твоих, о Кичкине,
Твой взгляд околдовал меня, о сказочная Кичкине.
О если бы войти в твой сад, сорвать твои плоды,
Там и немая птица поет, как соловей.
Прикован я к тебе, и слаще нет беды,
Чем гибель от волшебной прелести твоей.
Сгораю от любви душа моя, о Кичкине!
Вот ты выходишь в розовом халате, как заря,
Тебя увидит мир и побледнеет в тот же час.
Твое лицо сияет, передо мной горя,
И стрелы огненные летят из черных глаз,
Чтобы сразить покорного Непеса, о милый мой
палач, о Кичкине!

Маленькая женщина, выслушав стихи, слегка растерялась, стала перекладывать кувшин с водой из одной руки в другую. Потом прошла два-три шага, остановилась и, не поворачивая лица, спросила:

— Шахир-ага, а не могли бы вы переписать эти стихи на бумагу? Для меня?

— Приходи завтра ко мне домой, я оставлю там.

— Шахир-ага, спасибо вам, пусть бог вознаградит вас,— сказала «малютка» и тронулась в путь. Она ступала легко, монеты в ее смоляных косах поблескивали и позванивали, словно отсчитывали ее шаги. Непес-мулла с тихой радостью проводил маленькую женщину долгим взглядом.

¹ Шахир — поэт.

² Кичкине — маленькая, малютка.

Соседки напоили Каркару холодной водой, смешанной с сажей из казана, чтобы она могла уснуть, и ушли. Но Каркара не спала. Ей было тесно и неуютно в просторной кибитке, но и выйти наружу, показаться людям на глаза было страшно. Ей казалось, что и вообще никогда она не сможет теперь ни на кого посмотреть. То хотелось, чтобы скорее наступила темнота, чтобы никто не смог разглядеть ее лица, то, наоборот, она молила, чтобы солнце никогда не заходило, потому что тогда вернутся братишка Ораз и вместе с ним Курбан... Самое страшное для нее была теперь встреча с Курбаном. Ведь он уже взрослый и понимает, что такое честь девушки. И даже если чувства Курбана не изменятся, она-то сама не может теперь считать себя достойной его... Каркара придумывала себе разные несчастья. Была минута, когда ей хотелось даже повеситься. Она представила, как соседи выходят утром и видят на дворе девушку, которая висит с высунутым языком... и начинают сразу говорить: «И на что Каушуту было спасать ее, оказывается, она уже потеряла честь, иначе зачем бы ей было вешаться?» Каркара поняла, что даже смерть не может спасти ее от позора...

Погруженная в такие мысли, она не заметила, как в кибитку осторожными шагами вошел Курбан. Он остановился над ней и некоторое время молчал, не зная, с чего начать. Наконец из его губ вырвалось одно слово, которое вмещало для него тысячи; он тихо позвал:

— Каркара!

Но от его голоса Каркара только сильнее прижалась к старому чучалу, который лежал у нее под головой. Ей хотелось прорвать его и спрятаться в нем от своего позора. Но поскольку она не могла этого сделать, то лишь пригнулась сильнее и закрыла руками голову, чтобы ее не мог видеть Курбан. Каркара еще и еще раз услышала свое имя, но не отзывалась. Курбану хотелось утешить ее, а получалось наоборот, не в силах вынести его голос, Каркара зарыдала.

Ненависть к негодяям охватила Курбана. Дрожа от гнева, парень вышел во двор. Но как он мог, маленький и бедный, отомстить за свою Каркару? ..

С наступлением вечера, когда скотину уже пригоняли с пастбищ, Каушут и Непес-мулла добрались до крепости Серахс. Там их дороги должны были разойтись:

Каушут направлялся в сторону востока, а Непес-мулла на север. Но толпа вооруженных людей возле стен крепости и шум, доносившийся оттуда, заставили их подойти ближе.

У входа в крепость собралось человек пятьдесят, кто на лошадях, кто с ишаками. Было ясно, что какая-то особо важная причина привела их сюда.

Корявенький, сухой старичок, сидевший на ишаке поперек седла, держал на коленях ружье с длинным черным стволом. Он вынул из-за пазухи круглую табакерку, положил щепоточку наса¹ себе под язык, сощурил глаза и поднял лицо вверх.

— Эй, джигиты, мы должны доказать, что не зря носим на голове папахи. Пусть придет хан и скажет нам, хан он или нет! Я готов хоть сейчас отдать свою голову, если она понадобится. Где наш хан? Или мы так и будем сидеть на месте?

Но людей, кажется, не воодушевляли слова старика. Они сидели и стояли, понуро свесив головы, и лишь некоторые что-то невнятно бормотали в ответ.

— Нет дыма без огня,— сказал Каушут Непес-мулле.— Видно, этот коротыш сказал правду. По людям видно, что у них случилось что-то серьезное.

Те, что были ближе к Каушуту и Непес-мулле, стали здороваться с подошедшими.

Юноша лет двадцати резво соскочил со своей кобылы и протянул обе руки сначала Непес-мулле, потом Каушуту. Затем отступил на шаг и заговорил с жаром:

— Мулла-ага, вы человек умный, много повидали... Скажите, может быть так? Вот вы не такой уж большой хан, а все равно не прошли мимо, вам интересно, о чем толкует народ. А настоящий хан и знать нас не хочет, хоть всех перережь, как овец, с места не стронется. Что у него, за молитвами ноги к задку приросли?..

Каушут перебил парня:

— Сынок, ты сперва скажи толком, что у вас случилось, а то мы с Непес-муллой не знаем...

Но в это время с другой стороны показались несколько человек, шедших к толпе. Люди заволновались, загудели. Юноша повернулся и сразу словно забыл о вопросе Каушута. Его внимание тоже приковали приближающиеся фигуры.

¹ Н а с — жевательный табак.

Это был Ходжам Шукур со своей свитой. Сам он выступал впереди, в богатых кожаных сапогах с задранными носами, в просторном чекмене, который, по замыслу, должен был придавать грозный вид его шуплой фигуре. К кушаку с черными кистями на концах была подвешена кривая сабля с узким полумесяцем на ножнах. Вот он продел большие пальцы обеих рук за кушак, сощурил глаза и оглядел всех надменным взглядом.

Народ сразу притих. И даже те немногие, кто только что перед его приходом выкрикивали: «Где хан? Пусть только придет, я скажу ему такое, что он с рождения не слышал!» — затаились. Поскольку никто не осмеливался нарушить первым молчание, хану пришлось начать разговор самому:

— Ну, в чем дело? Зачем меня звали?

Все молчали. Только лошади шлепали по своим крупам хвостами, отгоняя налетавших оводов.

Хан принял грозный вид:

— Ну, что вам от меня надо? Говорите! Или так и будете стоять, будто яшмаки на свои ослиные морды натянули?

Не столько грубость тона, сколько унижительность сравнения заставила людей прийти в движение. Было ясно, что если они терпят и это, им никогда уже не выбраться из-под ханского башмака. Самым смелым оказался старичок, сидевший в седле как сухая колючка на ветке. Он поднял голову и крикнул:

— Хан-ага, люди хотят говорить с тобой!

— А чего ждете? Говори!

— А если говорить, хан-ага, то дело такое... Что ж мы должны позволять всяким, кто даже навоза верблюжьего не стоит, топтать честь нашу! Может, ты тоже станешь на сторону своего народа, или он тебе совсем чужой?..

— Что же случилось с вашей честью? — перебил его хан, слегка смущенный такими словами.

Юноша, говоривший с Непес-муллой, внезапно вскочил вперед и заговорил низким, но еще некрепким голосом:

— Хан-ага, не надо притворяться. Ты же хан! Неужели ты не знаешь о том, о чем уже знают все? Может, мне тебе рассказать?

Ходжам Шукур насмешливо поглядел на него:

— Расскажи, сынок, расскажи!

— Расскажу, если тебе это интересно. Сегодня после полудня прискакали персы и утащили пять наших женщин. Эти люди хотят отомстить разбойникам. А пришли они сюда за тобой. Если хочешь защитить нашу честь, команду и привези за каждую отнятую голову по голове!

Ходжам Шукур, не отрывая рук от кушака, повернулся и сделал несколько шагов в сторону. Его взгляд наткнулся на Непес-муллу и Қаушута. На их приветствия хан ответил холодным кивком, словно говоря: «И вы тут как тут!»

Толпа молчала в ожидании ответа. Неожиданно хан повернулся назад и заговорил:

— Когда-то мы не ждали ханов в таких делах! Без подсказок делали то, что надо, даром времени не теряли!..

Қаушут сказал на ухо Непес-мулле:

— Когда беркут стареет, он делается мышеловом. Когда разбойник стареет, он делается хвастуном!

Из толпы раздался уже полный решимости голос:

— Людям не нужны пустые слова, хан-ага. Люди ждут ответа. Здесь много найдется таких, в ком хватит сил на дела, которых ты сам не боялся когда-то.

Шукур засунул в рот конец своей редкой бороды и принялся жевать ее. Было видно, что он подбирал теперь другую тактику.

— Если вы спрашиваете у меня совета... — начал задумчиво он. — Иран — большая страна. Там и пушки есть, и много войска... Если Иран поднимется, он разнесет в пух и прах всех туркмен, с детьми и предками. Вы сами знаете, сильные хорошими не бывают. Давайте лучше молить аллаха, чтобы он пощадил нас, вот мой совет, друзья...

— Эй, хан, если даже аллах снизойдет до нас, то гаджары¹ — то все равно не смиростивятся!

Ходжам Шукур пропустил эту реплику мимо ушей и продолжал:

— А потом, стоит ли из-за каких-то ненужных рабынь враждовать с такой большой страной! Не спешите! Придет время, узнаем про них, может даже выручим. Так что живите спокойно.

¹ Туркмены иранцев называли «гаджарами».

Все тот же юноша, который говорил с ханом, снова выступил вперед:

— Хан-ага, ты очень хороший совет даешь! Среди этих пленниц — и моя жена. Я еще недели с ней не прожил. . .

— Ну и что ты хочешь?

— Пока будете вынюхивать да узнавать, отдайте мне свою дочь, она как раз на выданье, а приведете мою жену, я верну вам вашу дочь. . .

Ходжам Шукур весь налился кровью и, забыв от такого неслыханного оскорбления про все на свете, выхватил саблю из-за пояса и бросился на юношу. Каушут, который уже понимал, чем может кончиться дело, в одну секунду очутился рядом с ханом и схватил его за руку. Хан попробовал вырваться, но сделать это было непросто. От толпы отделился статный старик с белой как снег бородой и подошел прямо к хану:

— Дай сюда саблю!

Каушут отпустил руку Ходжама Шукура, и тот, потупив глаза, повиновался. Сабля перешла в руки старика. Он подержал ее немного и вернул обратно Шукуру:

— Возьми, хан, положи обратно в ножны. Не посылай солью раны своего народа.

Ходжам Шукур молча бросил саблю в ножны. Но толпа уже гудела, обращаясь к седобородому старику:

— Будь сам ханом!

— Нам не нужен Ходжам Черный!

— Тебя, тебя!

— На руках станем носить, будь ханом!

Старика звали Ораз-яглы. Он был одним из старейшин у текинцев. Но теперь уже не предводительствовал в своем племени, поскольку был стар годами. И все же, несмотря на возраст, голова его еще была светлой, и люди часто обращались к нему за советами.

Ораз-яглы опустил голову. Он не знал, что ответить. Будь он чуть помоложе, он бы стал на место хана — не ради себя, ради несчастных женщин, которых надо было спасать.

Народ ждал ответа. Но мудрый Ораз-яглы молчал.

А Ходжам Шукур тем временем переводил свой злобный взгляд с одного на другого. Он не знал, на ком выместить обиду. И тут глаза его наткнулись на Каушута.

— Это ты воду мутить, я знаю тебя, сын Яздурды-

хана. Смотри, еще пожалеешь! Вечно лезешь не в свои дела. С такими, как ты, ханы и по одной дороге не ходят!

Каушут спокойно улыбнулся:

— Хан-ага, мои предки и сами бы не пошли с тобой по одной дороге. Только дело не во мне, а в твоём народе. В Серахсе земли много, я и своей дорогой пройду. А вот тебе, кажется, уже и идти некуда. Знаешь, как говорят, если нет сил на двор бегать, надо поменьше есть за обедом.

То, что Каркара и Курбан жили одним домом, было и хорошо и плохо. Хорошо потому, что они могли видеть друг друга каждый день, а плохо потому, что, когда живешь с человеком все время рядом, трудно перейти с обыденного привычного языка на другой язык, которым хотелось Каркаре и Курбану говорить между собой. Да и неприличным казалось в доме, из которого вынесли труп матери Каркары и увели отца, даже думать о любви. Обоим мерещились тени этих двух людей, укоризненно наблюдавшие за ними. Лучше бы они жили порознь, так порой думали девушка и юноша, тогда можно было бы встречаться где-нибудь тайком и говорить нежные слова друг другу.

Каркара страдала еще больше. После несчастья, случившегося с ней, она думала, что Курбан не любит ее так, как прежде. Ведь она считала себя опороченной и боялась, что Курбан теперь отстранится от нее и она останется совсем одна. Но Каркара ошибалась. Курбан еще больше любил и жалел ее. Он думал не о прошлом, а о будущем, он мечтал только об одном — убедить Каркару в своей любви и узнать, что она тоже любит его. Но оба они боялись сказать друг другу хоть слово об этом.

Каркара не могла долго вынести неизвестности. Ей хотелось проверить чувство Курбана. Однажды днем она не выдержала и отправилась в кузницу, где был в это время Курбан, решила обязательно добиться от него хоть каких-то слов. Конечно, просто так она не могла пойти, поэтому взяла свой серп, собираясь как будто бы наточить его.

Вместо звуков молота Каркара слышала разговор, доносившийся из кузни. Кузнец Хоннали любил поговорить. Он был мастером своего дела, хорошо известным

в Серахсе, и любовь ко всякого рода историям, порой даже присочиненным наполовину, была единственным его недостатком. Он не ленился повторять одно и то же каждому новому человеку, мешая правду с вымыслом. Стоило какой-нибудь его истории понравиться людям, как он тут же готов был добавить целый чувал новой неправды.

Сейчас слушателем был один Курбан, и, как только кузнец увидел девушку, за неимением лучшего собеседника, тут же обратился к ней:

— Иди, иди, дочка, я кое-что расскажу. Тебе будет полезно послушать... Жила одна вдова...

Но Каркара стояла в дверях и не трогалась с места. Ее смущало присутствие Курбана. Не обращая на это внимания, Хоннали продолжал:

— ...и было у нее две дочери. Хитрая была женщина, мудрая. Выдала своих дочерей замуж, а когда они уже были с мужьями и пришли к ней однажды, сказала: «Будут вставать ваши мужья утром, потяните их незаметно за полы рубахи и скажете мне потом, что они сделают». Пришли к ней дочери на следующий раз, и первая говорит: «Я потянула его, а он обернулся назад, ничего не сказал, только улыбнулся и пошел дальше». Тогда мать сказала ей: «Тебе попался слабовольный человек, можешь крутить им как хочешь». Потом рассказывала вторая дочь: «Я потянула его за рубаху, а он подумал, что это кошка, которая бегала тут же рядом, схватил кинжал и зарубил ее». — «Тебе попался очень жестокий человек, — ответила ей мать, — будь с ним осторожна, старайся лучше во всем угождать ему, а то он тебя может в другой раз вместо кошки зарубить». Вот так-то, милая. Смекай! Скоро и сама, может, будешь в чужом ауле, вот там вспомни мой рассказ.

Каркара с интересом слушала Хоннали, ей только не понравились последние его слова. «С чего он взял, что я попаду в чужой аул? — подумала с тревогой она. — Или в самом деле так мне на роду написано?»

Когда человек приходит в кузню с серпом в руках, то ясно, зачем он пришел. И поэтому, когда Хоннали закончил свой рассказ, подошел к Каркаре и взял из ее рук серп, она снова заволновалась; серп был не такой уж тупой, чтобы его надо было снова точить. Вдруг старик догадается?

Но Хоннали не успел потрогать зубья, новое событие

отвлекло его внимание. Это был новый повод почесать языком и заодно похвалить себя.

— Ну-ка, ученик, иди сюда,— позвал он Курбана.— Ты должен все перенимать у твоего учителя. Посмотри-ка вон на того всадника, видишь, он едет в нашу сторону? Ну, что ты про него можешь сказать? Не кажется тебе, что копыта у его лошади слишком отросли, а может, даже и обломались? А едет он, по-моему, прямо к нам, и ни в какое другое место...

Курбан, зная слабость своего учителя, решил польстить ему.

— Как вы догадались, Хоннали-ага?

Кузнец самодовольно погладил свои усы.

— Я чувствую по тому, как спотыкается его лошадь. Куда ж ему еще на ней ехать, как не к кузнецу! Вот сейчас мы подкуем этого скакуна, и он уже больше не будет спотыкаться!

Всадник тем временем и в самом деле подъехал к кузнице. Хоннали взял свои инструменты и пошел на встречу ему.

Каркара осталась вдвоем с Курбаном. Еще несколько минут назад она собиралась непременно поговорить с ним, но теперь молчала, не в силах произнести ни звука.

И Курбан растерялся. Он забыл все те многие слова, которые готовил для нее, и молча смотрел в лицо Каркары, на ее опущенные к земле глаза. Наконец, чтобы только сказать что-нибудь, он спросил:

— Ты серп принесла? — Но это было и так ясно, он понял глупость своего вопроса и снова замолчал.

Каркара вздрогнула и сказала:

— Да, затупился совсем, жнешь, как будто руками...

Курбан подошел к ней, протянул руку, он хотел коснуться ее руки, но в последнее мгновение испугался и схватился за серп, даже не за рукоять, а за лезвие. И тут же почувствовал, какое оно острое, на пальце его остался след от зубцов, и он понял, что Каркара пришла совсем не из-за серпа.

— Смотри, он же заточен!

— Ой, я, наверное, ошиблась, взяла новый вместо старого,— и пришедшая протянула руку, чтобы забрать серп, но тут Курбан поймал ее ладонь и сжал в своей руке. На мгновение юноша и девушка замерли, но уже

через секунду Каркара высвободила руку и отступила от Курбана.

Молчание первым нарушил Курбан:

— Почему ты убрала руку?

— Моя рука недостойна твоей руки. За эту руку меня уже брали, а тебе нужна чистая рука, как твоя...

— Чище твоей для меня нет, Каркара.

Курбан вдруг повернулся и бросился в угол кузницы. Оттуда он вернулся со свертком в руках и протянул его Каркаре:

— Это тебе на память от меня. Я боялся дать тебе дома...

Каркара не стала спрашивать, что там. Она взяла это что-то, завернутое в старую зеленую тряпку, и вышла из кузницы. Даже если, кроме этой тряпки, не было ничего, этот подарок был бы дороже для нее всех других, потому что он был от Курбана.

А в старую тряпку был завернут платок, который Курбан выиграл на свадьбе у Пенди-бая.

Каркара понемногу приходила в себя. Несчастье постепенно забывалось, а после объяснения с Курбаном на душе у нее сделалось совсем легко.

Как-то днем, во время сильного зноя, к Каркаре прибежала ее подружка Кейик и предложила сходить искупаться. Девушки взяли два кувшина, отправляясь якобы за водой. Другие женщины были чем-то заняты, и никто на них не обратил внимания.

Когда подружки подходили к броду, возле которого обычно все купались, мимо них проскакал незнакомый всадник и скрылся за холмами. Девушки остановились на берегу, не решаясь подойти к воде. Но кругом было тихо, и река была спокойной. На другом берегу из своего гнезда вылетела птица. Сделала несколько кругов над водой и снова скрылась в своей норе. Лягушка, словно испугавшись птицы, прыгнула в воду. Другая, наподобие брошенного по воде камня, сделала несколько прыжков и спряталась в камышах.

— Кейик, пошли лучше вон туда, за деревья, такая жара, могут мальчишки прибежать.

— Пошли.

Они подхватили кувшины и пошли подальше от брода. Небольшая заводь, к которой подошли девушки, была закрыта с одной стороны отвесной скалой, а с другой

зарослями тамариска. Но едва подружки начали раздеваться, как в кустах послышался шорох.

— Там кто-то есть! — вскрикнула Каркара и прижалась к Кейик.

Шорох приближался, зашевелились ближние кусты. Подружки боялись перевести дыхание. Наконец кусты раздвинулись, и оттуда вылезла собака.

— Да это же кобель Тач-гока, — сказала с облегчением Каркара. — А мы испугались!

Собака остановилась перед девушками, тяжело дыша. Ее тонкий язык вывалился из пасти.

— Бедняжка, еле дышит! Такая жара, даже собаки лезут в воду!

Пес не стал долго ждать, вошел в воду и поплыл. На середине реки собака резко повернулась и поплыла назад, к тому же самому месту, откуда входила в воду. Когда она вышла на берег, язык уже не торчал у нее из пасти, дышала она ровно, и даже шерсть ее, как только собака отряхнулась, приняла как будто другую, более чистую окраску. Собака постояла немного, глядя на девушек и как бы приглашая их в воду, отряхнулась еще раз и трусцой побежала домой.

Девушки обмотали косы вокруг головы и вошли в реку.

— Ой, Каркара, как хорошо! Окунайся скорее!

Но едва они отошли немного от берега, как заросли тамариска снова зашевелились, но на этот раз посильнее, чем когда через них пробиралась собака Тач-гока. Каркара бросилась к Кейик. В это же время с другой стороны послышался стук копыт. Девушки повернулись. На том берегу, как раз напротив них, остановился всадник.

— Нукер Хемракули!

— Ну и что, он же на том берегу.

— А на этом! Там тоже кто-то есть!

— Поплывем к броду. Может, там ребята...

— Да нет. Ты же слышишь, никого нет.

Кусты опять зашуршали. Девушкам даже показалось, что там кто-то кряхтит.

Всадник с того берега пристально смотрел, словно ожидая кого-то, и смотрел как раз в сторону кустов. Теперь там послышался храп лошади.

— Все равно, поплыли к броду, — прошептала Кейик. Но было уже поздно. Из кустов выехали три всадни-

ка, тоже нукеры Хемракули. А тот, на противоположном берегу, громко захохотал, словно говоря: «Ну что, попались! Бежать некуда!»

Нукеры остановились у самой воды, и один из них крикнул:

— Помылись, можете теперь вылезать!

Каркара посмотрела на Кейник, ища поддержки. Но деваться было некуда. Кейник первая поняла это и заспешила к берегу.

— Если пискнете, считайте, что вы уже на дне. Ну, вылезайте, и побыстрее.

Девушки вышли на берег. Мокрые рубахи плотно облегали их юные тела, отчетливо обрисовывая маленькие груди, талии, бедра...

— Вах-вах-вах! Какие красотки! За одну ночь с такими можно много дать!

— Что это купаться бросились, или уже успели замараться? А, малытки?

Но третий нукер, молчавший все время, видно старший, посмотрел на товарищей так, что они приумолкли.

Некоторое время никто не трогался с места. Каркара нагнулась, схватила кувшин, платье и пошла в сторону брода. Не успела она сделать и трех шагов, как пожилой всадник прыгнул с лошади и схватил ее за локоть.

— Ой! Пустите!

Кувшин выпал из ее рук и покатился к воде.

— Я сказал уже тебе, пикнешь, вот это получишь, — нукер взялся за рукоять своего кинжала и, не дав ей опомниться, схватил за пояс и бросил на седло товарищу.

Каркара хотела закричать, но рот ей тут же заткнули тряпкой.

— Помогите! — взмолилась Кейник и бросилась к подруге.

Но тут же удар хлыстом ожег ей лицо, и она упала на землю, теряя сознание.

Когда Кейник очнулась, рядом никого не было. Она сразу вспомнила, что произошло, и зарыдала, закрыв лицо руками:

— А все я, я виновата! Я ее сюда потащила! Не могли жару перетерпеть, пойти со всеми! Каркара, милая, это я, я такая!...

Кейник поднялась на ноги, держась за ветку тамариска, посмотрела в воду. Кувшин Каркары уже чуть

отплыл от берега и, задевая за камыши, наклонился и черпал воду. Кейик глотала слезы и не могла сдвинуться с места. Кувшин покачался еще немного, сделал последний глоток и пошел ко дну...

В этот же день Келхан Кепеле устраивал поминки по матери. Он затеял настоящее торжество. Хотя скачки и гореш здесь не полагались, он постарался сделать все, чтобы у него было шумно и весело. Сам он, заткнув полу халата за кушак, ходил среди гостей и повторял:

— Друзья, будьте как на свадьбе! Дай бог каждому из нас умереть в таких годах, как моя мама. Радуйтесь за нее, а не плачьте!

Но одно состязание Келхан Кепеле все-таки намеревался устроить. Он подошел к резчикам мяса и взял у них берцовую кость барана. На таких костях мерились силой — кто сумеет разломить ее пополам. Это было нелегко, в каждом ауле знали двух-трех человек, способных переломить эту кость. Победителей награждали, как правило, сачаком дограмы¹ или бараньей ляжкой. Награда была небольшой, но получить ее было лестно.

Навстречу Келхану Кепеле попался один из гостей — Сапар-ашикчи².

— Ну-ка, возьми вот это и спроси, нет ли охотников показать свою силу!

Ашикчи задрал вверх руку с костью и прокричал во всю глотку:

— Эй, где силачи, кто сломает эту штуку?

Гости молчали. Сапар-ашикчи повторил свой призыв:

— Ну, смелее! Неужели сегодня она так и останется целой?!

Из-под навеса поднялся приезжий из Мары, он подошел к Сапар-ашикчи:

— Ну-ка, дай ее сюда!

Ашикчи посмотрел на человека с сомнением:

— Друг, а не боишься опозориться?

— В Мары я пока не позорился ни разу.

Сапар-ашикчи, смеясь, протянул ему кость.

— Ну что ж, попытай счастья. Что Мары, что Се-рахс — какая разница, бараны везде одинаковы!

¹ Дограма — мелкие кусочки хлеба с мясом и луком.

² Ашикчи — игрок в алычки.

Человек крепко схватил кость и принялся ломать ее. Но кость не поддавалась. Люди тем временем уже обступили его.

— Смотри, чтобы каких лишних звуков не вышло от натуги!

Все смеялись

Лицо гостя налилось кровью. Он напрягся из последних сил, но кость не ломалась. Он подержал ее еще немного и вернул Сапару-ашикчи. Посмотрел уничтожающим взглядом на тех, кто насмехался, и отошел в сторону.

— Смотри, серахские кости оказались покрепче марыйских!

— Ладно, что издеваетесь! Не знаете, как говорят: чужой гость дороже своего отца!

Но насмешник не сдавался:

— А если дороже, так сидел бы себе, как наши отцы, да ел дограму, ее и так дадут!

Вызвался новый охотник:

— Ну что, ашикчи, никто не может? Попробовать, что ли?

— Попробуй. А не боишься, что и у тебя выйдет, как у марыйского гостя?

Человек вытер жирные руки о сапоги, потом взял горсть песка и растер его между ладонями.

— Ну, давай сюда.

— Попробуй, попробуй! А вдруг повезет!

Человек взял кость, но несколько иначе, чем гость из Мары. Подумал немного и напряг мышцы.

— Ия, аллах!

Одновременно с его вскриком послышался треск, и кость разломилась надвое, легко, как куриная.

— Сачак! Сачак! Несите сачак! — кричал Сапар-ашикчи.

Победитель увидел Каушута, подходившего к ним.

— Что, и ты тоже хотел постараться?

А тем временем к Каушуту, стоявшему чуть в стороне, подошел какой-то старик и тронул его за локоть.

— Каушут, а что там за письмо пришло в Мары? Ты не говорил с этим человеком?

— Да он сам толком не знает. Говорит, вроде из Бухары прислали. Пишут, отделяйтесь, мол, от Хивы и идите к нам... Вроде они там собираются стать на сторону сарыков, салыров, текинцев, вообще всех туркмен...

— А-я-яй, дело какое! Что-то многие хотят защищать, да мало кто это делает... Наверное, и Ниязмухамед уже про это знает?

— А как же! Да не только он, уже и Мядеммин-хан знает. Завтра, говорят, Ниязмухамед едет в Хиву. Вроде хан ему велел срочно приехать. Ясное дело, не на свадьбу зовет! Наверное, все из-за этого.

— Может, и наш хан проснется, когда узнает, что нас уже другие защищать хотят?

— Не знаю я, не знаю... Только боюсь, как бы еще хлеще не стало от этих всех защитников!..

— Да, трудное наше дело...

Тут кто-то крикнул:

— Каушут! Где Каушут? Иди сюда!

Каушут извинился перед стариком и подошел в ту сторону, откуда его звали.

У изгороди стоял человек, который пришел сказать, что Каркару опять украли.

Летом Хива, если смотреть на нее издали, кажется покрытой дымкой и проглядывается сквозь нее еле-еле. Из-за жары в городе — как в раскаленной печке. Даже редкие ивы, что растут по берегам арыков, не дают ни тени, ни прохлады. Но людей на улицах от этого ничуть не меньше. Старики в белых чалмах идут к мечетям, небрежно размахивая своими тросточками. На улице играют чумазные мальчишки и разбегаются при виде этих важных господ. Тянут свои ноши верблюды, ослы, и под стать им идут впереди хозяев, согнувшись под грузом, полураздетые амбалы.

И поэтому, когда Ходжам Шукур со своим караваном вошел в город, это событие не произвело на его жителей никакого впечатления. Каждый день сюда прибывали десятки таких караванов, и этот отличался, может, только тем, что прибыл из сторон более дальних, чем другие. О далеком пути, пройденном караваном, говорило множество пустых бурдюков, наваленных на спину одного из верблюдов, и чересчур утомленные лица людей и морды животных.

Впереди всех на белой лошади ехал Ходжам Шукур. Он дремал в седле, с трудом ворочая полуприкрытыми глазками. Кроме верблюда с пустыми бурдюками, все остальные были тяжело нагружены. Только еще у одного переднего груз был легким — на нем стоял богато

убранный паланкин, обтянутый со всех сторон тонкой тканью. И увидеть, кто находился внутри, было невозможно.

Ходжаму Шукуру, чтобы окончательно не лишиться своего ханства, нужна была твердая опора. Но опоры такой ни в Мары, ни в Серахсе у него не было. Не только простые дехкане, но и ханы и баи отвернулись от Ходжама Шукура. Поэтому он и отправился искать поддержки в Хиву.

Ополчившийся втайне на свой народ, Ходжам Шукур и всех других подозревал в измене. Ему казалось, что Мары и Серахс собираются сговориться с Ираном и выступить против Хивинского ханства. Каждый раз, когда кто-нибудь из ханов или беков на несколько дней покидал Серахс, ему мерещилось, что они тайно пробраются в Иран, и испытывал сильное беспокойство. Так, перед самым своим отъездом Ходжам Шукур прослышал, что Пенди-бай вместе с сыном Мяликом отправился на поминки в Теджен, но не поверил этому и поручил Кичи-келу точно разузнать, не кроется ли за поминками что-то другое.

Была у него на совести, кроме прочих, и еще одна вина, заставлявшая теперь вдвойне трепетать перед своим народом.

Как только караван вошел в город, из-за старого, полуразвалившегося забора навстречу ему вышла худая, оборванная старуха, воздела руки к небу и принялась что-то бормотать. Казалось, она разговаривает сама с собой, не обращая на путников никакого внимания, но в Хиве хорошо знали таких старух — их была целая орда, они проводили на больших дорогах дни, зарабатывая тем, что встречали караваны и за небольшую подачку благословляли новоприбывших, молились аллаху за их удачу. И поскольку в Хиву приезжали большей частью богатые люди, совесть которых не всегда была чиста, подавания не переводились, и старухи всегда могли заработать на кусок хлеба.

Ходжам Шукур имел все основания прибегнуть к услугам благословительницы. Поравнявшись с ней, он остановил свою лошадь и стал развязывать кошелек. Старуха подошла и забормотала еще громче. Ее потухшие, безжизненные глаза продолжали смотреть в небо.

Ходжам Шукур достал из мешочка две таньги и бросил на землю.

— Жертвую аллаху!

Старуха, не переставая молиться, нагнулась, подобрала монеты и отступила в сторону.

Караван двинулся дальше.

Через некоторое время путники стали свидетелями другого события. На широкой площадке слева от дороги два здоровых джигита гонялись с плетью за юношей, обнаженным по пояс, со скрученными сзади руками и завязанными черным платком глазами. Каждый раз, когда джигиты настигали несчастного, они били его плетью, и юноша, слыша свист скрученных ремней, дрожал и сжимался от напряжения. Поскольку глаза его ничего не видели, он то и дело налетал то на дерево, то на забор, то на стену дома.

Бьющие его перед каждым ударом громко восклицали:

— Тысячу плетей каждому, кто скажет дурное слово о дорогом Мядемин-хане!

И, как точка в конце предложения, раздавался звук удара по спине несчастного.

За этим действием с улицы наблюдало множество любопытных. Одни смотрели как на веселое зрелище, другие хмурили брови, третьи от жалости утирали глаза. Но никакая жалость не могла спасти юношу.

— Тысячу плетей каждому!..

И вслед за этим свист плети и звук удара.

Один из зрителей, старик в белой чалме, который стоял, опираясь на посох, вдруг отделился от остальных и вошел на площадку.

Нукер резко обернулся к нему:

— Куда прешь, старый кобель?

Но старик как будто и не слышал оскорбления.

— Дети моя, не надо так! Разве этому учит нас аллах?!

— А что, может, аллах учит порочить хивинского хана Мядемина?

— Но ведь высокая честь хана от этого не стала ничуть ниже!

— Ты что, старый пес, вздумал нас учить?! Если ты за такого негодяя, значит, ты сам против хана Мядемина! А ну, пошел прочь, пока с самого халат не содрали!

Старик весь затрясся от гнева.

— Опомнись, несчастный!.. Разве ты собака, которая прислуживает другой собаке...

Нукер взмахнул плетью, и конец ее опустился на белую чалму старика. Старик дернулся и свалился на землю.

Ходжам Шукур заметил, что второй нукер, глядя на это, прикусил губу и закачал головой. Ходжаму Шукуру не терпелось заявить о своей преданности Мядеминхану, и он крикнул:

— Видишь, нукер, как надо защищать честь великого хана!

Нукер ничего не ответил, даже не посмотрел в сторону Ходжамы Шукура. Хан гневно привстал на стреленах:

— Эй, я тебе говорю! Ты видишь, как защищают честь хивинского хана? Или уже в самом городе не стало верных ему людей?!

Нукер поднял голову и обернулся к Ходжаму Шукуру. На лице его тоже был гнев, но он сдержал себя.

— Хан-ага, мне кажется, если честь оберегать кнутами, она не станет выше от этого.

— Тех скотов, которые не понимают, что такое честь, нужно учить только кнутами. И тебе, нукер, полезно помнить об этом.

В это время неизвестно откуда брошенный камень, величиной с кулак, угодил в коня хана. Конь вздрогнул, бросился вперед. Хан оглянулся. Мальчишка-сорванец, стоявший у забора, обрадованный тем, что камень попал в цель, громко захлопал перепачканными руками.

Ходжам Шукур строго посмотрел на нукера, идущего в пяти-шести шагах впереди, и крикнул:

— Догони!

Нукер направил коня к забору и замахнулся на мальчугана плетью.

Мальчик присел, удар пришелся мимо. Нукер замахнулся еще раз. Мальчуган быстро метнулся в сторону и взобрался на забор с ловкостью обезьянки. Зная, что плетью его не достать, он без страха ругнулся на обидчика.

Ходжам Шукур, с интересом наблюдавший эту картину, многозначительно улыбнулся:

— Что, нукер, щенок плюнул тебе на бороду...

Нукера обидела эта шутка, и он ничего не ответил хану. Надменный Ходжам Шукур почувствовал себя уязвленным и еще раз подхлестнул нукера оскорбительной шуткой:

— Выходит, что твоими руками только навоз на дороге собирать?

Кровь ударила нукеру в голову, но поскольку он полностью был подчинен хану, то не мог ответить обидчику и ограничился улыбкой:

— Что со щенка возьмешь!

— Это верно,— согласился Ходжам Шукур и оставил нукера в покое.

...Утомленный караван остановился только перед высокими воротами жилья Мядемин-хана. На верху их были изображены грозные стрелы, и всякий смертный трепетал, проходя мимо.

У ворот появился сотник. Вид у него был такой, как будто он только что подрался. Но, узнав Ходжаму Шукура, от которого ему всегда кое-что перепало, сотник сразу изменил выражение на лице. Он с улыбкой подбежал к хану, почтительно пожал протянутую руку и бросился докладывать о госте.

Мядемин-хан сидел на застеленной коврами тахте, видимо ожидал кого-то. Шелковая занавеска на одной из дверей распахнулась, и оттуда вышла молодая, на редкость красивая девушка. Ее черные волосы были заплетены во множество косиц, сквозь прозрачную накидку просвечивало нежное, стройное тело. Плавной походкой она подошла к хану и отвесила ему поклон. Косы ее упали хану на колени.

Лицо Мядемина засветилось. Мягкими, пухлыми пальцами он сперва погладил девушку по голове, потом по спине, затем обнял за талию. Словно забыв обо всем на свете, он запрокинул голову, закрыл глаза и отнял руки от красоти.

В это время открылась наружная дверь, и с поклоном вошел сотник. Хан вопросительно посмотрел на него.

— Из Серакса прибыл Ходжам-хан,— сообщил вошедший и снова поклонился.

Хан жестом приказал девушке удалиться. Она понурила голову и вышла через ту же дверь, через которую вошла.

— Пусть Ходжам-хан войдет.

Сотник отвесил поклон и вышел.

Хан уселся поудобнее, подвернул под себя ноги, погладил жирный подбородок и изобразил на лице подобающее для встречи подданного выражение.

Через отворенную сотником дверь вошел Ходжам Шукур и постарался поклониться как можно ниже.

— Саламалейкум, хан-ага,— почтительно произнес он.

Мядемин-хан даже не пошевелился. И только когда гость, осторожно ступая, подошел совсем близко, протянул ему навстречу руку.

Ходжам Шукур крепко ухватился за рукав и согнулся с таким видом, словно собирался расцеловать руку хана. Его всего трясло как в лихорадке. В его трусливом теле сейчас бушевало столько разных чувств: страх, радость, надежда, угодливая любовь,— этого хватило бы на десять человек.

Чуть переведя дух, Ходжам Шукур осыпал хана вопросами. Как его здоровье? Как здоровье родственников? Как здоровье детей? Как себя чувствует любимая жена? Забываясь, хан спрашивал по нескольку раз об одном и том же.

Мядемин-хан вначале отвечал на вопросы Ходжама Шукура, хотя и довольно однообразно: «Хорошо, спасибо» или «Слава аллаху, хорошо», но потом и это ему надоело, он перестал совсем отвечать и пристально стал смотреть на Ходжама Шукура, словно видел его в первый раз.

Наконец Мядемин-хан поднялся, перешел на ковер и жестом пригласил Ходжама Шукура присесть напротив. Гость и хозяин сели и молча уставились друг на друга. Мядемин-хан никак не мог придумать, что бы такое сказать, а в обязанности Ходжама Шукура, как гостя, входило только одно: поздороваться и расспросить о здоровье хозяина и ближних, что он и исполнил, даже с излишней старательностью. Мядемин-хан подумал еще немного и решил взять быка за рога.

— Чего привез?

Лицо Ходжама Шукура радостно засияло, и он, торопясь и сбиваясь, принялся перечислять подношения:

— Сушеной дыни пятнадцать пудов, хан-ага, зерна восемьдесят пять пудов, потом торбы, еще муки десять мешков...

Мядемин-хан повел головой и стал рассматривать стены, словно раньше у него не было на это времени.

Ходжам Шукур пытался угадать причину недовольства хана, перечислял в уме привезенное и не знал, чем можно вызвать интерес хана.

Мядемин посмотрел в лицо Ходжама Шукура и перёбил его:

— Это все, что ты привез?

— О аллах! Это только от Хемракули, хан-ага! А от меня еще верблюды с сарыкскими коврами, верблюды...

Лицо хана вдруг приняло такой суровый вид, что Ходжам Шукур невольно замолчал. Все мысли его разлетелись в разные стороны, словно стая воробьев. Молчали они довольно долго. Наконец хан пристально посмотрел в глаза Ходжама Шукура и сладко улыбнулся, точно ободряя гостя. От радости Ходжам Шукур весь расплылся в ответной улыбке и даже закрутил головой. Но лицо хана моментально приняло прежнее выражение, даже еще более суровое. Ходжам Шукур перепугался чуть не до смерти.

«А может, шайтан съел часть его ума? — вдруг мелькнуло у него в голове. — Сейчас позовет сотника и скажет: «А ну-ка отруби голову этому шакалу». Ходжам Шукур даже с опаской обернулся и посмотрел на дверь. Но сотника там еще не было.

— Хан-ага, — вдруг начал вкрадчивым голосом Мядемин-хан, отчего гость его даже вздрогнул, — а не привез ли ты какой-нибудь туркменский цветочек, попроще, но поярче?..

До Ходжама Шукура наконец-то дошло. От радости он чуть не подпрыгнул на месте.

— Как же, хан-ага! Привез, специально для вас, да такой, что поискать!..

Два человека, хоть и поздно, но все-таки сумевшие понять друг друга, обменялись ласковыми улыбками. Хан хлопнул в ладоши. Вошел сотник. Мядемин-хан прокашлялся и посмотрел на него особым взглядом. Сотник покорно поклонился и вышел.

Мядемин-хан порадовался про себя понятливости своих слуг. Настроение у него заметно поправилось. Теперь хан и Ходжам Шукур молча смотрели на дверь, точно два хищника, ожидающие добычу. Наконец дверь осторожно отворилась, но пока никто не входил. Потом показалась одна из женщин хана. Она просунулась в дверь наполовину, похоже было, что кого-то тянула за собой. И действительно, следом за женщиной вошла девушка, осторожно подталкиваемая кем-то еще и сзади. Женщины выставили девушку вперед. Хан кивнул им, и они вышли.

Девушка в тонкой шелковой накидке на голове осторожно сделала два шага, словно боясь, что кафельный пол ханского дворца может провалиться, и остановилась. На ней были черные кожаные башмаки, красные вязаные носки. Из-под новенькой красной курте¹ виднелся подол платья из кетени. На пальцах кольца с блестящими в них камнями.

Это была Каркара.

— Девушка, тот, кто предстает перед ханом, должен опустить голову! — грозно крикнул Ходжам Шукур, точно он сам и был хивинским ханом.

Но Каркара не шевельнулась, продолжала стоять неподвижно, словно изваяние из камня, каких было много в приемной хана.

Хан поглядел на нее, усмехнулся. Потом поменял ноги местами, подумал, осторожно встал и сделал несколько шагов в сторону девушки.

Ходжам Шукур мигом вскочил следом за ним. Он испугался, что хан разозлится и ударит ее, но беспокоился он не из-за девушки, а из-за того, что ханская злоба может перейти и на него. Поэтому Ходжам Шукур вырвался вперед, подошел вплотную к Каркаре и повторил свой приказ:

— Если не хочешь, чтобы вырезали весь твой род, нагни голову, тебе говорят!

Но девушка продолжала стоять словно неживая.

Сзади подошел хан и положил руку Ходжаму Шукуру на плечо:

— Не трогай ее, хан-ага. Женщин, которые склоняют голову прежде, чем их попросят, и раздеваются раньше, чем до этого дойдет дело, в Хиве и так полно...

Ходжам Шукур послушно отступил в сторону. А хан продолжал:

— Когда женщина на каждую твою просьбу говорит «нет», она даже некрасивая становится красивой. А женщина, которая сама лезет к тебе, будь она хоть золотая, надоедает на второй день и гроша медного не стоит!...

Мядемин-хан приподнял накидку девушки и заглянул ей в лицо. Глаза его радостно засветились.

— Как зовут красавицу?

— Каркара.

¹ Курте — женская верхняя одежда.

— Мы сами должны склонять головы перед такой прелестью.

В подтверждение своих слов Мядемин с улыбкой поклонился. Ходжам Шукур отнес это «мы» и на свой счет и тоже пригнул голову.

— Верно говорите, хан-ага, это очень хорошо, когда мужчины преклоняются перед красотой.

Мядемин-хан хлопнул в ладоши. Вошел сотник. Хан хлопнул другой раз, и появились женщины, приведшие Каркару.

— Пусть в наш хауз¹ влывет еще один лебедь. Пусть моя Каркара до вечера вымоется, как следует оденется и отдохнет. Накормите ее самым лучшим, что есть у меня.

Женщины увели Каркару.

Хан вернулся к своему ложу, но, прежде чем сесть, обернулся к сотнику:

— Пусть придет Мятер!

Потом некоторое время постоял в раздумье и неожиданно поднял глаза на Ходжама Шукура:

— Садитесь, прошу вас, хан-ага.

Голос его был изысканно вежливым. Ходжам Шукур, не решавшийся это сделать прежде хозяина, быстро прошел вперед и сел.

— Ну, как у вас в Мары? Как ваш народ поживает?

— Разболтался народ, хан-ага.

— Разболтался? Может, кто-то их разболтал?

— Ваша правда. Это текинцы всё, из-за них...

— А в чем же дело?

— Причин я не знаю, хан-ага.

— Не знаете? А что за текинцы?

— Серахские.

— Какой хан?

— В том-то и дело, что не один хан. Все ханы разболтались. И не ханы тоже. Весь народ в Серахсе испортился.

— Весь народ не может испортиться. Народ — это стадо. А у стада есть чабан. Куда он поведет, туда и они...

— Но ведь сами чабаны и разболтались!..

— В том-то все и дело! Если разболтались чабаны, то и стадо все разболталось.

¹ Хауз — пруд.

— Это верно, хан-ага.

— А если верно, то надо быть заодно с чабанами, тогда и стадо будет с тобой заодно.

— И это верно, хан-ага.

— А если чабаны тебя не будут слушать, то и все стадо не послушает!

— И так не слушают!

— И все больше будет испорченных.

— И так их полно!

— Верно. Разве ты не знаешь пословицу: «Если мать не родная, то и отец не твой»?

— Знаю, хан-ага, знаю.

— А если знаешь, то должен суметь поладить со своими ханами. Где понадобится, и согласиться с ними, и навстречу пойти. Запомни, хан, одну вещь: если старейшина согласился, согласился и народ!

— Верно, хан-ага. Говорят же, если чабан захочет, он и козла подонт.

— Мудрые слова! Но я тебе еще скажу: чтобы получать всегда молоко от козла, надо знать все слабости чабана и держать его в своих руках.

— Верно, хан-ага, верно. Только так получилось, что текинские старейшины и сарыкских держат в своих руках. Кроме верного тебе Халып-ишана, никто не смеет ослушаться текинцев.

Мядемин замолчал, потом вдруг от внезапно пришедшей мысли вздрогнул.

— А что,— сказал он,— если я сарыков с землей смешаю? Успокоятся и текинцы.

— Было бы неплохо, хан-ага. Я сам хотел попросить об этом.

Но тут вошел Мятер, и оба хана замолчали. Разговор о сарыках надо было начинать заново, потому что собирать войско для запугивания туркмен должен был этот самый Мухамед Якуб Мятер, ближайший помощник Мядемина, его военачальник.

Намерение Мядемина напасть на Мары, где жили сарыки, имело целью не только запугать сарыков и вообще туркмен, привести их к послушанию, но и отбить у них всякую охоту думать о воссоединении с Бухарским эмиратом.

Хивинский хан Мядемин со своим старшим братом Рахимкули уже прибегали к подобному маневру, когда в тысяча восемьсот сорок первом году разбили и раз-

грабили Мары и даже прошлись с разбоем по окраинам могущественного иранского государства. Этим самым они заставили туркмен склонить головы перед Хивой, а чтобы показать свою мощь бухарскому эмиру, через год напали и разгромили Чарджоу, который находился под властью Бухары. Награбленным добром поделились с туркменами-старейшинами, чтобы те впредь не только слушались, но и восхваляли Хиву. Так был окончательно подчинен туркменский народ хивинскому хану. Однако Бухара не выходила из головы Мядемина, оставаясь для него опасным соперником. Пошлина с туркмен с перебоями и с большим опозданием поступала в ханскую казну, а тут еще стали доходить слухи, что Бухара якобы направила письмо сарыкам и салырам с целью перетянуть их на свою сторону. Все это тревожило Мядемина и привело его к решению повторить уже проведенный маневр, напасть на Мары, стереть с лица земли сарыков.

Для того чтобы выполнить поручение Ходжама Шукура, Кичи-кел решил прибегнуть к помощи Тоты, жены Мялика. Кичи-кел договорился о встрече. Тоты хотелось воспользоваться отсутствием мужа и свекра, чтобы повидаться и поговорить со своим бывшим земляком, они были из одного аула. Для Кичи-кела смысл встречи был совсем в другом. По поручению Ходжама Шукура он должен был узнать доподлинно, куда и зачем уехали Пенди-бай с сыном. Если же подозрение Ходжама Шукура подтвердится, если Пенди-бай с сыном по наущению Каушут-хана отправились в Иран, чтобы замутить там воду против Хивы, он, Ходжам Шукур, немедленно должен известить об этом Мядемина.

Кичи-келу давно казалось, что Тоты равнодушна к нему, да и сам он, по правде сказать, хотел бы познакомиться с ней, но не находил подходящего момента. Теперь случай подвернулся. Условились встретиться в сарае, за кибиткой. Тоты вошла в сарай, села, прислонившись к столбу, и принялась смотреть, но не в ту сторону, откуда должен был появиться Кичи-кел, а на дверь белой кибитки. Она не беспокоилась, что Кичи не придет, ее волновало больше то, что из кибитки могла выйти Огултач-эдже. Шестидесятилетняя Огултач на старости лишилась сна и от нечего делать по нескольку раз за ночь выходила на улицу и обшаривала весь двор,

даже когда Пенди-бай и Мялик были дома. Если же кто-то из них уезжал, малейший шорох заставлял старуху высказивать наружу.

Тоты уже начинала злиться, что Кичи-кела все нет. «Ему только бы дрыхнуть! Какой это мужчина, женщина ждет!..»

Но тут за дверью, вернее, за загородкой из колючей березы показался силуэт человека. Это был Кичи-кел. Он приближался, беспокойно озираясь по сторонам.

— Сюда! Иди сюда! — прошептала Тоты. Кичи-кел оглянулся еще раз и пролез в сарай.

— Тоты моя! — он бросился к ней и хотел обнять ее.

Но Тоты сердито оттолкнула его. Голос ее был и злым и радостным одновременно:

— Не спеши! Закрой хоть загородку сначала, а то как бы собаки штаны не порвали!

Кичи-кел послушно встал, закрыл дверь и вернулся к ней.

— Я не спешу, Тоты, не спешу. Я понимаю, ты же замужняя женщина, а мы — бедные бобыли... Правду говорят, сытый голодному не товарищ!

— Не дай бог такой сытой быть, как я!

— А что, разве плох твой муж?

— Чем такой муж, уж лучше никакого... Говорят, раньше девушки, став женщиной и вернувшись в отчий дом, — плакали...

— Что ж у тебя Мялик, жадный, что ли, хлеба тебе не дает?

— Да дело не в том, что жадный или нет, а надо, чтоб мужик был настоящий!

— А, вот оно что! Значит, твой храпит всю ночь?

— Да нет, не всю ночь... Но и лишний раз тоже не обнимет...

— Вах, Тоты! А я здесь для чего?! — Он обнял ее за талию и притянул к себе.

Кичи-кел осторожно снял с ее головы курте, дотронулся до ее шеи. Тулуп свалился с его плеч. Он на мгновение оставил Тоты, расстелил тулуп...

В это время послышался скрип двери в кибитке.

— Ой! Огултач! Ну все, мне конец! — жалобно вскрикнула Тоты и крепче прижалась к Кичи-келу.

Кичи-кел, не отпуская Тоты, приподнялся и поглядел за прутья загородки. Старуха шла прямо к сараю.

— Сюда идет? — еле слышно прошептала Тоты.*

— Тише! Может, просто по нужде.— Он и сам сильно надеялся на это, и руки и колени его подрагивали от страха.

На их счастье, предположение Кичи оправдалось.

— Все, ушла, успокойся.

Тоты облегченно вздохнула и сама потянулась к Кичи-келу. Но он, сообразив, что женщина теперь его, не стал спешить.

— Послушай, Тоты, я подумал, а что бы я делал, если бы мне такая жена досталась?

— Почему я знаю! А что бы ты мог делать?

— Ну, уж свой сарай я бы сразу снес.

— Подумаешь, сарай! Что, в поле места мало?

— Ну, тогда бы пришлось без головы тебя оставить.

— Да как бы ты узнал?

— Как узнал? Уж узнал бы, будь спокойна. Как это мужчина может не знать, что его жена делает!

— Да ни на волос бы не узнал.

— Все узнал бы.

— Ну как?

— Во-первых, я не бросал бы свою жену-красавицу, как твой муж, и не уезжал в Теджен на свадьбу.

— А, чепуха!.. Если женщина захочет, ты и знать не будешь, что в одной постели спят трое.

— Как это трое?

— Ну так, муж, жена и любовник...

— Я бы снял головы и жене и любовнику.

— Лучше не хвались, Кичиджан, а скажи спасибо аллаху, что он женщине немного стыда дал, а то она могла бы такое наделать!..

— Нет уж, пусть лучше не дает.

— Почему?

Кичи-кел улыбнулся в темноте.

— Потому что если так, то ты сейчас должна встать и уйти...

— Нет, миленький, я от тебя не уйду. А вот расскажу тебе старую историю. Один старик женился на молоденькой, а она была писаной красавицей. Молодые джигиты дня не могли прожить, чтобы не увидеть ее. И даже когда она уже была невестой, то и дело приставали к ней на улице, здоровались, говорили любезности. Старик, женившись, не доверял ей, не отпуская от себя и даже в поле брал с собой. Сам пахал землю, а жена тут же собирала курек, разводила огонь и кипятила

чай. Но отчаянные джигиты и тут не растерялись. Пока старый муж доплетался на своем быке до края поля, они уже успевали нацеловаться с красавицей. В конце концов старику надоело это, и он заказал специальный сундук.

— Зачем сундук?

— А ты слушай. Он сажал свою жену в сундук и носил за спиной.

— И пахал землю?

— И пахал. Зато был спокоен. И вот как-то хан этой страны со своими нукерами, визирями, меткими стрелками отправился на охоту. Они увидели старика, который пахал землю с сундуком за плечами. Хана это очень удивило, потому что никогда еще не видел он, чтобы пахали землю с сундуком на горбу. «Приведите ко мне старика»,— сказал хан своим нукерам. Старик, не снимая ноши, подошел к хану и остановился перед ним.

«Что это у тебя за сундук за спиной?— спросил хан.— Золото, драгоценности? И почему ты не хранишь их у себя дома? В моей стране не должно быть никакого воровства. Раз ты не веришь моим людям, носишь свое богатство за спиной, я тебя накажу».

Тогда старик признался в том, что в сундуке не золото и не драгоценности, а собственная жена, она так хороша, что ей мужчины не дают прохода.

«Если она так хороша, покажи ее нам»,— сказал хан.

Разве мог старик ослушаться хана? Он снял сундук со спины, открыл его, и вдруг оттуда выскочил молодой джигит и бросился в поле. Хан и его слуги, да и сам старик были поражены. Хан прицелился и хотел пристрелить убежавшего джигита.

«Мой повелитель,— сказал один из нукеров,— не убивайте этого юношу, лучше поговорите с ним. Кто знает, что он скажет?»

Пустили следом двух гончих, они быстро догнали парня и приволокли его к хану. Испугавшись хана, юноша рассказал все как было. «Когда старик засыпает вечером,— сказал юноша,— я сплю в объятиях его жены, а когда старик просыпается утром, я залезаю в сундук, и тогда жена его спит в моих объятиях». Поскольку юноша сказал правду, хан помиловал его и отпустил с миром. Вот видишь, Қичиджан? Женщина, если захочет, может сделать все.

Кичи-келу ничего не оставалось, как согласиться с Тоты.

— Вот я захотела, чтобы ты стал моим, и вот ты мой,— сказала она и плотней прижалась к Кичи.— И я тоже твоя.

Кичи подумал, что как раз наступило время приступить к делу, и он спросил:

— Тоты, а можешь ты сказать мне одну вещь? Только правду.

— Разве я могу обмануть тебя?

— Думаю, что нет.

— Тогда спрашивай.

— Куда уехал Пенди-бай с Мяликом?

— На поминки в Теджен.

— Это правда?

— Да, правда. А ты думал куда?

— Нет, никуда... Еще раз скажи, ты не врешь?

Кичи-кел склонился к самому лицу Тоты, желая убедиться, нет ли обмана. Тоты обхватила его за шею и притянула к себе.

— Нет, миленький, не вру.

И Кичи-кел поверил, что она говорит правду.

После вечернего намаза Мядемин вышел во двор. Рядом с ним не было ни гостя, ни сотника. Заложив руки за спину, он дважды обошел пруд, по берегу которого росли платаны. Остановившись над невысоким обрывом, он поправил на себе одежду и подпер ладонью подбородок. Долго смотрел на отраженные в воде звезды, потом нащупал под ногами камешек и, улыбаясь, словно ребенок, кидающий подкормку рыбам, бросил в воду. Разошлись круги по водной глади и стерли звезды. «Все, что сталкивается с силой, меняет свой облик»,— подумал про себя хан. Ему и в голову не пришло, что облик изменили не сами звезды, а лишь их отражения, а сами они по-прежнему сияли в глубоком ночном небе. Поднятые круги на воде исчезли, и звезды, сдвинутые ханом, снова вернулись на свое место. Они блестели, переливались, как будто подмигивали хану, напоминая девичьи глаза. Мядемин выпрямился, осторожно посмотрел в сторону ильмового дерева. В его тени расхаживала взад и вперед едва различимая фигура. Хан кашлянул тихонько. Темная фигура оказалась послушной, она сразу двинулась на зов хана. Не поднимая

головы, Мядемин сказал, как будто бы обращаясь к воде:

— Зейнеп!

Фигура сотника вмиг исчезла, и вскоре появилась Зейнеп в тонких шелках, облегавших гибкое тело. Она подошла поближе к хану и, разведя в стороны шелковое одеяние, поклонилась.

— Новая красавица готова? — спросил хан.

Зейнеп, давая понять, что «красавица готова», повторила свое движение и после поклона бесшумно направилась к дверям дома. Хан сделал было несколько шагов вслед за ушедшей, но потом остановился, снова заложил руки за спину, облизал губы и поднял глаза к небу. И небесные звезды подмигивали ему так же, как и те, что отражались в пруду. Это понравилось хану. Даже звезды неба стараются угодить ему, не говоря уже о земных.

Занавес на дверях откинулся, Зейнеп вывела за руку Каркару и подтолкнула ее слегка вперед. Девушка ни на шаг не приблизилась к хану, оставаясь стоять там, где оставила ее Зейнеп. Одета была Каркара не так, как утром. Хотя сквозь платье и не просвечивалось ее тело, как у Зейнеп, но шелка на ней были тонкие и дорогие.

Мядемин распростер руки, словно Каркара собиралась открыть ему свои объятия.

— Подойди ко мне, мой прекрасный цветок!

Каркара даже не шевельнулась. Хан старался быть ласковым.

— Ты моя прелесть, ты радость моя, Каркара! Нет равных тебе ни в Хиве, ни в Бухаре. Ты соловей мой, цветок мой!

Слова эти не произвели на Каркару никакого впечатления. Но хан не разгневался. Он подошел к девушке. Заметив это сквозь тонкое покрывало, накинутое на лицо, Каркара вздрогнула всем телом, словно птичка, попавшая в неволю. Она осторожно огляделась по сторонам. Единственно, что увидела, был высокий забор, бежать некуда. Хан приблизился к ней вплотную, погладил ее хрупкое плечико. Девушка опять вздрогнула и отошла в сторону. Хана это умилило, он улыбнулся, взял ее за локоть и притянул к себе.

— Дикая козочка моя.

Девушке удалось выскользнуть из цепких рук хана,

она оттолкнула его. Но девичьи руки не в силах были сладить с ханом, он даже не сдвинулся с места, однако потерял самообладание и перешел от притворной ласки к решительным действиям. Схватил ее за руку и потянул за собой к водоему. Сильные пальцы хана так сдавили руку Каркары, что она чуть не вскрикнула от боли, но стерпела.

Хан остановился у берега и какое-то время молча смотрел в черный омут, где золотились звезды. Каркара подумала, что хан привел ее сюда, чтобы сбросить в воду. Ей казалось, что когда гnevаются ханы, то даже погода должна измениться, небо затянется тучами и на землю обрушится ливень. Ханы не останавливаются ни перед чем в своем гневе, не жалеют ни людей, ни зверей, кого угодно могут в один миг лишить жизни, и никто не спросит у них ответа. Ханы должны быть жестокими, и девушка поверила, что пришел ее конец и сейчас ее сбросят в омут. Но она не испугалась, напротив, почувствовала облегчение. «Обниму камень на дне пруда и задохнусь. Лучше умереть, чем быть наложницей в ханском дворце». Она думала сейчас только о смерти и ничего другого не желала.

Вдруг послышался глухой голос Мядемина:

— Жить не хочется?

Каркара не ответила, не произнесла ни слова, когда вопрос был повторен.

Хан немного разжал пальцы, физическая боль утихла, зато во сто крат усилилась душевная боль.

— Покорись, красавица, или сегодня же я велю закопать тебя живьем в землю!

Девушка и на эти слова ответила молчанием. Голос хана стал жестче:

— Я сказал все. Выбирай!

Каркара молчала. Хан хотел сказать еще что-то, но ему помешал выскочивший из низенького домика мужчина с непокрытой головой. По тому, что человек решился нарушить вечерний покой хана, можно было заключить, что дело у слуги было неотложное. Человек с непокрытой головой смело подошел к хану и стал что-то нашептывать ему на ухо. Мядемин закусил нижнюю губу, сказал: «Хоп!» — и согласно кивнул головой. Человек повернулся и пошел к дому, глядя в небо, словно пересчитывая там звезды. Следом за ним отправился и сам Мядемин.

Каркара осталась одна. На какое-то время она почувствовала облегчение. Ей показалось, что с уходом хана ушла и опасность. Каркара стала осматриваться, чтобы найти хоть малейший выход из безнадежного положения. Со всех сторон окружал ее высокий забор, взобраться на который не было никакой возможности. И она почувствовала себя брошенной в колодец с кирпичными стенами.

Каркара вздрогнула, заметив под развесистым ильмом человека, приближавшегося к ней. Человек, шедший в тени деревьев, был охранником Мядемина, его нукером. Не дойдя до Каркары, он повернул в противоположную сторону, словно вымерял длинными шагами расстояние между Каркарой и забором. Нукер шел с опущенной головой и как бы ни на что не обращал внимания, хотя ясно было, что он послан сторожить девушку.

Во дворе дворца, кроме воина и Каркары, не было ни души. Даже распевавшие птицы утомились, и только вдалеке где-то посвистывала синица.

И тут нукер направился от Каркары в противоположную сторону. В сердце девушки вдруг вспыхнула новая надежда, и она решилась подойти к охраннику. Но, не зная, как назвать нукера, как обратиться к нему, то ли «дядя», то ли «ага», Каркара некоторое время стояла в нерешительности. Но вот воин снова прошел мимо девушки, и она, собравшись с духом, окликнула его:

— Почтенный, вы кто?

Нукер от неожиданности вздрогнул. Как? Его кликнула пленница, привезенная из далекого края, чтобы стать наложницей хана? Он остановился, дуло черного ружья направил в землю, огляделся по сторонам. Убедившись, что никого, кроме них, нет поблизости, подошел к девушке.

— Что ты сказала? — спросил он, хотя прекрасно расслышал ее вопрос.

Каркара повторила.

— Я? — переспросил нукер. — Я сотник Мядемин-хана. Тяжело вздохнул и, внимательно посмотрев в лицо девушке, добавил: — Я сотник. Что делать? Нам тоже надо жить. Я просто сотник, сестра.

— А как зовут вас?

Вопрос удивил нукера. «Интересно, для чего этой несчастной понадобилось мое имя? Может, хан поручил

ей вывести мои мысли? Может, это просто ловушка для меня?» Но, подумав, что, если он и скажет свое имя, от этого ничто не изменится и что это решительно ничем ему не грозит, он ответил:

— Меня зовут Керим, сестра.

— А меня Каркара.

По выговору и голосу чувствовалось, что девушка совсем еще юна. Керим задумался. «Видно,— подумал он,— случилось что-то непоправимое».

— Сестра, что ты от меня хочешь? Кто тебя привез сюда и кто ты вообще?

Девушка, оглядевшись по сторонам, торопливо стала рассказывать:

— Керим, брат, я дочь одного старого человека. Кроме отца, у меня есть младший братишка. Мама умерла...

— А я, сестра, несчастней тебя,— перебил Керим.— Я сам себе и мать, и отец. Тут я совсем один.

Каркара, доверившись Кериму, сняла с лица покрывало и прямо посмотрела в глаза ханскому сотнику. Перед ней стоял красивый юноша лет двадцати.

— Да благословит аллах твой жизненный путь, воин! А не могли бы наши общие страдания объединить нас в желании стать братом и сестрой? — вдруг нашла Каркара.

— Я не могу быть тебе братом, сестра.

— Почему?

— Потому, что брат всегда должен защищать свою сестру, даже голову свою положить на плаху за ее честь. А в этом дворце, не будешь подлецом, не проживешь и одного дня. Конечно, лучше умереть, чем служить им и самому быть подобным, но кому хочется умирать.

Каркара не могла найти достойного ответа и тихонько заплакала.

Сквозь рыдания чуть слышно проговорила:

— Если бы Каушут-ага знал, он спас бы меня.

— Кто такой Каушут, сестра?

Каркара решила так расхвалить Каушута, чтобы раззадорить юношу, вызвать желание помочь ей.

— Каушут — это самый сильный и смелый джигит нашего аула. Он победил в горесте хивинского палвана Хемракули. — Каркара сказала неправду и замолчала: вдруг Хемракули окажется родственником Керима?

— Победил Хемракули?

Каркара теперь боялась отвечать.

— Если это правда, тысячу лет жизни Каушуту!

Каркара удивленно подняла глаза:

— А вы тоже не любите Хемракули?

— Не люблю? — Керим запнулся от волнения. — Я его ненавижу! Он убил моего отца! Он... Он избил его плетью... Отец не прожил недели... А я...

Керим сжал кулаки и замолчал. Видно было, что в душе его шла нелегкая борьба. Наконец он поглядел на Каркару и сказал:

— Стой здесь. Тихо. Не двигайся.

Сам он осторожно прокрался к двери, за которой скрылся Мядемин, и заглянул внутрь. Потом вернулся снова к Каркаре.

— Они еще разговаривают. И, видно, долго будут... Я решил. Я помогу тебе. Но что ты будешь делать, если даже уйдешь отсюда? Даже если успеешь выбраться из Хивы? Ведь кругом пустыня. Ты не дойдешь до дома...

— Брат! Только помоги! Я лучше умру в пустыне, чем стану наложницей хана. Только бы уйти отсюда!

— Хорошо. Пусть аллах решит твою судьбу. Я больше ничем не могу тебе помочь. Мне тоже надо убегать отсюда и увозить жену. Я должен хану, а платить нечем. Он сказал, что возьмет мою жену. Теперь пусть бесится! Только надо скорее бежать. Если меня поймут, с живого кожу сдерут. Идем!

Керим взял ее за руку и провел вдоль стены к маленькой калитке. Открыл ее и вышел вместе с Каркарой на улицу.

— Ну прощай, сестра. Аллах тебе поможет. Иди не по дороге, а рядом. Увидишь всадников, прячься. Может быть, и найдется добрый мусульманин, который спрячет тебя. А там попроси послать гонца к своему Каушуту, сто лет ему жизни!

Каркара схватила за руку Керима:

— Дай аллах тебе счастья и жене твоей!

Керим довел ее до угла улицы, показал, как выбраться на караванный путь, и быстро скрылся из виду.

Каркара пошла по дороге, указанной ей Керимом. Она первый раз была одна ночью в чужом городе, но не чувствовала страха. Ей казалось, что если аллах помог ей выбраться из такого места, откуда, наверное, не вы-

бирался еще ни один смертный, то и дальше он не бросит ее.

На улицах не было ни души. Каркара невольно заметила, что здесь даже было тише, чем в Серахсе: там и ночью ржали кони, лаяли собаки, ревели ишаки, а тут город как будто вымер.

Единственный звук, как она поняла, исходил от нее самой. Это звенели украшения, надетые на нее Зейнеп. Каркара остановилась у какой-то канавы, сорвала и сбросила с себя украшения. Заодно скинула и тесные новые башмаки, которые только мешали, и пошла дальше босиком.

Скоро дома стали редеть, улица расширилась, это была уже окраина города. Еще через некоторое время жилища совсем пропали, и в лицо повеяло запахом сухой степной травы.

Каркара то бегом, то шагом пробиралась вперед. Город скрылся за спиной, и теперь ей казалось, что она идет по одному и тому же месту: ночью пейзаж степи еще однообразней, чем днем.

Скоро она начала уставать. Но страх перед оставшимся позади городом гнал ее дальше и дальше. Ноги уже болели и кровоточили. На востоке показалась утренняя звезда. Стало прохладней. Каркара уже не думала ни о чем, только шла и шла, не понимая, куда, зачем и к кому...

Светлая полоска постепенно захватывала край неба...

Каркара почувствовала, что идти дальше не может. Подошвы ног горели, колени дрожали, и хотя вокруг становилось все светлее и светлее, глаза, наоборот, застилал мрак. Нигде вокруг не видно было никаких признаков жилья. Каркаре казалось, что во всем мире нет других живых существ, кроме нее и невидимых птиц, которые, просыпаясь, верещали в низкорослой траве по обочинам дороги.

И вдруг сзади послышался топот копыт. Каркара оглянулась назад и увидела несколько черных точек, быстро нагонявших ее. По приближении точки стали приобретать очертания всадников. Каркара перепугалась. В первое мгновение подумала, что теперь ей конец. Всадники схватят и отведут обратно в дом Мядемин-хана. И тогда уже никто не поможет ей. Она даже успела представить Керима, связанного, избитого до полу-

смерти, стоящего перед ханом и его свитой. А из-за занавесок смотрят и хихикают ханские наложницы, которым ни до кого нет дела...

Но Каркара быстро пришла в себя. Она бросилась в сторону от дороги и побежала, пригибаясь и прячась за низкорослыми кустами. Она позабыла и про боль и про усталость. Страх перед ханом удесятирил ее силы. Всадники проскакали мимо, а Каркара все бежала и бежала, удаляясь от страшной дороги. Она боялась даже оглянуться, ей казалось, стоит только это сделать, как свирепый нукер схватит ее за волосы и бросит поперек седла...

Возле небольшой впадины Каркара споткнулась о торчащий из земли корень и упала, скатившись в яму. Хотела встать, но не смогла. Руки и ноги не слушались ее. Вокруг было тихо. Ни голосов, ни топота копыт, которые мерещились ей, пока она бежала. Девушка задыхалась. Теперь она постепенно начинала чувствовать, как болит все тело, особенно ноги, как будто с них содрали кожу и посыпали солью. Она начала тихо стонать. Ей думалось, что, если плакать громче, боль скорее утихнет. Но судьба не давала возможности бедняге не только громко радоваться, но и громко страдать: она боялась, что всадники услышат ее голос и схватят.

К полудню Мялик вернулся из Теджена. Как бы возвещая о приезде хозяина, у загона пронзительно заржала его лошадь, однако встречать никто не вышел. Мялика, уставшего от долгой утомительной дороги, это страшно возмутило. Обычно, если он уезжал куда-нибудь с ночевкой, Огултач-эдже, только заслышит цокот копыт, сразу же выскакивает из кибитки, бросается к сыну, еще не успевшему сойти с коня, обнимает, помогает слезть с лошади, спрашивает о дороге, о тех местах, где побывал, провожает в кибитку, просит отдохнуть с дороги.

А тут никого. Взявшись за луку седла, Мялик со злостью прыгнул с лошади, кое-как примотал повод уздечки к коновязному колу и, не дав себе труда ослабить подпругу, торопливой походкой направился к дому. С ходу толкнул он дверь белой кибитки, то та не отворилась. И тут до него из кибитки донесся стон. Это вмиг остановило Мялика, он прислушался.

Стонала Тоты. Рядом с ней сидела Огултач-эдже,

обняв невестку за талию. Тоты была беременной. Ее свидания с Кичи-кедом в холодном сарае, занятия по хозяйству привели к тому, что ребенок мог появиться на свет до срока и сразу же с этим светом расстаться. Такая участь ждала долгожданного внука Пенди-бая и Огултач-эдже, а ведь к появлению его на свет так долго готовились в этом доме. И, отправляясь в Теджен, Пенди-бай приказывал жене смотреть в оба, чтобы какая собака или птица не напугала невестку, как бы с ней не случилось чего в их отсутствие.

В кибитке было прохладно, и все же у Тоты выступили крупные капли пота. Ее мучили схватки, и она с трудом удерживалась от крика, до крови кусала губы и, заглушая боль, стонала.

— Ну, что с тобой, что случилось? — плаксивым голосом спрашивала Огултач-эдже. — И как же я не углядела тебя, ведь каждый шаг твой стерегла. Что с тобой, доченька? Какой шайтан попутал тебя, какая черная сила вселилась в тебя?

В ответ раздавался только стон. Тоты носила яшмак и поэтому не могла разговаривать со свекровью. Яшмак закрывал рот и прилипал к потной шее. Огултач-эдже приставала со своими вопросами, пока не убедилась, не увидела, что невестка не может разговаривать.

— Нашла время молчать за яшмаком! — Старуха с сердцем сорвала с невестки злосчастный плат. — Умираешь, а все стараешься показать себя скромницей.

Застежка яшмака отстегнулась у Тоты, головной убор — топбы — отлетел в одну сторону, яшмак в другую.

Тоты страдала, ей было тяжело, однако думала она о том, что ответит свекрови, если та снова начнет приставать с вопросами. И тут вспомнила, как в их ауле года три-четыре назад молодая женщина, испугавшись собаки, родила недоношенного ребенка, который на третий день умер. С одной стороны, хорошо бы разродиться, и тогда кончились бы ее муки, а с другой стороны, жалко ребенка, которого столько месяцев вынашивала под сердцем и который может умереть, как у той женщины.

Тоты отлично понимала то, что натворила, проклинала себя, но изменить уже ничего было нельзя. Конечно, если ребенок родится мертвым, горевать будет не только она сама, но и другие, а ребенка-то все равно никто не

вернет, никакая печаль не поможет. Тоты стонала, и неизвестно, от чего больше, от боли предродовых схваток или от этих горьких размышлений, от укоров со-вести.

Огултач-эдже много повидала на своем веку и поэто-му ни в какие чудеса не верила, знала, что без причины ничего не бывает на свете, что-то должно стоять и за этим случаем с невесткой. Огултач-эдже снова повторила свои вопросы, но теперь уже с большей строгостью и настойчивостью.

— Если ты не оглохла,— строго допрашивала она,— если не онемела, говори же, что с тобой стряслось, проклятая аллахом? Говори! Ты что, не можешь понять, что лишаешь меня счастья?!

Глаза Огултач-эдже были полны слез. В них были печаль, и жалость, и раскаяние.

— Дурочка,— продолжала она говорить,— глупая, ты же мне внука погубила! Что мне делать теперь? Что я скажу баю, когда он домой вернется? Он же предчув-ствовал это, оттого так строго наказывал глядеть за то-бой. Что я скажу ему теперь?

Ее слова были пропитаны ненавистью к Тоты и жа-лостью к ребенку, которому суждено увидеть этот свет мертвым.

Тоты не могла долго смотреть в глаза свекрови и опустила веки. С самого первого дня Тоты невзлюбила старуху, но теперь ей казалось, что она одинока и беспомощна и ближе свекрови никого в мире у нее нет. Если сказать старухе всю правду, подумала Тоты, она может меня спасти. Но эти мысли появились от расте-рянности, а через некоторое время новый приступ боли все смешал в голове Тоты, и она стала думать о том, что никто уже не может спасти ни ее, ни ребенка, и если она скажет правду, когда появится мертворожденный, кривая сабля, висевшая на стене, тут же сорвется со стены и полоснет ее по горлу. Ей уже стало казаться, что сабля специально повешена здесь и что она уже и не висит, а повисла над Тоты и метит в ее горло. В холодном поту Тоты схватилась за шею.

— Перед рассветом,— начала она шептать, задыха-ясь,— я вышла во двор... Черная... собака на... накин-улась на меня... Ах, я умираю. Что мне делать, мама, я умираю...

В ауле Пенди-бая было много собак, но черная была

одна, собака Мешева-ага, жившего где-то в середине ряда. Звали собаку Карабай. Это был старый кобель, который давно уже не бросался на людей, ни на кого не лаял.

Услышав про черную собаку, Огултач-эдже схватилась за ворот платья.

— Это же проклятая тварь Мешева! — запричитала она. — Ах, чтоб тебе счастья не видеть, Мешев! Чтобы волки овец твоих задрали! Зачем ты собаку держал, что у тебя охранять? Какие богатства? Каких овец? Или на твою драную кибитку, на твои драные башмаки кто-нибудь зарился? Чтобы ты сдох поскорей, Мешев!

Мялик стоял перед дверьми и все это время слушал, что происходило внутри кибитки. Потом ему надоело стоять, и он с тревогой стал кричать матери:

— Мама! Открой! Что там с вами случилось?

Огултач-эдже не стала открывать, но крикнула:

— Ах, сынок, у нас такое несчастье! Жена твоя рождает!

Мялика прямо передернуло всего от этих слов. Обида на то, что не встретили его, сразу же пропала, и он растерялся, не зная, что ему делать.

У Тоты сильно исказилось лицо. От боли она лежала с открытым ртом, и старухе даже почудилось, что изо рта невестки вывалился и бессильно повис язык.

Тоты вцепилась в плечо старухи:

— Ах, родная, я умираю.

Огултач-эдже испуганно вскрикнула:

— Мяликджан! Сынок!

Мялик отозвался:

— Скажи, что мне делать, мама?

— Ах, только поскорей выстрели из ружья, не то мы потеряем Тоту!

Мялик отшвырнул в сторону плетъ и бросился в сарай. Схватив ружье, он выскочил на улицу и растерянно закричал:

— Куда стрелять, мама?

Огултач-эдже не успела сказать, что стрелять надо в черного кобеля Мешева-ага, как возле кибитки раздался оглушительный выстрел, так что даже старуха вздрогнула и помянула аллаха. И тут же появился на свет мальчик, который не успел вскрикнуть, не успел глаз открыть, получить имя, а уже ему пришла пора расставаться с этим светом.

И спустя какую-то минуту прозвучал еще один выстрел, черное ружье Мялика, заряженное крупной дробью, отправило на тот свет ни о чем не подозревавшего старого Карабая, спокойно лежавшего в камышах за черной кибиткой Мешева-ага.

Каркара, эта худенькая девчушка, которая в далеком отсюда Серахсе вечером боялась выйти из дома, чтобы посидеть с соседкой Язсолтан, женой Каушута, лежала сейчас одна в пустыне, в какой-то яме, и ей не страшны были ни змеи, ни скорпионы, она боялась сейчас людей, которые были в тысячу раз опасней змей и могли доставить ей в тысячу раз больше страданий, чем змеиный яд.

Каркара проплакала долго, и слезы немного успокоили ее. Дышать стало легче, подошвы ног, кажется, болели уже поменьше, но встать с земли она все равно еще не могла. Уже совсем рассвело, когда измученная девушка задремала. Спать она не собиралась, напротив, ей хотелось скорее отправиться в путь, чтобы подальше уйти от людей Мядемина. Однако усталость была сильней страха и надежды. Каркара уснула сладким сном на песчаной подушке, в траве, устилавшей дно впадины.

Ей снился сон. Вместе с подружками она собирает на лугу цветы и вдруг видит красивую бабочку, бежит за ней, но бабочка улетает от нее все дальше и дальше. Каркара бежит, задыхается, подружки остались где-то далеко позади. Наконец, совсем обессиленная, она падает в траву. Откуда-то появляется мать, кладет ее голову к себе на колени, гладит и поет тихим голосом, как будто Каркара совсем еще маленькая девочка. И вдруг над ними вырастают всадники Мядемина, кони храпят и бьют копытами...

Каркара очнулась, вокруг стояли всадники. Но когда она лучше разглядела их, они оказались не всадниками, а стайей голодных шакалов. Один из них стоял совсем близко, принюхивался, остальные удивленно разглядывали девушку. Каркара, которая только что не в силах была подняться, чтобы выбраться из ямы, вдруг пронзительно закричала и вскочила на ноги. От этого внезапного крика и резкого движения Каркары шакалы с испугом бросились в разные стороны.

Каркара никак не могла разобраться во времени, вечер наступает или же зарождается утро в предрабсвет-

ных сумерках. Когда огляделась вокруг и пришла в себя, ей стало казаться, что никаких шакалов не было на самом деле, они были продолжением сна, потому что далеко окрест лежала голая пустыня, ни хищников, ничего живого. Она сообразила, как далеко ушла в сторону, уже не видно было придорожных тополей, одни пески окружали ее. В северной стороне хоть кустики какие-то виднелись, селин, верблюжья колючка, а к югу, до самого горизонта, стелилась безжизненная пустыня. Идти на юг было опасно, если там нет растительности, значит, нет и воды. Идти на север, то есть назад, совсем нельзя, там ждут ее слуги Мядемина. И она решительно направилась в сторону сыпучих песков. Когда поднялось над пустыней солнце, стало ясно, что и сегодняшней день будет нестерпимо жарким. Она шла, и с наступлением жары ее стала одолевать жажда, которая была мучительней любой боли. Губы пересохли, постепенно сухим стал и язык. Он распух и одеревенел, с трудом помещался во рту. К полдню Каркара совсем выбилась из сил, перестала понимать, что с ней происходит и где она находится. Даже обжигающие пески уже не действовали на нее. Она не могла вспомнить, за что же ей выпали эти муки. Одна только мысль вела ее вперед — добраться до воды, утолить жажду. Ей стало казаться, что она видит далеко перед собой волны и даже слышит их влажный шум. Но это был всего-навсего только мираж.

Наконец-то она увидела то, чего так ждала и на что так надеялась: впереди показался караван. Каркара думала, что это тот самый караван, который подберет ее и отвезет в родной аул. Она остановилась и стала смотреть затаив дыхание. Но караван шел не навстречу, а мимо. Каркара не сразу поняла это, ей страшно было так подумать, но в конце концов стало ясно: спасительный караван уходит, он слишком далеко, чтобы догнать его, и никакого крика не хватит, чтобы ее могли услышать. Каркара, как зачарованная, провожала караван взглядом. Надежды на спасение больше не было.

Она побрела вперед, уже не чувствуя ни жажды, ни обжигающего ног песка... Она готова была умереть и знала, что, наверное, так и будет...

Каркара не знала, как долго шла по пескам... Вдруг впереди показался одинокий куст саксаула. Наверху его висел старый, выцветший дон. Это было первое, что

хоть как-то напоминало человека. Каркара подошла к кусту, бессмысленно поглядела на него, упала на песок и потеряла сознание. . .

Очнулась оттого, что почувствовала, как на нее падают капли воды, будто шел мелкий дождь. Чуть приоткрыв глаза, Каркара увидела над лицом своим сосуд и потянулась к нему рукой. Но сосуд поднялся, и Каркаре не удалось вдоволь напиться. Тут только беглянка окончательно пришла в себя. Над ней стоял незнакомый человек. Может быть, это нукер Мядемин-хана? Она задрожала от страха и прикрыла лицо руками.

Но человек не был ханским нукером. Это был Арнакурбан-сарык, дехканин, возвращавшийся из Хивы в Мары. Куст с истрепанным доном был как раз вешкой на его пути, благодаря которой Каркара и нашла свое неожиданное спасение.

Арнакурбан ездил в Хиву по поручению старейшин своего аула. До них дошли слухи, что Мядемин-хан подозревает сарыков в сговоре с Бухарой и собирается послать свое войско в Мары. Вероятно, кто-то настраивал хана против сарыков, и старейшины послали Арнакурбана с тем, чтобы он разубил Мядемина и предотвратил ненужное кровопролитие. Но попасть в ханский дворец было совсем не просто. У Арнакурбана был в Хиве приятель, Турсункули, он часто бывал у хана, ковал его лошадей, и Арнакурбан рассчитывал, что Турсункули как-нибудь ему поможет увидеться с ханом. Но Мядемин не захотел принимать простого дехканина, ссылаясь то на здоровье, то на дела и тянул так почти целый месяц. Наконец Турсункули сообщил Арнакурбану, что Мядемин собирает войско, велел перековать всех лошадей и с утра до ночи беседует о чем-то со своими военачальниками. Арнакурбан понял, что разговаривать уже поздно, и пустился скорее в обратный путь, чтобы оповестить обо всем своих соплеменников.

Увидев девушку под кустом саксаула, Арнакурбан страшно удивился. Что занесло ее сюда — одну, с пустыми руками и окровавленными ступнями ног? В первую минуту он подумал, что она мертва, кто-то похитил ее, обесчестил и бросил здесь, в пустыне, чтобы скрыть свое преступление. Арнакурбан решил, что хоть выроет ей в песке могилу и прочтет стих из Корана, исполнив этим долг мусульманина. Но когда он нагнулся над ней, то понял, что девушка еще жива. Тогда он

достал мытару¹ и стал капать воду ей на лицо. Как только она очнулась, он спросил:

— Дочка, кто ты, откуда? Как попала сюда?

Но Каркара только прошептала в ответ:

— Отец, воды... Воды!

Арнакурбан отошел к лошади, развязал суму и, порывшись в ней, достал два куска лепешки, что испекла ему на дорогу жена Турсункули.

— На, съешь сперва вот это, а потом я дам тебе воды.

Каркаре хотелось только одного: пить, но она взяла хлеб и через силу принялась его жевать. Она слышала еще от отца, что человек, измученный жаждой, должен сперва хоть немного поест, иначе вода принесет ему вред.

В окрестностях Серахса не так уж редко увозили девушек и женщин, и все же весть о похищении Каркары потрясла аульчан. Слишком уж много несчастий падало на семейство Дангатара: плен самого хозяина, смерть его жены и вот теперь второе похищение дочери... «Сам аллах смотрит косо на этот дом», — говорили, вздыхая, аульчане.

Из всей семьи остался один Ораз. Он изю всех сил старался держаться на людях, выглядеть взрослым и самостоятельным, но в степи, когда оставался один с отарой овец, падал на землю и подолгу плакал, обо всех сразу — о матери, об отце, о сестре... С тех пор как увезли Каркару, он перестал играть с мальчишками, ходить на холм, расположенный в южной стороне аула, где они обычно собирались под вечер. Свое горе и позор он переживал в одиночку.

Туркмены, те, что ушли выручать украденных гаджарами женщин, вернулись с удачей, привезли не только своих, но еще и шестерых персиянок в придачу — как месть за нанесенное оскорбление. У Ораза была слабая надежда, что, может быть, вместе со всеми остальными вернется и его сестра, но о ней не было ни слуху ни духу.

Хотя мужчин в доме Ораза не было, все равно соседи — Каушут, Келхан Кепеле — сделали бы все, чтобы

¹Мытара — фляга, сделанная из очень крепкой ткани.

выручить Каркару, но беда была в том, что и они не знали, где ее искать. Кейик, бывшая в тот день вместе с Каркарой, со страху так и не поняла, чьи же люди увезли ее подругу, а кроме нее, никто всадников не видел.

Первым делом, конечно, предположили, что это дело рук нукеров Хемракули. Но, не зная точно, нельзя было требовать от них вернуть девушку. Хемракули мог счесть это за оскорбление и наделать много зла в отместку. Каушут и Келхан Кепеле отправились вдвоем к Молланепесу. Он считался самым уважаемым человеком в округе, и Каушут решил, что, если послать его к Кичи-келу, тот, хоть и известный враль, сказать неправду мулле не посмеет. Но Кичи-кел клялся и божился, что знать ничего не знает об этом деле. Пришлось ему поверить. И больше спрашивать было некого, оставалось положиться во всем только на волю аллаха.

Не меньше, чем Ораз, переживал и Курбан. Он никак не мог смириться с тем, что произошло. Один раз ему приснился сон: Каркара стоит в Хиве с шелковым покрывалом на лице, за высоченным каменным забором. Стоит и говорит ему сквозь слезы: «Курбан, я так и знала, что ты бросишь меня, ты меня стыдишься, ты больше меня не любишь. Видишь, стены какие высокие? Но я бы вскарабкалась на них и спустилась вниз, но куда я пойду дальше? Кто мне поможет? Разве у меня есть кто-то, кроме тебя? Но ты меня бросил, тебе все равно, кому я достанусь...»

После этого сна Курбан решил непременно отправиться на розыски Каркары. Пусть сон обманул его и ее нет в Хиве, но он все равно обойдет всю землю, обшарит все аулы и не вернется домой, пока не найдет ее. Сперва Курбан решил поделиться своим намерением с Каушутом, но потом раздумал, он не поверит, что Каркару можно спасти, и еще захочет помешать ему, лучше уж он сам, не говоря никому ни слова. Дальше жить без нее нет у него никакой охоты.

Наутро Курбан сел рядом с Оразом и сказал ему:

— Ораз, я бросаю кузницу, пойду по другим аулам побатрачу, там больше зарабатываешь.

От такого известия у Ораза помимо воли на глазах выступили слезы.

— А как же я? Ты хочешь оставить меня совсем одного? Сестры нет, и ты теперь...

— Ничего, ты уже большой. Позови к себе кого-нибудь из своих ребят, и соседи есть, помогут, не пропадешь!

На другой же день Курбан пристал к каравану, который шел из Серахса в Мары. Оттуда он собирался пробраться в Хиву. У него не было ни еды, ни денег, вместо всего этого была одна надежда — найти Каркару, и эта надежда толкала его вперед, заставляя забыть про все остальное.

К вечеру караван вошел в Мары и стал разгружаться у дома Ниязмухамед-бая. Люди, пришедшие с караваном, разбрелись по своим делам. Одному Курбану идти было некуда. Он постоял немного рядом с верблюдами и направился вдоль главной улицы. Так он дошел до базара. Торговцы уже складывали свои товары, лишь кое-где были видны покупатели. Курбан подошел к подслеповатому старику, продававшему седла и сбрую, поздоровался с ним и принялся рассматривать ремни и уздечки.

Старик кивнул Курбану и, подняв одно из седел, прокричал:

— Эй, подходи, конец базара, дешево отдам! Подходи к седлам! Кому седла! Дешево отдаю!

Потом равнодушно повернул голову и сказал Курбану:

— Ну чего стоишь, присядь рядом, коли дела нет. И тут же снова закричал:

— А вот седла, конец базара, подешевело. Подходи, даром отдам!

Но видно, седла никому больше не были нужны. Старик вздохнул и умолк. Помолчал и обратился к Курбану:

— Я вижу, тебе и правда нечего делать. Помог бы старику дотащить седла до дома, я тебя чем-нибудь отблагодарю.

Курбан согласился, до утра ему делать было нечего.

— Хорошо, яшули, — сказал он и потянулся к мешку, стоявшему рядом.

— Эй, погоди, дай помогу поднять.

Старик побросал в мешок непроданную ремennую сбрую и помог взвалить ее на спину Курбана, сам взял под мышку седло, которое выставлял напоказ, и они направились к дому шорника.

Дом старика оказался недалеко. Курбан свалил у

порога ношу и остановился в нерешительности, не зная, то ли уходить, то ли дожидаться обещанной стариком награды.

— Сынок, особых угощений у меня нет. Хочешь, поешь вместе со мной хлеба с агараном¹.

Курбан, уставший после долгого пути и голодный, не стал упрямиться и пошел следом за стариком.

Мягкая лепешка и агаран возбудили в нем такой аппетит, что он принялся с жадностью поглощать кусок за куском. Старик тоже не отставал, видимо проголодался не меньше Курбана.

Чуть насытившись, седельщик спросил:

— Сынок, а чей же ты будешь, откуда родом? Что-то я тебя раньше у нас не видел.

— Иду из Серахса в Хиву, яшули.

— В Хиву идешь? Делу какому учиться, что ли?

— Нет, не учиться, просто поглядеть. . . Я много слышал про нее, теперь вот самому интересно стало. . .

Последнее, что сказал Курбан, показалось старику подозрительным. Он внимательно оглядел Курбана с головы до ног и покачал головой:

— Да благословит твои слова аллах, сынок. Скажи лучше правду. У тебя ни лошади нет, ни оружия, ни золотых монет, да и, кажется, серебряных тоже. Это только богачи едут в Хиву для прогулки, а ты что-то на богача не похож. Я вижу, на душе у тебя совсем другое.

Курбан понял, что зря сказал про Хиву, мог бы сказать, что пришел с караваном, тогда старик бы ему скорее поверил. Но седельщик чем-то успел уже расположить юношу к себе, и тот решил открыть ему правду.

— Да, отец, у меня нет ни лошади, ни монет. . . Я иду в Хиву, потому что у меня украли двоюродную сестру. Я иду искать ее. Мне кажется, что она в Хиве. . . Мне такой сон приснился. . .

— Стой, стой! Я, кажется, знаю, где твоя сестра. Я слышал, какую-то девушку отвезли в Хиву. Ее украли нукеры Ниязмухамеда и подарили Мядемин-хану. Уже недели две, как это было. . .

Курбан тотчас же вскочил с места.

— Где, где, ты сказал? Точно, в Хиве?

— Да, если это, конечно, она.

— Она, она. . . Отец, что же мне теперь делать?

¹ Агаран — сливки с верблюжьего молока.

— Что делать? Если ты поел, прочитай товир!

Старик завернул остатки еды в сачак и принялся читать молитву.

Потом не спеша достал табакерку, высыпал на ладонь немного наса, заложил его под язык и запрокинул голову.

— Сынок... Я в таком деле тебе не советчик... Советчик тебе твоя судьба, как она скажет, так и будет...

Курбан сжал кулаки. Лицо его загорелось.

— Нет, отец, я такого позора не стерплю!

— Что же ты хочешь делать?

— Что? Пойду в Хиву. Сейчас пойду.

Старик причмокнул губами и улыбнулся, сощурился глазами.

— Сынок, если даже в Хиву придут все твои туркмены, я думаю, они мало что смогут сделать... А потом... Сейчас ты все равно не пойдешь...

— Почему?

— Потому что в субботу из Хивы пришел караван, только к среде он нагрузится и тогда пойдет назад. А до среды еще целых три дня!

Но в это время послышался шорох у дверей, в дом вошла старуха с сачаком под мышкой, и старик замолчал.

Курбан поздоровался с ней, старуха ему ответила, подошла и расстелила между мужчинами свой сачак.

— Вот, дограма, покушайте, не стесняйся, сынок.

Курбан положил в рот из вежливости горсть дограмы, но вкуса ее не почувствовал. Все мысли его сейчас были о Каркаре.

Старик выплюнул нас, прополоскал рот и принялся за дограму. Пока он ел, Курбан раздумывал. «Нет, я среды ждать не буду, пойду прямо сейчас. Ничего, не пропаду, я уже не ребенок. Если и умру, так пусть по дороге в Хиву. Пусть Каркара не думает, что я ее бросил и забыл...»

После молитвы старуха заговорила.

— Отец,— сказала она, прикрывая рот,— слышал, Арнакурбан привез текинскую девушку, которую в Хиву увезли. Красавица... Мы заходили посмотреть. Сидит в углу, а глаза как у джейрана...

Курбан опешил, старик с удивлением посмотрел на жену.

— Да это же она!— воскликнул Курбан.— Яшули, где живет Арнакурбан?

— Через кривой мостик налево, там на улице у любого спросишь: где дом Арнакурбана-сарыка? Хотя постой, я тоже пойду с тобой.

Курбан думал, что Арнакурбан сразу же отведет его к Каркаре, но тот не спешил этого делать. Сперва сарык начал расспрашивать о Сераксе, о здоровье знакомых туркмен, потом стал выведывать, кем Курбан приходится девушке... Курбан спешил, запинаясь от радости и часто даже отвечал невпопад. И скорее по виду его, чем по словам, сарык наконец заключил, что Курбан на самом деле тот, за кого себя выдает, а не подослан людьми Мядемин-хана.

Когда он поднялся и вместе с Курбаном подошел к порогу черной кибитки, у юноши задрожали колени. Он думал о том, что скажет Каркаре, как только ее увидит. И слова никакие не шли на ум. Спросить: «Где ты была?» или «Как ты сюда попала?» — было глупо и неловко, а притвориться, вроде ничего особенного и не произошло, тоже было нельзя.

Поэтому, вошедши в дом, Курбан заговорил сперва с женой Арнакурбана. Каркара, как только услышала его голос, повернулась к нему спиной и прикрыла лицо чувалом. Курбан даже глаз ее не успел рассмотреть. Жена Арнакурбана подошла к Каркаре:

— Ну что ты, милая! Знать, уж судьба у тебя такая, сама-то хоть не мучай себя!

Но утешение это не подействовало. Курбан услышал, что Каркара плачет и с каждой минутой рыдания ее становились сильнее и сильнее. Курбан не знал, что ему делать. Он чувствовал, что на глаза у него наворачиваются слезы, и поэтому поспешил выйти из кибитки Арнакурбана...

Солнце взошло уже высоко. Келхан Кепеле и Каушут сложили в чувалы собранные дыньки и вышли на край бахчи. В это время с вершины холма разда́лся голос:

— Эй, люди! Воды нет?

Кричал Непес-мулла.

— Давай сюда, найдем для тебя!

За холмом был огород Непеса, где он посадил осен-

нюю морковь и теперь ходил ее пропалывать. Мулла спустился вниз. На плечах у него была белая бязевая рубаша, а на голове плоская, похожая на блин шапирма.

Все трое подошли к шалашу. Келхан снял с куста флягу и протянул ее Непес-мулле.

— Келхан, что это ты так на муллу смотришь? — спросил Каушут.

— Это он не на меня, а на флягу. Наверное, воды жалко.

— Нет, мулла, на тебя. Воды мне не жалко, такому, как ты, последнюю каплю в пустыне отдам... Просто думаю, как аллах людей создает — всех по-разному. Видишь, разница, она с самого начала в нас есть...

— А, ты завидуешь Непесу, что он мулла и детей может учить, а ты и сам не очень грамотный?

— Да нет, не в этом только дело... Вот аллах — одним все дает, и уши и язык, старается, когда делает, а других просто — слепит, как пришлось, и все...

— Да у тебя тоже вроде и нос, и уши на месте, чем ты недоволен?

— Нос носу рознь. Есть такие носы, что и запаха чурека не чувят. Вот возьмем муллу, например. Он и читает, и стихи пишет, и других учит, и на дутаре¹ играть может... И работает, слава богу, не хуже других...

— Ну и что ж, поэтому ты хуже его?

— Да нет, Каушут, я ему ни в чем не завидую, только вот в одном, что аллах стихи не дал сочинять...

— Ну и что бы ты тогда делал?

— Сидел бы и стихи нам читал, — ответил за Келхана мулла.

Келхан прищурил глаза и покачал головой:

— Нет, я бы не вам читал...

— А кому?

— Он их вдовушкам бы читал, и от них не было бы отбоя.

— Кажется, ты его за больное место задел, — засмеялся мулла. — Только, я думаю, нам с Келханом уже не о вдовах надо думать, а о чалме и ичигах.

— Чалма и ичиги этому не мешают, — улыбнулся Келхан Кепеле. — Ты думаешь, Сейнтмухамед-ишан в

¹ Дутар — национальный музыкальный инструмент.

на свою Биби-эдже не глядит? — Келхан похлопал Непес-муллу по плечу. — А вспомни, что говорил про это Мамедвели-ага? Он ведь, кажется, умер, когда ему много уже за семьдесят было!

— Он много чего говорил, а тебе про что, Келхан, интересно?

— Ну вот про это, про вдов. Есть у него, наверное, стихи, которые им посвящены?

Непес-мулла попытался припомнить:

Кемине говорит: вот совет всех мудрее:
Замуж, вдовы, опять выходите скорее!

— Вот именно! А про вдовых мужчин наверняка у него есть: «А вы, вдовцы, женитесь скорее!»

— Ну, если уж тебе так нестерпимо, давай пошлем Язсолтан и Бостан, пусть тебе кого-нибудь сосватают. Народ велик! Наверняка где-то вдовушки тебя поджидают.

— Людей много, мы и гонцов можем послать, в Ахал, в Мары!

— Еще и гаджаров не забудь и аймаков! Бухара еще есть и Хива!

При упоминании об Ахале Каушут вдруг вспомнил про другое и прервал шуточный разговор:

— Да, мулла, насчет Ахала. Я слышал, у тебя человек оттуда был? Нас, жалко, как раз в ауле не было, а то обязательно пришли бы послушать, что он говорит...

— Да, приходил приятель оттуда... Три дня прожил у меня, все про нашу жизнь говорили...

— А у них как там дела?

Непес-мулла тяжело вздохнул:

— Ах, Каушут, как дела! Тоже ничего хорошего. Урожай, говорят, в это лето никакой, даже что и уродилось, тоже собрать спокойно не могут... У нижних емудов¹, говорят, чуть получше. Вроде они с русским царем какую-то торговлю затеяли, а тот пообещал их защищать. Если так, то им, конечно, лучше нашего...

— А нам как же быть? Так одним и оставаться?

— Знаешь, как народ говорит: один в поле не воин, Каушут-ага!

¹ Емуды — одно из туркменских племен.

— Ну и что же?

— А то, что надо хоть крепость свою иметь на случай войны...

— Вот это верно, мулла...

— Верно-то верно, но и крепость все равно не поможет. Нельзя сейчас жить никому в одиночку. Все только и ищут, как бы с кем соединиться и на других напасть! Вон ёмуды! Русские с ними торговать начали, а тут уж англичане шлют своих гонцов: «Не соединяйтесь с русскими, с нами вам лучше будет!» И шпионов своих каждый подсылает, воду мутят, такое дело, что сам шайтан не разберется.

— Да, несчастный туркменский народ! — воскликнул Келхан Кепеле, молчавший до этого времени. — Вот увидишь, и у нас скоро шпионы появятся. Вот этот, в полосатом халате, что он здесь ходил все, высматривал? Говорил, из Мекки идет, от святых мест, а кто его знает? Я чувствую, многие хотят нас к рукам прибрать, и Хива, и Иран, и Бухара... Вот увидите, скоро и у нас что-то будет!.. А, смотрите, вон сосед едет!

Со стороны аула к ним скакал на своем ослике Ораз.

— Келхан-ага, тебе письмо из Мары! — прокричал еще издали мальчик.

— Из Мары? Наверное, Арнакурбан прислал, вроде больше знакомых там у меня нет. Ну-ка, давай посмотрим, — сказал он, когда мальчик уже подъехал. — Возьми, Непес, грамотей, прочитай, что там пишут.

Непес взял длинный листок бумаги, пробежал его сперва глазами, а потом начал вслух читать.

— «Большой и сердечный привет посылает вам Арнакурбан, сын Агагельды, из народа сарыков. Мы сейчас хоть и трудно живем, но молимся аллаху о лучшей жизни, а потому живы и здоровы. И вам того желаем. Келхан, сын Кепеле, через неделю, как дела позволят, мы к вам в гости приедем. И еще дело одно есть. Приведем вам девушку. Я ее в пустыне подобрал, когда шел из Хивы. Зовут ее Каркара, она от хана Мядемина убежала. Сейчас она уже здорова и живет рядом с моей женой. Можете сообщить об этом ее родственникам. А пока будьте живы и здоровы, через неделю, если даст судьба, свидимся.

Арнакурбан, сын Агагельды».

После того как письмо было прочитано, все трое замолчали. Один Ораз запрыгал от радости и все пытался

заглянуть в листок бумаги с непонятными значками, принесшими такую радостную весть.

Взрослые сейчас думали о другом. Первым сказал Келхан Кепеле:

— Слушай, Каушут, у меня детей нет, по мне никто плакать не будет, я этому Кичи голову оторву. А если ему не оторвать, он нам еще похуже гадость скоро подложит. Как же он мог своего муллу обмануть?

— Человек, который народ обманул, он и муллу обманет,— тихо сказал Каушут.

— Подождите, неизвестно, может, он еще ни при чем,— сказал Непес-мулла, в любом деле дороживший больше всего истиной.

— Ни при чем? А как же тогда девчонка в Хиву попала? Тут ничьей другой руки и быть не может, кроме как этих подлецов. Что мы, совсем уже нищими стали? Пора наши папахи собакам на хвост надеть, там им лучше будет! Тысячи туркмен терпят, как десяток лысых пройдох с навозом их мешают! Эх, мулла, был бы я поэтом!..

— Ну и что бы ты тогда смог сделать?

— А я бы сделал вот что. Отправил бы один стих ахальцам, один — сарыкам, ёмудам, эрсары,— каждому по стиху и написал бы: собирайтесь вместе! Хватит терпеть, как всякие гаджары, аймаки грабят наш скот, убивают людей, крадут девушек! Пусть узнают, кто такие туркмены! Эх, мулла!..

Все трое снова замолчали. Каушут поглядел на мальчика, который с удивлением слушал непонятные ему разговоры.

— Ну, беги, братишка, в аул, скажи, что Каркара нашлась.

Ораз, давно ждавший этого, вскочил на ослика, ударил его голыми пятками и полетел во весь дух обратно.

У кибитки Келхана Кепеле сидело на кошмах несколько человек. Все они, кроме одного, были здешними. Гость был один — Арнакурбан-сарык. Собравшиеся о чем-то разговаривали, когда из кибитки вышел Каушут в халате, накинутом на плечи.

— Саламалейкум!

— Алейкум эссалам!

Разговор на минуту смолк. Слышен был только

треск огня, который горел в большом очаге у дома Ходжакули, да в одной из соседних кибиток пронзительно кричал ребенок, так, словно его укусила оса.

Келхан Кепеле, вероятно, потому, что письмо пришло именно ему, принимал гостя в своей кибитке, хотя многие к себе приглашали. Келхан не стал возражать, когда семьи Каушута и Ходжакули предложили поставить свой казан на его очаг в честь гостя.

— Ораз, зажги-ка лампу,— сказал Каушут мальчику, который вертелся тут же рядом.

— Да она вроде и ни к чему,— возразил Арнакурбан, который хорошо знал, что лампы зажигаются только в большие праздники, да и то не в каждой кибитке.

— Ничего, хоть лица друг друга видеть будем. Не беспокойся, на этом не обедняем, Арнакурбан-ага.

В центре кружка поставили глиняную лампу с курдючным салом внутри, запалили ее, и она стала понемногу освещать лица собравшихся людей. Едва огонь вспыхнул, как откуда-то появился одинокий мотылек и стал летать вокруг пламени, а через минуту их собралась уже целая стая.

— Интересно, откуда они узнают, что здесь огонь? Как будто со всей степи слетаются сразу.

— На запах идут, как псы Мядемина...

Келхан Кепеле хотел тоже что-то сказать по этому поводу, но его опередил выкрик, раздавшийся из-за плетня:

— Сто лет белому дому!

— Дверь ваша из золота!

Это были аульские ребяташки. Они пришли «ремезанить».

На юге дерево стоит,
В небо ветками глядит,
А под деревом сидит
Сам Зенги-баба.

Хозяйский кобель, слышав шум, выскочил на середину двора. Но его лай перекрывали детские голоса:

Вы богаче всех у нас,
Мы пришли к вам в этот час,
Мы увидели луну
Из кибитки, сквозь туйнук.
В золото ее одели,
А потом спустили вниз!

Келхан Кепеле подошел к ограде и помахал рукой одному из мальчишек, постарше других, который стоял в стороне и молчал, не присоединяясь к общему хору.

— А ты, хан, что стоишь, как будто рот зашил? Ну-ка расскажи нам что-нибудь, послушаем твои стихи.

Мальчишки тоже все набросились на него, заставляя выполнить просьбу Келхана. Паренек засмутился и хотел спрятаться за спины других. Но мальчишки выставили руки и стали подталкивать его вперед. Видя, что деваться некуда, паренек насупился, отвернул голову так, чтобы не глядеть ни на товарищей, ни на взрослых, и принялся читать свой стишок скотному загону:

Дадут мало, не возьму,
В свой мешок не положу.
Пусть тому, кто мало даст,
Посылает дочь аллах.
У того, кто не скупится,
Пусть скорее сын родится.
Ремезан! О, ремезан!

— Ремезан! — нестройным хором подхватили и другие ребята. Со всех сторон раздался смех.

По традиции «ремезанщикам» стали задавать вопросы:

— Если камень зачервивеет, чем его чистят?

Один, небольшого роста, самый шустрый, выскочил вперед:

— Если камень зачервивеет, его надо чистить верблюжьими рогами!

— А разве у верблюда есть рога?

— А разве камень червивеет?

Кто-то из сидящих мужчин крикнул:

— Эй, Келхан, насыпь им чего-нибудь в мешок, хорошие ребята!

— Нет, рано, еще не заработали. Вот я им еще задам вопрос.

Поскольку вопросы везде задавали одни и те же, ответы на них тоже были давно известны, и шустрый мальчик с готовностью снова выскочил вперед:

— Задавай вопрос, Келхан-ага. А мы уж тебе ответим!

— Ну-ну. Значит, говорите, если камень зачервивеет, его верблюжьими рогами чистить надо? А вот если в воздухе заводятся черви, тогда как их оттуда вытаскивать?

Мальчишка, услышав неожиданный вопрос, растерялся и повернулся к своим товарищам. Те тоже пожали плечами.

— Эх, недоучки, даже этого не знают! Если в воздухе заведутся черви, их надо чистить волосами Каушута!

Все рассмеялись и поглядели на лысый лоб Каушута. Надо было сказать: «А разве у Каушута есть волосы?», но мальчишки на всякий случай остереглись трогать самого сильного человека в ауле и только заулыбались вслед за всеми.

— Ну вот! — воскликнул со смехом Каушут. — Волос нет, а они всем покоя не дают!

«Ремезанщикам» насыпали в мешок чашку зерна и отправили их к соседней кибитке.

— Эй, ребята, — крикнул кто-то, — зря вы идете, возвращайтесь домой. Здесь, считайте, по человеку с каждого дома, так что Келхан за всех нас вам насыпал!

Когда мальчишки отошли, разговор повернулся в другую сторону.

— Народ говорит, — начал первым Арнакурбан, — «и гулять идешь — гуляешь, и в гости идешь — тоже гуляешь». Вот я и решил и в гости сходить, и погулять заодно. Захотел старых друзей увидеть, давно уж мы вместе не сходимся...

— Это ты хорошо сделал, Арнакурбан. А то правда, уж и забыли друг к другу дорогу, разве что нужда какая приведет. Дела-то дела, а забывать соседей не годится...

— Ну вот, заладили одно и то же, как мальчишка молитву учить!..

— А ты не перебивай, молитва от этого только лучше запоминается.

— Я не старейшина у сарыков, — продолжал Арнакурбан, — не мулла, вы это знаете. Но и я не могу в стороне быть... Тут такие дела начинаются! Хива войско собирает, это я, можно сказать, своими глазами видел. Значит, туркменам скоро плохо будет. Когда они на нас пойдут, точно я не знаю, но думаю, скоро, очень скоро. Вот, Каушут, из-за этого я и приехал к вам.

— Спасибо тебе, Арнакурбан. Мы и сами думали, что Хива что-то задумала, но не ждали, что это начнется так быстро. Но пока нам думать надо о другом, о наших посевах, об одежде, рытье арыков. Тем более что советоваться о том, с какой стороны ждать врага ко-

печно же будут в доме Ходжама Шукура, а уж он-то всегда смотрит в рот хивинскому хану.

Келхан Кепеле не удержался и перебил Каушута:

— Что ты заладил «Шукур, Шукур»! Надоели уже с этим Шукуром! Думаешь, если бы он не родился, то все туркмены счастливо жили? Не на него надо смотреть, а на слезы, что льются из глаз туркменских детей. Глаза у них уже от слез почернели.

Каушут поглядел в лицо Келхану Кепеле:

— Келхан, когда завтра станет светло, погляди и на нас. У нас тоже глаза черные стали.

В аул со всех сторон сгоняли скот. Как только солнце скрылось за горизонтом, на небе сразу засветилась луна, точно не желая ни на секунду оставлять пустым почетное место.

Ораз теперь снова бегал с аульскими ребятишками. К вечеру они собрались у холма на южной окраине аула. Пришли еще не все, и поэтому игры не начинали, народу не хватало, ждали запоздавших.

А возле другого холма собирались девушки. В такие ночи, когда светила яркая луна, они подолгу сидели, разговаривали, пели свои ляле¹.

Услышав смех девушек, мальчишки насторожились. Один сказал:

— А знаете, как их подслушать интересно, такое рассказывают!

— А ты почему знаешь, ты что, девчонка?

— Не девчонка, но я... я знаю что вчера сделал?

— Что?

— Оделся я вечером в сестрино платье, сделал из лоскутов косички, на голову платок надел и с сестрой пошел...

— Ну?.. И не узнали?

— Не. Даже внимания не обратили. Сестру спросили, кто это? А она ответила, как я ей сказал: «Из аула Горгор тетя приехала, это ее дочка». — «А как звать?» — «Марал». Я чуть не заржал, еле сдержался. Потом ляле пели. Я отвернулся и как будто тоже подпевал... А рассказывают!.. Такое знают, что вам, дуракам, и не снилось. Особенно про свадьбу, про мужчин...

¹ Ляле — песни, которые поют только женщины и девушки.

Кто-то не дал договорить:

— Пошли вместе сегодня!

— А как?

— Спрячемся, подкрадемся сзади.

— А если увидят?

— Не увидят. Мы тихо. А увидят, скажем, в прятки играли. Пошли!

Ребята поднялись и тихо затрусили в обход соседнего холма.

Девушки ничего не заметили. Ребятам удалось подползти довольно близко и залечь позади них.

Среди девушек было две кайтармы. Одна была без мужа уже целых два года, звали ее Биби. А вторая — Кейик, та, что купалась вместе с Каркарой в тот день, когда Каркару украли. Кейик вернулась домой всего полгода назад. Биби была полная, смуглая и приземистая, а Кейик тоненькая и стройная, гораздо красивее подружки, поэтому и ее рассказы казались интересней и слушались с большей охотой.

Каждый вечер рассказы перед началом ляле начинались с одного и того же. Биби спрашивала Кейик:

— Кейикджан, ну расскажи еще, что было, когда тебя одели невестой?

Кейик начинала говорить, но ее перебивала Биби и в сотый раз подробно рассказывала про свою жизнь в доме мужа с самого дня свадьбы до того, как она вернулась домой. Но каждый раз ей вспоминалось какое-нибудь новое событие, и она с упоением принималась пересказывать его, не упуская ни одной подробности. «Видно, сильно тоскует без мужа», — сочувственно думала про нее Кейик.

А те, что только еще собирались замуж, готовы были слушать эти рассказы без конца, каждая мелочь была им интересна.

И в этот вечер разговор начался с замужества. Одна из девушек попросила:

— Ой, Биби, расскажи, а какой он был, твой муж?

Биби повторяла стихи, которые уже много раз слышали от нее девушки.

Волосы и борода у него — желтые, как песок.

А глаза — синие, как баярза.

А лицо — красное, краснее свеклы,

Точно обожженный глиняный кувшин...

— Ой, неужели такой правда? И как ты к нему подходить не боялась?

— Да это же шутка просто, такие стихи. Лицо у него загорело, вот и стало такого цвета, как кувшин. А глаза синие, поэтому и сказано: как бирюза...— Биби задрала голову и задумчиво посмотрела в небо. Там ярко блестела луна, словно красивая брошь на платье из голубого кетени. А ей казалось, что это ее возлюбленный с голубыми глазами выглядывает из луны. Он звал ее, тянул руки,— но так показалось только на минуту, а потом снова луна стала луной, а Биби сидела на своем холме далеко-далеко от нее...

Девушки опять стали приставать к Биби и Кейик с вопросами, но Кейик, замечавшаяся тоже о своем муже, сказала одной:

— Гулле, милая, тебя же вот-вот выдадут, уже ведь и жениха нашли, потерпи немного, скоро все сама узнаешь.

Гулле смутилась. От подруг она уже кое-что знала о том, как ведут себя муж с женой, но больше всего ее тревожило другое. Она не могла себе представить, как это ее заберут навсегда в чужой аул, к чужим людям, неизвестно даже к каким, и она должна будет всю жизнь закрывать рот яшмаком и не иметь права даже слова сказать без спроса... Она не могла поверить, что станет навсегда женой человека, которого даже в глаза ни разу не видела. Разве мало, думала она, своих парней и хороших, и красивых, вот, например, Курбан, Хужреп, Момин? Зачем же ее хотят куда-то увозить?

— А я не поеду в чужой аул,— сказала Гулле то ли в шутку, то ли всерьез.— Что мне там делать?!

— Ах, подружка,— сказала Биби,— кто только об этом не плакал! Разве где-нибудь есть еще парни такие, как в нашем ауле? Наши все как на подбор...— Она вздохнула и посмотрела снова на луну. Но там виделись ей глаза не своих, а того чужого, что не выходил из головы. Она вздохнула еще раз.— Хотя и в других местах тоже бывают... Глазное, чтобы встретился хороший человек!..

— Как твой, с «бирюзовыми глазами»?!

— Нет,— сказала Кейик,— это правда, таких, как наш Курбан, Хужреп, в других аулах днем с огнем не найдешь.

— Если тебе что на роду написано,— снова загово-

рила Биби таким тоном, словно знала больше всех,—от этого уже никуда не уйдешь. А чтобы узнать, что с тобой будет, надо жребий бросать в монжукатды¹, он никогда не врет. Вот в прошлый новруз² гадали, дочери Куйки-ага Эджекке такой стих выпал:

Хеллеси, джан, хеллеси,
Желтой дыни грядка.
Отец пай тебе оставил,
Голову рябой собаки...

— А я слышала, муж у нее хороший,—сказала Кейик.

— Хороший! Рябой собаки не лучше! Да еще и косой!

Кейик попыталась возразить, но Биби и слушать ее не стала. Ей обязательно хотелось, чтобы все чужие мужья были уродами.

— Ну почему жребий должен обязательно попасть на чужого? — не унималась Гулле.— Разве нельзя выбрать своего?

— Можно, конечно... Только хорошего... Вон, вспомни Каркару...

— Бибиджан, что ее вспоминать, разве она мертвая? — перебила ее Кейик. Она чувствовала, что Биби скажет сейчас что-нибудь нехорошее.

— Конечно, не умерла! Только я думаю, уж лучше десять раз умереть...

Вместе с ребятами на холме, позади девушек, лежал Курбан. Сердце его сжалось, как только он услышал про Каркару. Будь он один, он заткнул бы сейчас уши и убежал отсюда, но что толку? — все равно, другие-то слышат! И он не мог встать и заткнуть рот этой Биби и заставить друзей не слушать ее.

А Биби продолжала:

— Какая теперь разница, девушка ты или нет. Неужели так просто кого-то отвезут в Хиву и отпустят оттуда за просто так? Человек еще, может, в это и поверит, да бога-то не обманешь.

Все закружилось перед глазами Курбана. На лбу

¹ Монжукатды — вид гадания, при котором девушки и молодые женщины бросают в чай с водой бусянки, сопровождая это пением четверостиший в новогоднюю ночь.

² Новруз — мусульманский Новый год.

у него выступили капли пота. Ему в тысячу раз было бы легче, если бы позорили его самого.

— А что Каркара сделала такого, почему ты говоришь про жребий?

— Потому что аллах не написал ей на роду, а она сама хотела написать имя своего суженого. Вот бог и наказал ее.

— Кого же она хотела написать?

— Ладно притворяться, как будто не знаешь!

Курбан лежал, боясь перевести дыхание. Но тут Кейик прервала разговор. Она тихонько запела ляле, и подружки подхватили песню:

Когда весною семя дыни падает,
Оно недолго на земле лежит.
О, юноша прекрасный моего аула,
Остановись, дай поглядеть мне на тебя!..

Мальчишки, когда началось пение, потихоньку поднялись и побежали в свою сторону. Курбану было теперь не до игр. Не говоря никому ни слова, он отделился от остальных и пошел в аул. Всю дорогу его мучило сказанное о Каркаре. Он готов был сделать что угодно, чтобы защитить девушку от грязных сплетен. Но только долгое время могло стереть пятно, легшее на ее доброе имя.

В пятницу вечером Ширинджемал-эдже устраивала сороковины по покойному мужу. Когда солнце опустилось к горизонту и уже перестало так палить, как днем, Келхан Кепеле, Ходжакули и Каушут отправились к кибитке старой женщины.

Они шли мимо речки. Теджен за лето заметно обмелела, густо заросла камышом, который издавал тихий, удивительный шелест, словно тростинки переговаривались между собой. Лягушки вылезали на листья кувшинок и бросались снова в воду. Прямо от берега начинались заросли колючки, холмики, редкие саксаулы... На том берегу, вытягивая шею, медленно прохаживались сытые верблюдицы с верблюджатами.

— Бедняга Ораз, так и умер без детей,— вспомнил отчего-то Келхан Кепеле.

Каушут с Ходжакули промолчали. У Келхана тоже никого не было, и они понимали, что, жалея Ораза, он жалеет и себя.

Когда трое пришли, на ковре, расстеленном у кибитки Ширинджемал-эдже, уже сидели несколько стариков и разговаривали между собой, делились последними сплетнями и слухами. Один из них говорил с таким жаром, точно видел все собственными глазами, рассказывал о нападении аймаков на сарыков, как троих убили и угнали целую отару овец. Ширинджемал-эдже стояла рядом, слушала и вздыхала. Завидев за изгородью новых гостей, она торопливо засеменила им навстречу.

— Алейкум салам! — она поздоровалась с Келханом Кепеле, как с самым старшим, а потом уже с Каушутом и Ходжакули. — Проходите, молодые люди! Проходите.

«Молодые люди» сели на те места, которые указала им старуха. Сперва был прочитан аят, потом товир¹. И только после этого общий разговор возобновился.

— Каушут-бек, — начал один из аксакалов, — я слышал, из вашего аула украли какую-то девушку, а потом привезли назад. Это правда?

Каушуту не хотелось, чтобы история с Каркарой расходилась по чужим аулам, потому что после, при сватанье, могло бы сильно повредить ей, и он на всякий случай соврал:

— Да сплетни! Знаешь, люди иногда в капле лужу хотят видеть. Никто ее не крал. Напали двое, наши вовремя подскочили и отняли.

— Ну конечно, — ответил старик, — я и сам так думал. Не могли они испортить девушку, а потом вернуть назад!

На этом разговор о Каркаре и кончился. Из кибитки принесли миски с едой и поставили перед новыми гостями.

Один старик спросил другого:

— Чарыяр-ага, а сколько же лет прожил Ораз?

— Вообще-то говорили, что ему было восемьдесят семь, но мне кажется, на самом деле он был гораздо старше.

— А какой у него был год?

— Год обезьяны. Ну-ка, кто у нас грамотный, сосчитайте.

— Обезьяны? Какой, старшей, младшей?

— Старшей, снежной обезьяны.

¹ Аят и товир — молитвы.

Один из стариков, смысливший в счете, принялся считать по пальцам.

— Значит, так,— сказал он после долгой паузы,— с года обезьяны прошло без одного девяносто лет...

— Ну теперь, Чарыяр-ага, пора прочесть тебе аят.

Чарыяр-ага сосредоточился и принялся вполголоса нашептывать молитву. Когда он закончил, остальные воздали почести умершему.

— Светлый путь!

— Да попадет он в рай!

— Да принят будет Ораз-ага аллахом!

В это время к кибитке Ширинджемал-эдже подошел высокий старик со светлым лицом и белой бородой. В одной руке у него был тростниковый посох, а другой он держался за мальчика лет семи в оборванных штанишках и ситцевой рубашке, едва доходившей до пупка. На голове у мальчика была мохнатая шыпырма, мех которой падал ему на лоб и почти закрывал черные юркие глазки. Мальчик не отнимал свою руку от руки старика, словно боялся чего-то. Завидев сидящих, мальчик подергал старика за рукав и, когда тот нагнулся, зашептал ему что-то на ухо. Старик сам сделал несколько шагов вперед, засунул посох под мышку, сцепил пальцы обеих рук и стал читать стихи:

Саламалейкум, стар и млад!
Сердце кровью, братья, облилось.
Да будут дни ваши счастливы до конца!
Сердце кровью, братья, облилось.

Враг напал на нас, кто воевал, кто убежал...
А моя судьба несчастней всех других.
Двух сынов моих война взяла.
Сердце кровью, братья, облилось.

И глаза мои от слез ослепли.
Тело пополам мое согнулось.
И пошел я прочь с моей земли несчастной.
Сердце кровью, братья, облилось.

Руки женщины шерсть уже не режут.
Нету отдыха в земле моей народу.
Я не нищий, я слуга аллаха.
Сердце кровью, братья, облилось.

Сто лет жизни, кто врага накажет!
Пусть туркмены все сойдутся вместе.
Заколите псов поодиночке.
Сердце кровью, братья, облилось.

Был бы Хызром¹ я, то дал бы воду ждущим.
За туркмен отважных жизнь бы я отдал.
Но несчастный я Атаназар всего лишь...
Сердце кровью, братья, облилось.

Старик закончил чтение и, словно опасаясь, чтобы спутник его не пропал, нащупал дрожащей рукой сначала шыпырму мальчика, а потом ухватился за его плечо.

Старики похвалили слепого за его стихи.

— Ровесники, мы не нищие, мы рабы аллаха, никому зла не делаем.

Чарыяр-ага поднялся и подошел к поэту:

— Рабы аллаха, отведайте нашего хлеба-соли! Эта подстилка расстелена здесь, потому что справляют сороковины умершего. Садитесь, справьте с нами тризну.

— Вот как!

Старик погладил плечо мальчика, а тот посмотрел сквозь нависший мех сначала на Чарыяра, потом на своего хозяина и повел слепого к месту, которое освободили ему. Слепой сел, и мальчик, поджав ноги, устроился рядом. Перед ними поставили миску. Мальчик, видно, сильно проголодался, он глотал куски не разжевывая и, когда в миске уже ничего не осталось, с сожалением посмотрел на нее. По обычаю поминок, миску сразу же унесли.

Старик поблагодарил за угощение и принялся читать аят. Закончил он словами:

— Да попадет он в рай, раб божий!

Потом нащупал плечо мальчика:

— Ну, вставай, внучек, пошли.

На прощанье слепого уговорили прочитать еще стихотворение. Мальчик, которому, видно, уже надоело слушать одни и те же стихи, повторявшиеся в каждом ауле, отвернулся от старика и стал рассматривать Ширинджемал-эдже, как она возится возле очага.

Когда стихи кончились и путники уже собрались уходить, старая женщина подошла к мальчику и протянула ему миску с дограмой:

— Возьми, внучек, помянешь дедушку Ораза!

Мальчик робко опустил голову. Старуха предложила ему еще раз. Но он, хоть и поблескивал жадными глазами, побоялся отчего-то протянуть руку за угощением. Тогда старик сказал:

¹ Хызр — покровитель жаждущих в пустыне.

— Возьми, не бойся, Молладурды, это хорошие люди.

Молладурды сразу схватился за миску, но растерялся, не зная, куда высыпать дограму. Вдруг его осенило, он снял свою шыпырму, и старуха опрокинула в нее мяску. При виде наполненной доверху шыпырмы глаза мальчика радостно заблестели.

Мальчик и слепой пошли, на ходу засовывая себе в рот куски лепешки с мясом. Люди, сидевшие на ковре, печально смотрели им вслед.

Язсолтан под навесом сучила полосатую нитку, когда увидела Курбана, прибежавшего с поля за обедом для мужчин.

— Эй, Курбан, заходи, у нас горячий хлеб, только испекли.

Курбан подошел к женщине.

— Каркара дома, иди, она даст хлеба.

Курбан, волнуясь, приподнял штору и заглянул в кибитку. Каркара сидела в углу и ткала что-то. Он решил про себя, что не стоит напоминать девушке про ее несчастье, а, наоборот, лучше разговаривать с ней, как будто ничего и не случилось.

— Слушай, Каркара, ты когда-нибудь закончишь этот чувал или так и будешь его ткать всю жизнь?

Каркара вздрогнула и опустила ниже голову. Она стыдилась теперь всех и с одной только Язсолтан могла разговаривать спокойно. Из дома она старалась не выходить, чтобы не встречаться со взглядами односельчан, сидела все время в кибитке, занималась какой-нибудь работой, а перед глазами так и стояли нукеры Мядемина и ханский двор в Хиве, даже в стуке своего дарака¹ ей мерещился стук лошадиных копыт. О Курбане она боялась даже подумать, ей казалось, что она опозорена перед ним навек. Поэтому Каркара ничего не ответила ему.

Курбан снова повторил свой вопрос.

Каркара подняла клубок, выпавший из ее рук, и, не поднимая головы, ответила:

— До мизана², наверное, кончу. Только это не чувал будет, а большой ковер.

¹ Д а р а к — гребень для уплотнения ворса в ковре.

² М и з а н — наступление осенних прохлад.

— Ну, если до мизана, это хорошо,— сказал Курбан и прислонился к тяриму¹.

— Подай-ка мне лепешку, Язсолтан велела взять.

Каркара встала, вынула из сачака лепешку, сунула ее в руки Курбана и сразу же вернулась на свое место. Курбан пошел было к двери, но потом вернулся. Он хотел сказать что-то еще Каркаре, но тут снаружи раздался крик Язсолтан:

— Курбан, ты что там возишься, людей с голоду уморишь, сейчас не пост у нас!

Курбан вздохнул и нехотя вышел.

Взмокшие от пота Каушут, Келхан Кепеле и Ходжакули сложили в яму собранную морковь. Их лица и руки были запачканы землей. Пока не пришел Курбан с обедом, они отправились помыться к реке. На полдороге им встретился Мялик. Он ехал не спеша на своей черной лошади. Встретив знакомых аульчан, он вежливо поприветствовал их и тронулся дальше, но Каушут остановил его:

— Эй, Мялик-хан, придержи коня!

Узнав теперь, что в похищении Каркары были замешаны Ходжам Шукур и нукеры Хемракули, Каушут подозревал, что и Мялик, как лучший друг Кичи-кела, знал об этом. Ходжакули и Келхан Кепеле пошли дальше, Каушут с Мяликом остались вдвоем.

— Готов служить вам, Каушут-бек!

— Служить не надо, байский сын. Надо только послушать, что я тебе скажу сейчас.

— О чем же, интересно?

— Пусть это пока будет между нами. Скажи своим друзьям, пусть они бедных людей не трогают. Кто трогает бедных и слабых, того и бог накажет, и люди. А твои шашни с ними к добру не приведут. Будешь обижать несчастных, сам в жизни никогда счастья не найдешь. Смотри, плохо это все кончится.

— Чем же ты хочешь нас наказать, бек? Или аллах тебя своим помощником сделал?

— Я думал, Мялик, ты человек, поэтому и заговорил с тобой. А ты хуже той скотины, что под тобой стоит.

Лошадь тряхнула головой, будто хотела подтвердить слова Каушута. Но Мялика все это нисколько не трону-

¹ Тя р и м — нижняя деревянная часть юрты.

ло. Он только дернул повод со злостью, словно подозревал свою лошадь в сговоре с Каушутом.

— Аллах все видит,— сказал он,— даже муравья он не случайно посередине туловища разделит на две части, Каушут-бек.

— Пусть твои гадкие мысли всегда будут твоими спутниками. Это я тебе говорю, остальное покажет бог,— сказал Каушут и повернулся догонять товарищей. Когда он был уже далеко, Мялик заскрежетал зубами.

— Тоже мне защитник голытьбы! Девчонку пожалел! Родственник объявился!

Каушут подошел к берегу, сел и тяжело вздохнул.

— Что загрустил, пальван?

— Говорят, дурной человек и себе и народу вред приносит,— видно, так оно и есть.

Ходжакули сразу понял, о чем речь.

— Нашел с кем связываться, плюнь ты на этого Мялика, он еще получит свое, не беспокойся!

Каушут поднял глаза и вдруг вскрикнул:

— Смотрите, кто это?!

— Где?

— Да вот же!

— Сюда скачут.

У ближайшего бархана всадники остановились, сняли кого-то с лошади, тут же развернули коней и поскакали обратно.

Пеший человек с котомкой в руке пошел вперед.

— Да это же Дангатар!

— Не может быть!

— Он, точно!

Первым узнал его Каушут. Остальные недоверчиво смотрели на путника. А человек перешел кривой мостик, ступил на берег и нерешительно остановился. Теперь и Келхан Кепеле и Ходжакули узнали Дангатара.

— Дангатар! Дангатар-ага! — все трое бросились навстречу.

Как раз подоспел и Курбан, принесший взрослым обед. Как только он увидел на мостике человека и услышал крики «Дангатар!», в глазах у него потемнело, руки сами разжались, и торба с хлебом упала на землю. От радости он забыл про все на свете, повернулся и бросился в аул, скорее сказать Каркаре, что ее отец вернулся.

А трое приятелей уже тем временем стояли перед Дангатаром.

— Саламалейкум!

— Алейкум эссалам!

Только это и было сказано. Дангатар вернулся без одного глаза. Но от счастья, что он опять на родной земле, смотрел в лица соплеменников и не мог произнести ни слова. Так же молча он сел на землю и ощупал ее руками, как ощупывают потерянную и неожиданно найденную дорогую вещь.

Дангатар сильно изменился. Прежде у него не было ни одного седого волоска, теперь же голова была сплошь белая. Лицо сморщилось, постарело. Трудно было поверить, что все это произошло за такой короткий промежуток времени.

— Скот, хозяйство в порядке? — спросил Дангатар, с трудом подавляя нахлынувшие на него чувства. И голос его тоже изменился, стал хриплым и низким.

Ходжакули и Каушут молчали. Келхан Кепеле отвернулся.

— Говорите. От судьбы не уйдешь. Я уже много перетерпел.

— Будь мужчиной, Дангатар. Жена твоя... Видно, у нее на роду было написано уйти раньше тебя.

— Ока!..

— Да, бедняга Огулхесель отмучилась.

И без того слабые колени Дангатара задрожали. Он оперся руками о землю, хотел встать, но не смог. Остальные, хоть и были не последними джигитами, еле сдерживались, чтобы не заплакать. С дрожью в руках Дангатар прочитал аят.

— Да будет рай ее домом! — прошептал Ходжакули.

Дангатар тихонько кивнул головой и повернулся лицом к реке. Он смотрел на воду так, словно хотел увидеть там отражение покойной жены, с которой не сумел даже проститься.

После нескольких минут молчания Келхан Кепеле спросил:

— А глаз они выкололи?

Дангатар молча развязал свой узелок и вынул оттуда что-то завернутое в тряпицу. Распеленал и положил на руку предмет, напоминавший сморщенный орех. Это был его левый глаз. Мужчины впервые видели, чтобы

человек носил свой глаз в узелке, и это зрелище произвело на них жуткое впечатление.

— Я забрал свой глаз, чтобы похоронить его в родной земле. Правда, от него теперь осталось...— Дангатар отвернулся и не смог дальше говорить.

Глаз он потерял вот как.

Когда Каушут и Тач-гок пришли к Албас-хану, Дангатар был в другом селении, хан одолжил его на время своему приятелю.

Вернувшись назад, Дангатар оказался один на персидской земле, остальных пленников увели Тач-гок с Каушутом. Он продолжал жить рабом у хана. Наконец, вытянув из него все жилы, хан подумал, что кормить пленника уже невыгодно, и решил избавиться от него. Он вызвал Дангатара к себе и спросил:

— Сколько золота и серебра дадут твои родичи, чтобы ты вернулся домой?

Дангатар ничего не ответил, он знал, что даже при нем в доме не было денег, а теперь и подавно гроша не сыскать.

— Молчишь, туркмен? Хорошо. Тогда у нас будет другое условие.

— Ну, говори, посмотрим...

— Это условие такое, что не ты будешь смотреть, а мы.

— Ну говори, какое же?

— Это наше условие могут принимать только очень храбрые люди,— хан ехидно улыбнулся и погладил свои пышные усы.— Очень выносливые люди. Не думаю, что ты его сможешь выполнить.

— То, что вынесет другой человек, вынесет и туркмен, хан-ага. Говори же!

Хан немного подумал и сказал:

— Я выкалываю пленному один глаз. И если он не закричит при этом, через сорок дней я его отпускаю на родину. А если закричит, то остается у меня, туркмен, но уже без глаза.

Дангатар ответил не сразу. Слишком тяжело было согласиться на такую пытку добровольно. А вдруг закричишь? Но другого шанса попасть домой у него не было. Дангатар сказал:

— Это слово мужчины, хан?

— Персидские ханы слов на ветер не бросают. Так ты согласен, туркмен?

— Согласен.

Хан тут же кликнул трех здоровенных слуг, они схватили Дангатара под руки и повели в степь. Тут же с шумом стала собираться толпа любопытных. Отойдя на порядочное расстояние, двое грубо повалили Дангатара на землю, а третий уселся на него и достал из-за пазухи инструмент, напоминавший обычную ложку.

— Ну, туркмен, не говори потом, что не понял чего-то. Один раз закричишь, и все твои муки будут напрасны.

Дангатар молча сжал зубы.

— Давайте!

Левый глаз как будто опалило огнем. Еле сдерживая крик, он напряг все свои слабые мышцы, но сильные руки не дали ему вырваться. Он так стиснул зубы, что они захрустели. Последней мыслью было, что глаза уже нет, а он не закричал. И после этого Дангатар потерял сознание.

Язсолтан все еще сучила свою нитку, когда мимо нее пулей пролетел Курбан, ворвался в кибитку и закричал:

— Каркара, дядя пришел, Дангатар-ага пришел!

Каркара не сразу поняла, о чем он кричит. При имени отца у нее закружилась голова. Все заходило во круг — туйнук, стены кибитки и сам Курбан, принесший такую весть. Каркара взялась за решетку тярима, с трудом встала на ноги и сделала несколько шагов навстречу Курбану. Она не знала, как его отблагодарить, ей хотелось расцеловать юношу, но стыд оказался сильнее радости, и она так и осталась на месте, глядя на него счастливыми глазами. В это время в кибитку вошла удивленная Язсолтан.

— Что случилось? Что ты влетел как полоумный? Кто там пришел? Откуда?

— Дангатар! Дангатар вернулся! Я только что видел его у реки, там Каушут, Келхан, Ходжакули...

Язсолтан тут же выскочила на улицу и запричитала во весь голос:

— Овсана-а! Огулбостан-а! Выходите скорей! Дангатар! Дангатар-ага вернулся!

Хотя она успела назвать только два имени, из всех соседних кибиток высыпали женщины, бросились наперебой к Язсолтан, стали обнимать и поздравлять ее.

— Сто лет жизни!

- Поздравляем, Язсолтан!
- Каркара, поздравляем!
- Дай аллах счастья семье Даугатара!

Старейшины всех родов сообщили мужчинам, что все должны собраться после утреннего намаза у стен старой крепости. Сообщение это вызвало сильное беспокойство в аулах. И утром, хотя приглашена была только мужская часть населения, к назначенному месту пришли и женщины, и даже дети.

Площадка возле крепости стала напоминать базар в разгаре. Из дальних аулов приехали на лошадях, на ишаках; привязывая животных за что придется снаружи, люди шли в крепость.

Отдельной кучей собрались женщины с детьми. Женщины были в черных пуренджеках, надвинутых низко на лица, по их виду можно было предположить, что они пришли на поминки. Сначала никто толком ничего не знал, но постепенно распространился слух — и среди женщин, и среди мужчин, — что на туркмен напал Мядемин. Послышался плач, причитания. Женщины заранее оплакивали своих братьев, мужей, сыновей. Глаза всех были устремлены на белую кибитку Ходжама Шуккура, на людей, то и дело входивших и выходивших оттуда.

Неожиданно толпа примолкла. Посреди площадки появился Атаназар, бродячий поэт-слепец, сопровождаемый внуком. Старик повторял ту же песню, что и на поминках в доме Ширинджемал-эдже:

Сто лет жизни, кто врага сразит!
Пусть сойдутся сильные народа!
Бейте кызылбашей¹ без пощады.
Сердце кровью, братья, облилось.

Пусть мужи родятся на Ораз-яглы похожи,
Львы такие же, как Кероглы достойный,
Пусть от вашей силы содрогнутся горы.
Сердце кровью, братья, облилось.

Был бы Хызром я, народу дал напиться,
За туркмен отважных жизнь бы отдал.
Но несчастный я Атаназар всего лишь...
Сердце кровью, братья, облилось...

¹ Кызылбаш — «красная шапка». Так называли туркмены врагов.

Закончив стихи, старик сказал, обращая невидящие глаза к людям:

— Будьте отважными, богатыри! Не осрамитесь! — и с этими словами покинул площадку.

Жена Пенди-бая, Огултач-эдже, наклонилась к уху Язсолтан:

— Ну вот, говорили, Хива напала, а он про каких-то «кызылбашей» поет... Что же будет, соседка?..

Язсолтан не успела ничего сказать. Толпа снова загудела, задвигалась: из кибитки Ходжама Шукура вышли мужчины. Среди них были сам Ходжам Шукур, Ораз-яглы, Пенди-бай, Молланепес, Сейитмухамед-ишан, даже сейчас не расстававшийся со своими четками...

Они взобрались на песчаный холм, который специально был насыпан посреди крепости и служил в подобных случаях местом для произнесения речей.

Толпа напряженно ждала. Но старейшины молчали. Хотя и совещались с самого раннего утра, но ни до чего определенного так и не смогли договориться. Главный вопрос заключался в том, кого поставить над войском.

Ораз-яглы был стар уже, тяжело садился на лошадь. Ходжам Шукур, кому и надлежало в первую очередь возглавить людей, хотя и не говорил ничего против сражения с Хивинским ханством, но, когда речь заходила о нем как о предводителе войска, что было вполне естественно, бормотал что-то невнятное в ответ, отворачивался в сторону и видом своим давал понять, что вести войско в этот раз вовсе не намерен. Больше на примете военачальников не было. Тогда Ораз-яглы предложил Каушута. Ходжам Шукур сразу закашлялся, точно поперхнулся, показывая этим, что кандидатура Каушута ему совершенно не по душе...

Каушут и сам слышал, что ему собираются предложить возглавить войско. Но ему не хотелось делаться верховным ханом. Он сказал, что свою лошадь готов оседлать быстрее всех, но командовать другими отказывается. И говорил он так неспроста. Хотя Ходжам Шукур и был плохим ханом, но люди за долгое время привыкли к нему, его имя в бою олицетворяло и имя родины, поэтому Каушуту казалось, что при живом хане в самый решающий час сражения люди, хоть сами и избе-

руг его, могут послушаться в трудную минуту и обвинить в какой-нибудь случайной неудаче. Каушут знал, что и Ходжам Шукур, не любивший его, приложит все старания, чтобы опорочить нового хана, возбудить недоверие к нему. Все это Каушут обдумал и взвесил еще заранее. И когда его призвали в белую кибитку и сказали, что уважаемые люди оказывают ему высокое доверие, просят стать главным ханом, ответил решительным отказом и, не объясняя причин, поднялся и вышел, хотя ему никто не разрешал этого. Он нашел в толпе Келхана Кепеле и сел с ним вместе играть в дуззим¹, как бы желая этим сказать, что разговор для него окончен и слова своего он менять не собирается.

Но в белой палатке все-таки решили назвать ханом Каушута: надо же было кого-то называть, тем более что достойнее его действительно найти было трудно. Каждый решил про себя, что выбор во всех отношениях будет верный. Если даже Каушут откажется и перед народом, то вся вина падет на него, а не на совет старейшин, не сумевший подобрать военачальника. Как только народ притих, Сейитмухамед вышел на шаг вперед и заговорил.

— Ну, в общем, так, люди,— начал он не очень решительно.— Если вы сами не против сына Яздурды-хана, то мне как раз и придется назвать его.

Каушут не выходил из толпы.

Ходжам Шукур не выдержал и усмехнулся:

— Много от него толка будет, если он даже показаться не хочет!..

Но тут Пенди-бай, почти все время до этого молчавший, неожиданно заступился за Каушута. Он повернулся к Молланепесу, словно признавал его за старшего, и сказал:

— Мне кажется, только очень неумный человек согласится на такое дело с первого слова и начнет прыгать от радости.

Молланепес поддержал его:

— Конечно, Каушут не из тех, кто запрыгает. Есть ведь еще достоинство, воспитанность, скромность. Я думаю, надо смелей объявлять его, ясное дело, лучшего хана мы не найдем.

Ходжаму Шукуру очень не понравились эти слова,

¹ Дуззим — национальная игра в камешки.

но он уловил, к чему клонится дело, и из опаски только pokrивился, ничего не сказал.

Ораз-яглы подумал и тоже присоединился к Молла-непесу:

— Да, ишан-ага, надо его просить, если народ требует, он не посмеет отказаться...

Сейтмухамед что-то смекнул про себя и тоже решил не перечить. Он подозвал глашатая Джаллы и сказал ему:

— Кричи: народ требует Каушута. Да погромче, чтобы все слышали.

Как только Джаллы выполнил то, что ему было поручено, толпа одобрительно загудела и стала повторять:

— Каушута!

— Пусть ханом будет Каушут!

— Тысячу лет жизни новому хану!

Как только Язсолтан услышала имя своего мужа, она охнула и тихо прошептала:

— О аллах, опять лезет куда-то, мало я слез пролила...

— Что ты, милая! Тут радоваться надо! — быстро принялась ее успокаивать Огултач-эдже. — Люди ему честь оказывают, главным ханом ставят. А я давно знала, что будет так. Надо поблагодарить аллаха... — она посмотрела в ту сторону, где стояли яшули. — А вот и он сам! Смотри, к аксакалам идет!

Каушут действительно подошел к минбару¹. Как только он остановился, Сейтмухамед-ишан набросился на него:

— Говорят, когда сам народ требует, последнего коня отдай! Каушут-бек, если люди тебя просят, а ты только упрямисься, это не по-мусульмански! Ты должен стать ханом! Тебя просят твой народ и твой ишан!

— Ишан-ага, против народа мы не можем идти. Если народ и правда хочет, а вы благословляете, я не могу противиться. Но...

— Никаких «но» и быть не может, Каушут-хан, — на слове «хан» Сейтмухамед сделал особенное ударение.

На лбу у Каушута выступил пот. Народ снова зашумел. Все приветствовали нового хана и просили его не отказываться. Но Каушут явственно слышал другой голос, исходивший неизвестно откуда. Он говорил: «Кау-

¹ Минбар — возвышение.

шут! Проклятие твоему отцу, если ты не сможешь спасти свой народ и по твоей вине прольется его кровь. Если не можешь быть ханом народа, не лучше ли тебе остаться ханом своего племени, сеять в своем поле и пасти свой скот?» Это смущало Каушута. Он посмотрел на Сейитмухамеда и тихо спросил:

— Ишан-ага, а может, правда, лучше жить мне своей жизнью и не лезть в чужие дела?

Вид у Каушута сразу сделался растерянный и жалкий. Но Сейитмухамед-ишан, зная только свое, тут же возразил ему:

— Но ведь и народу ты нужен, хан! Ты сам говоришь, против народа идти нельзя! Удачи тебе в сражениях и счастья в жизни. Пусть твое слово будет твердым, и да поможет тебе аллах!

Ишан начал было уже поднимать руки, чтобы благословить нового хана, но Каушут остановил его:

— Пойдите, ишан-ага, подождите!

Сейитмухамед-ишан недоуменно посмотрел на него и опустил руки.

Каушут огляделся по сторонам. Тысячи глаз неподвижно и зорко, как звезды с чистого неба, смотрели на него. Это были глаза самых разных людей, с разными взглядами, душами, намерениями... Как не знал Каушут, о чем думают звезды на небе, так и не знал сейчас, что происходит за этими глазами. Он не имел ни с кем из них, за исключением только очень немногих, никаких дел, они никогда не мешали ему, не просили ни хлеба, ни воды... Но Каушуту надо было знать про эти глаза все, иначе нельзя было вести их на войну, надеяться на успех большого дела, за которое он брался. Рядом с Каушутом стояли сейчас те, к кому народ уже привык, кто сами привыкли обращаться с народом. Таким, как Ораз-яглы, люди верили беззаветно и готовы были отдать последнюю каплю крови... Поверят ли так же они Каушуту? Сможет ли он заставить их в решительную минуту беспрекословно исполнить его волю? Чтобы узнать это, требовалось время, не один год общения с людьми, а времени этого сейчас не было. Надо было решать сразу и бесповоротно. Либо взвалить все бремя ответственности на свои плечи, либо отказаться, хоть и с позором, но уйти сейчас, пока не поздно.

Думая о тех, кого он совсем не знал, Каушут вспомнил и про других, кто был ему хорошо известен. И эти

люди не походили друг на друга. Одни могли кривой шашкой разрубить камень пополам, другие больше предпочитали ссылаться на старые заслуги, часто мнимые, добытые хитростью и золотом, и думали лишь о том, как спасти свою шкуру... Каушут подумал и про тех, кто сам хотел бы занять место хана. Сейчас они молчат, прячутся за спины народа и только ждут случая, чтобы посеять в людях недоверие, вражду к новому хану...

Обо всем этом думал Каушут, стоя на песчаном холмике перед выжидательно глядящей на него толпой. Наконец он поднял руку:

— Люди! Вы называете меня. Не скажете ли завтра, что этого не хотели? Пусть никто не лицемерит. Скажите все сейчас. Не стесняйтесь! Это будет лучше и для меня и для вас!

— Верим тебе!

— Согласны!

— Будь хлебным!

— Будь богатым!

Видя, что толпа целиком поддерживает Каушута, Сейитмухамед опять собрался благословлять его. Но Каушут и тут остановил ишана. Он снова повернулся к толпе.

— Если вы согласны, я тоже согласен. Отныне я и плакать, и радоваться буду вместе с вами... Но сперва... Вон видите ту белую кибитку?

— Видим!

— Дом хана!

— Кибитка Ходжама Шукура!

— Так вот. Снимите с этой кибитки дурлук, узук, все остальное оставьте на месте, кибитку перенесите и поставьте над моей головой.

Стоявшие рядом с Каушутом с удивлением посмотрели на него. Толпа тоже заволновалась.

— Что он хочет?

— Какое ему дело до кибитки Шукура?

— Мы ничего не поняли.

— И мы ничего...

Ходжам Шукур стоял с невозмутимым видом, как будто к нему все это не имело ни малейшего отношения. Он все еще надеялся на свой прежний авторитет и считал, что вздорное требование Каушута никто не посмеет

выполнить. А люди старались по-разному истолковать слова Каушута.

— Нет, тут что-то неспроста!

— А что непонятного? Конечно, стал ханом и сразу хочет забрать себе новую кибитку, у самого-то вся в дырках небось! Что тут голову ломать!

— Много ты понимаешь! Что-то раньше такого за Каушутом не замечали. Нужны ему эти тряпки! Он так дешево честь свою продавать не станет.

— Ишь ты! Что он, лучше других, что ли?

— А то ты не знал! Уж кто-кто, а Каушут доказал это...

— Интересно, как это? Подумаешь, хан нашелся! Пусть только ко мне сунется!..

— Вот уж ты бы, сосед, молчал! А кто тебе старшего брата от гаджаров привел, да еще без копейки денег? Не Каушут разве? Знаешь, дорогой, тот, кто за белыми кибитками охотится, не пойдет в чужую землю в одиночку, да еще к таким псам, как гаджары.

Человек, обвинявший в жадности Каушута, сконфуженно замолчал. От напоминания про старшего брата ему стало стыдно, и он постарался скорее спрятаться за спинами других.

Каушут тем временем сошел с песчаного холма, подтянул полы халата и уселся у подножья прямо на землю. Исподлобья он разглядывал людей, стоявших возле него. Многие бессмысленно улыбались, все еще никак не в силах понять, что к чему. Но Каушут по-своему расценивал эти улыбки.

Там, где дело не касалось непосредственно их, люди привыкли верить Ходжаму Шукуру. Так было спокойнее. На всех советах, сборищах, даже если он принимал заведомо неправильное решение, люди говорили про себя: «Наверное, это я глупец. Аллах водит его рукой. Пусть будет, как сказал Ходжам-ага».

И эту косность, нежелание думать ни о чем всерьез надо было в людях перебороть. Приказ Каушута поставить белую кибитку Ходжама Шукура над своей головой и был попыткой заставить людей сделать наконец выбор, испытать силу их преданности. Если они в самом деле почитают Каушута выше, чем Ходжама Шукура, то должны выполнить этот приказ. Если же согласны с новым ханом — только на словах, если они побоятся обидеть старого, значит, это будет залогом того, что и

в другой момент, когда речь пойдет о предмете гораздо более серьезном, чем белая кибитка, они тем более не исполнят волю Каушута, а поддадутся на уговоры Ходжама Шукура. В таком случае он лучше оставит навсегда Серахс, чем сделается верховным ханом.

От толпы наконец отделилось четверо мужчин.

— Хан-ага, ты хочешь, чтобы мы принесли кибитку и поставили ее здесь, или хватит того, что мы просто сдвинем ее с места? — спросил один из них.

— Я хочу, чтобы кибитку принесли сюда и поставили над моей головой.

Тот, кто спрашивал, махнул товарищам рукой, и все четверо двинулись к дому Ходжама Шукура. Из толпы вышли еще четыре человека и бросились вдогонку первым.

— Что вы хотите?

Вожак второй кучки схватился за саблю.

— Или черная голова, или белая кибитка! Одно из двух! Не думай, что старого хана отдадут так дешево.

Старший из первой четверки быстрым движением руки сорвал с головы черную папаху, кинул ее товарищам, потом вынул из-за пазухи белый платок, перетянул свои волосы и тоже схватился за саблю.

Люди на площадке замолкли. В нависшей тишине был слышен звон клинков этих двоих.

Некоторое время оба только размахивали саблями. Наконец сторонник Каушута изловчился и с криком «Йя, аллах!» выбил саблю из рук у противника и уже занес было для удара свою, но в это мгновение прозвучал окрик Каушута:

— Остановись, сын!

Рука с саблей замерла в воздухе. Победитель, разгоряченный схваткой, обернулся к Каушуту:

— Прошу тебя, хан-ага!

Каушут отрицательно покачал головой:

— Вложи свою саблю в ножны, сынок, она тебе еще пригодится!

Воинственный джигит взглянул еще раз на своего противника и с видимой неохотой подчинился Каушуту.

Теперь из толпы вышло еще человек двадцать и вместе с первой четверкой направились к белой кибитке Ходжама Шукура, самой богатой и красивой, где хозя-

он принимал знатных гостей из всех окрестных земель. Спусти какое-то время кибитка качнулась, как бы собираясь покинуть свое место.

Тут уж не выдержал Ходжам Шукур. Он сошел с возвышения и трусцой подбежал к Каушуту:

— Что это значит, хан?!

В голосе его слышались гнев и отчаянье. Слово «хан» он произнес насмешливо.

Каушут поднял голову и спокойно ответил:

— Не волнуйтесь, Ходжам-ага. Мужчины принесут твою кибитку сюда, а потом снова поставят на место. Я обещаю, что ничего с ней не сделается.

Заслышав слово «мужчины», еще три паренька, словно желая показать, что и они тоже взрослые и могут поступать наравне с другими, оторвались от толпы и бросились к белой кибитке.

Лицо Ходжама Шукура побагровело. Редкая борода затряслась.

— Сынок, ты бы мог взять с меня деньгами за десять кибиток. Зачем тебе этот позор! Останови их, пока не поздно! Ведь пожалеешь потом.

— Кто знает, хан-ага! На свете то и дело совершаются непристойные дела. Возможно, это одно из них, и об этом я, может быть, когда-нибудь пожалею. На все воля аллаха.

Таким оскорбительным тоном с ним никто еще не разговаривал. От злости Ходжама Шукура всего затрясло. Он хотел что-то сказать, но не нашел слов, выхватил свою саблю из ножен и бросился на Каушута. В этот же миг люди, стоявшие рядом, набросились на старого хана, подняли, как пушинку, и отнесли в сторону. Сабля его, отнятая чьей-то рукой, упала на землю перед Каушутом.

Каушут встал на ноги, поднял с земли саблю и подошел к Ходжаму Шукуру. Старый хан с ненавистью глядел на нового.

— Возьми, Ходжам, спрячь в ножны. Второй раз здесь поднимают оружие на соплеменника. Поберегите его лучше для наших врагов.

Хан злобно засунул саблю в ножны.

Люди уже оголили белую кибитку, сняли дурлук, узук и прочие украшения, легко подняли ее на руках и понесли. Их обступило много народу. Рядом шли те,

кому не хватило места, не за что было ухватиться, и они сопровождали процессию криками и свистом. Для многих это событие казалось настоящим праздником.

Ходжам Шукур не мог спокойно смотреть на свой дом, выглядевший теперь жалким и беззащитным. Он заправил полу своего халата за пояс и бросился, забыв про все, навстречу процессии. На ходу он воздел руки к небу и закричал на людей, словно оставался еще верховным ханом:

— Не смейте! Остановитесь, нечестивцы!

Идущие впереди замедлили было шаг, но под напором тех, кто шел сзади, вынуждены были снова перейти на быструю ходьбу. Белая кибитка проплыла мимо Ходжама Шукура, которого могла бы затоптать толпа, не сумей он вовремя отскочить в сторону. Кибитка была поставлена над головой Каушута.

Каушут теперь не походил на прежнего Каушута. Глаза его горели, как глаза голодного тигра в клетке. Такой вождь и нужен был народу — забитому и озлобленному. Глядя на него, текинцы поняли, что именно он, и никто другой, должен был стать их вождем.

Каушут-хан вышел на порог и обратился к толпе:

— Люди, теперь я приказываю. Пусть богатыри, те, кто считает честь туркмен своей честью, седлают своих коней и собираются у ворот. Да поможет аллах нам в борьбе за нашу свободу!

Толпа, как черная туча, медленно потекла к воротам крепости.

Стоявшие на холме забеспокоились. Нового хана так и не успели благословить. Сейитмухамед-ишан быстро подскочил к Каушуту, призвал на помощь всех святых, затем воздел руки к небу и произнес торжественное «Омин!». Толпа, приостановившись на минуту, повторила вслед за ишаном:

— Да будь благословенным!

Каушут склонил свою голову перед Сейитмухамедом. Потом поднял ее и сказал:

— Ишан-ага, народ поверил мне, а вы благословили. Ради блага всех туркмен клянусь, что не пожалею ни сил, ни крови под защитой всевышнего.

— Омишалла! ¹ — ответил Сейитмухамед и поднес руку к бороде.

¹ Омишалла! — Дай аллах!

Люди седлали за воротами своих лошадей и ишаков. Коня били копытами землю, ишаки ревели, женщины причитали и взывали к аллаху... Шум над толпой стоял невообразимый.

Мужчины были вооружены кто как. У одних за поясом торчали кривые сабли, другие держали луки со стрелами, третьи ружья... Были и такие, что принесли с собой топоры, шесты, а то и вообще пришли без ничего.

Непес-мулла подошел к Каушуту:

— Неужели поведешь эту толпу, хан?

— Что толпа большая, это хорошо,— значит, все захотели прийти... Но, по правде сказать, лучше бы вместо десяти безоружных пришел один с ружьем.

Каушут с Непесом вошли в толпу. Надо было как следует рассмотреть будущих воинов.

Первым на глаза Каушуту попался Келхан Кепеле.

— Ты, Келхан, иди и набирай себе нукеров. Отбирай самых лучших и вооруженных.

Келхан забрался на своего коня, выкрикнул несколько имен и двинулся в ту сторону, куда показал ему Каушут. По пути к Келхану стали присоединяться мужчины.

Каушут заметил трех ребят, державшихся вместе и очень похожих друг на друга. Он поманил их рукой.

— Из какого аула?

— Из Горгора, хан-ага.

— Чьи будете?

— Из Язы.

— Я спрашиваю, дети чьи?

— Селима-слепого, хан-ага.

— Братья?

— Да, все трое.

— А отец жив еще?

— Нет, умер, хан-ага.

— А мать?

— Мать жива.

— Она и собирала вас?

— Да, хан-ага.

— Ну что, нового хана будете слушать?

— Да благословит аллах тебя, хан-ага.

— Ну, молодцы. А кто из вас самый младший?

Один из юношей улыбнулся:

— Я, хан-ага.

Каушут внимательно посмотрел на него.

— Ну вот, ты, сынок, ступай домой. Скажешь матери...

— Хан-ага! — перебил его юноша, но старшие братья грозно посмотрели на младшего, и юноша сразу замолчал.

— Скажешь матери, братьев Каушут-хан взял с собой, а меня назад отправил. Понял?

Младший обиженно поглядел на хана:

— А нельзя ли, хан-ага, чтобы кто-нибудь из пяти остался?

— Нет, сынок, нельзя. Ступай. А вы, молодцы, идите к Колхану Кепеле. Удачи вам!

— Сто лет жизни, хан-ага!

Каушут огляделся и заметил в толпе Дангатара. Позади него на одной лошади сидели Курбан и Ораз. Из-за пояса у Дангатара торчала кривая сабля, а за плечами висело ружье.

— Куда собрался, Дангатар-ага? — подошел к нему Каушут.

Дангатар поправил по привычке повязку на пустой глазнице.

— Туда же, куда и ты, хан-ага.

— Да? А не лучше тебе вернуться домой?

Дангатар отвернул голову так, чтобы Каушут видел только здоровый глаз. Он решил про себя, что хану не нравится его увещье.

— Это уж мое дело, куда мне идти. Я не ребенок.

— А что ж ты раньше молчал, когда меня еще не выбрали? Я же всех спрашивал, кто против меня?

— Я не против!

— Как не против! Я тебе говорю одно, а ты другое! Какой же я хан, если с первого дня уже меня не слушают!

— Я слушаю...

— А раз слушаешь, давай поворачивай и ступай в аул. — Каушут почувствовал, что взял слишком резко, и, чтобы не обидеть старика, добавил: — В ауле тоже люди нужны, Дангатар-ага. Если все на войну уйдут, что же это будет? Даже за скотом некому присмотреть.

Дангатар вздохнул и покорно кивнул головой.

— Ну а вы куда? — Каушут повернулся к Оразу с Курбаном. — Ораз-бек, ну-ка слезай с коня!

Ораз сразу надулся.

— Каушут-ага! Я уже не ребенок, папу спросите! Я уже стрелял из ружья!

— Вот и стреляй! Тебя в ауле много ворон ждет. Смотри, к моему возвращению чтобы ни одной не было!

Каушут пошел дальше разглядывать воинов нового ополчения. Вдруг он услышал голос у себя за спиной:

— Вот, дедушка, хан-ага.

Каушут обернулся. Перед ним стоял слепой с мальчиком-поводырем. Старик протянул руку. Каушут поздоровался с ним.

— У меня нет глаз, хан. И лица тоже нет. Один только внук. Когда он вырастет, сядет на коня и будет твоим нукером. Удачи тебе, острого оружия, хан! — Старик поднял руку, и вслед за ним это движение повторили все те, кто стоял рядом.

Еще до полудня всадники были разделены на три группы и в таком порядке оставили Серахс, направляясь в степь для боевых учений. Впереди на белой лошади ехал Каушут-хан. Сотни глаз смотрели им вслед, и сотни губ молили аллаха о сопутствующей им удаче.

По всем приметам казалось, что зима 1854 года будет теплой, но, вопреки предположениям, она рано начала вступать в свои права. Вчера еще воздух был мягким и прохладным, а сегодня с утра земля покрылась твердой коркой, прошлогодние стебли обледенели и звонко потрескивали под конскими копытами. К полудню пригрело солнышко, но холодный ветер с севера оказался сильнее солнечных лучей. Предсказания стариков, что ожидается «двойная весна», не оправдались. И уже на следующее утро все увидели землю белой от выпавшего за ночь снега. Значит, в почве будет достаточно влаги, а в колодцах и арыках много воды.

Надо было чистить главный арык, который тянулся от старой Серахской крепости до аула Горгора. Кроме него было еще множество более мелких, одни из них также надо было чистить, другие расширять, третьи в некоторых местах прокапывать заново. Словом, пришло время готовиться к весне.

Поскольку среда считалась удачным днем, то именно в этот день и собрались люди, вооруженные лопатами, мотыгами и кирками. К старой крепости пришло до

трехсот человек. Одни на лошадях и верблюдах, другие пешком. Боевой дух, царивший здесь, напоминал больше военные сборы, чем обычные работы по расчистке арыков. Было довольно холодно, но люди оделись легко, надеясь согреться в работе. Пока же запалили костры и грелись возле них по очереди. Когда огонь догорал, сверху кидали сырые дрова, и от них поднимался черный и едкий дым. Он тоже придавал сборищу зловещий, непривычный вид.

Наконец раздался окрик:

— Все по своим паям, расходись!

Люди стали собираться в группы и покидать место сбора. А дым еще долго вился над опустевшей площадью, словно пророча грозные события, ожидавшие страну впереди.

Пай аула, к которому принадлежали Каушут, Келхан Кепеле, Дангатар и Ходжакули, начинался с того места, которое называлось «тамарисковой рощей». Ходжакули отмерил пай для тридцати своих аульчан и в конце каждого пая сделал в земле зарубки. Хотя это и называлось «тамарисковой рощей», тут давно уже не было никакого тамариска. Земля была покрыта пересохшим кустарником. Перед началом земляных работ надо было сжечь его и расчистить место. С подветренной стороны подождли сухие кусты, и огонь весело затрещал в сушняке, потянуло дымом. Не только молодые ребята, но и пожилые бородачи по-детски радовались огню, вдыхали испокон веков тревожащий-человека горьковатый дым.

Вдруг из-за горящих кустов послышались крики:

— Держи его!

— Не упускай!

— С той стороны заходи! Через огонь не пойдет!

Все с любопытством стали глядеть в кусты. Ходжакули, стоявший к ним ближе всех, разглядел что-то, нагнулся и юркнул вперед, отворачивая голову от огня. Назад он вылез не один. В руках у него бился шакал, крепко схваченный за горло.

Тут же выскочил неизвестно откуда Кичи-кел.

— Брось его сюда. Сейчас устроим потеху!

— Брось его, Ходжакули, божья тварь, пусть живет на свободе,— сказал стоявший тут же Дангатар.

— А когда он дыни твои жрет, не жалко? Не пускай его, Ходжакули, я вам покажу представление!

— Да что это тебе, обезьяна, что ли?

— Сейчас увидите!

Кичи-кел воткнул свою лопату в землю, снял черный кушак, осторожно подошел к Ходжакули и, не давая шакалу укусить себя, завязал ему глаза.

— Пускай! А вы стойте тут!

Ходжакули выпустил зверя. Тот упал, прижался к земле и закрутил очумело головой.

Кичи-кел зашел сзади и закричал, подражая шакалу:

— И-и-и-ий!

Зверь бросился вперед и тут же наткнулся слепой мордой на подставленную кем-то лопату. Шакал отскочил в сторону, опять налетел на лопату, развернулся и сиганул назад... Но куда бы он ни тыкался, всюду его нос налетал то на кирку, то на лопату.

Люди смеялись, даже Дангатар-ага, все время хмурившийся, развеселился. А когда шакал пошел на него, он сам выставил лопату и закричал:

— А ну, пошел назад, рыжая морда!

От постоянной беготни туда-сюда шакал совсем выбился из сил. Ноги его стали заплетаться, и кончилось тем, что он споткнулся, упал и так больше и не смог подняться с земли.

Воодушевленный своим успехом, Кичи-кел сбегал куда-то, притащил узкую доску, положил ее на шею шакала, придавил с обеих сторон ногами и развязал зверю глаза.

— Ну ладно, хватит, поиграли. Эй, Келхан, скажи ему, пусть не мучает,— крикнул из толпы кто-то.

— Если бы не надо было мучить, мы бы и не мучили,— ответил самоуверенно Кичи и стал покачивать доску из стороны в сторону.

Шакал в предсмертной агонии зацарапал по земле задними лапами. Потом перевернулся, весь скрючился и просунул задние лапы между ног Кичи-кела. Кичи-кел для пущей потехи схватил его за лапы и потянул вверх. И тут из шакала вырвалась струя зловонной жидкости и ударила Кичи-келу прямо в лицо. Кичи-кел как полумертвый отскочил в сторону.

Люди вокруг корчились от смеха.

— Вот это да!

— Получил! Так тебе и надо!

— Ох, вот уж точно, показал представление.

— Так и обезьяна бы не насмешила!

— Эй, Кичи, поздравляем с победой. Смотри, шакал-то подох!

Кичи-кел протер рукавом глаза и ошалело огляделся. Увидев толпу смеющихся над ним людей, он повернулся и бросился прочь из середины круга. В кустах он нашел немного снега, вымыл им лицо, потом вытерся изнанкой халата. Так как делать больше было нечего, он поборол чувство стыда и поплелся обратно к своей лопате.

Люди все еще продолжали смеяться, поглядывая то на победителя, то на дохлого шакала.

К толпе подошел Каушут. Первым делом он заметил красное лицо Кичи-кела и, еще не зная ни о чем, спросил:

— Кичи, что у тебя с лицом? Простыть успел в первый день?

— Нет, хан-ага,— смущенно ответил тот.— Какая там простуда!

— А лицо красное?

— Ничего... Снегом умылся.

— То-то вижу, жар из тебя идет. Почаще бы снегом умывался!— Хан повернулся к остальным.— Может быть, пора и за дело?

Каушут пошел к своей лопате и увидел дохлого шакала.

— А это откуда?

Ему тут же рассказали всю историю. Каушут рассмеялся и поглядел в сторону Кичи-кела, который нарочно раньше всех схватил свою лопату и уже спустился в арык.

Все разошлись по своим местам.

Последний участок достался Каушуту. По дороге к нему Каушута догнал Келхан Кепеле.

— Хан-ага, вообще-то тебе лопатой копать не полагается. Ты должен наверху стоять, людьми командовать: «Ты так рой, а ты сяк!» Зачем в арык полез?

Каушут поглядел на Келхана:

— Да, брат, вот из тебя бы хан вышел!

Келхан пожал плечами, повернулся и пошел к своему месту.

Все взялись за работу.

Каушут захватывал своей лопатой песка меньше, чем остальные, зато кидал его не за первую отметку,

а сразу за вторую. Он держался за самый конец черенка, и движения его были ловкими и точными.

Очистка арыков всегда превращалась в соревнование между ровесниками, старыми и молодыми, между одними аулами и другими. Победителем объявлялся тот аул, который закончит свой пай раньше других. Но существовало еще и личное первенство. Каждый старался из всех сил вылезти первым наверх и сидеть там, вытирая лопату, пока остальные доканчивают свои участки.

Но одна скорость еще ничего не давала. Старший мираб¹ арыка собственноручно проверял работу: глубину рытья, качество очистки, крепость берегов, которые не должны были ссыпаться на дно. Если хоть что-то не нравилось мирабу, хозяин участка должен был снова спускаться в арык. А это считалось большим позором. После такому человеку целый год не давали прохода. Стогло ему вставить на каком-либо сборище свое слово, как кто-нибудь из окружающих обязательно одергивал его: «Ай, ты бы сидел да помалкивал. Твои слова как твоя прошлогодняя работа на арыке».

Каушут хоть и хорошо работал и выбрасывал землю за вторую отметку, все же его опередили два парня, первыми вылезли из арыка и уселись наверху. Но Каушуту было скорее приятно, чем завидно. «Хорошо,— думал он,— что у нас ребята такие растут».

И, как нарочно, чтобы умерить его радость, к Каушуту, едва он вылез наверх, подскочил Кичи-кел. По лицу его сразу можно было догадаться, что он принес какую-то гадость.

— Саламалейкум, хан-ага! — сказал он тихо и вкрадчиво.

Каушут удивленно посмотрел на него:

— Ты что, в самом деле заболел?

— Нет, хан-ага, с чего вы взяли?

— А зачем шепотом здороваешься? Да мы уж и виделись с тобой сегодня.

— Ай, хан-ага, я решил еще раз поздороваться.

— Ну это не так страшно, только приветствие не говорят, зачем же тогда произносить его шепотом?

— Я хотел, хан-ага, другое сказать, более важное.

Поблизости никого не было, и Каушут сказал:

¹ Мираб — управляющий водой (букв.).

— Если у тебя секрет, то говори, не стесняйся, Кичи-бек, все останется между нами.

Но Кичи придвинулся еще ближе и проговорил еще тише:

— Хан-ага, только что один человек оскорбил тебя грязно, и я пришел сказать тебе.

Каушут с улыбкой повторил движение Кичи, как бы готовясь посекретничать с ним.

— Что же сказал он? — шепотом спросил хан.

— Он очень плохо сказал о твоей сестре. Вот что.

— А не унесли ли джинны его ум в пустыню?

— Вах, хан-ага! — горячо прошептал Кичи. — Он не сумасшедший и даже очень видный парень. И не сдуру оскорбил тебя, а потому, что хотел оскорбить. Вон, посмотри, у арыка стоит. Видишь?

— Вижу.

— Вот он и есть, хан-ага.

Каушут посмотрел на широкоплечего парня, очищавшего сухой веткой лопату. Кичи ожидал похвалы хана после такого известия. А Каушут, сощуриив смеющиеся глаза, сказал:

— Спасибо, Кичи-бек, за приятное сообщение.

Кичи расплылся в улыбке. Но Каушут прибавил неожиданно:

— Если такой парень станет нашим зятем, мы возражать не станем.

Кичи опешил, собрался что-то сказать, но Каушут опередил его:

— Думаю, что любой человек, уважающий хана, тоже не станет возражать. Не правда ли, Кичи-бек?

Эти слова Каушута еще больше запутали Кичи. Он совсем забыл, что хотел только что сказать, и смотрел на хана с глуповатым недоумением. И хан решил перевести разговор на другое.

— Ты закончил свой пай? — спросил он.

Если сказать правду, значит, признаться перед ханом, что отстал от других, и все же, подумав немного, Кичи решил не лгать.

— Нет, хан-ага, не совсем еще закончил.

Каушут улыбнулся:

— Тогда ступай заканчивать, а то этот галтаман и тебя может обругать.

Кичи шел и раздумывал. Что же это за хан? Раньше, бывало, за такие слова парень бы голову положил

на плаху, а теперь что? Или у этого Каушута шкура толстая, как черная кошма, или он в самом деле такой добрый? Непонятно.

Закончив свою работу, из арыка вылез Дангатар. Он тяжело дышал и вытирал краем халата взмокшее лицо. Каушут крикнул Келхану Кепеле:

— Эй, Келхан, а Дангатар-ага раньше тебя справился. Вот правду говорят: «Начнет старый игру — чертям тошно станет!»

— Если б за это призы давали! — огрызнулся Келхан. — Подумаешь, первый! Скоро и я закончу.

— Только умирать не надо раньше других, а во всем остальном, Келхан, старайся быть первым, — поглаживая бороду, не без гордости сказал Дангатар.

Завершив послеобеденный намаз, Ширинджемал поставила перед собой большой чайник и две пиалы. Наполнила их одну за другой, потом развязала узелок на конце платка и достала оттуда кусочек набата¹, оглядела его со всех сторон, как будто видела первый раз в жизни, и только после этого положила в рот.

Когда она заканчивала первую пиалу, в кибитку вошел Пенди-бай.

— Саламалейкум! — поздоровался бай и остановился у порога.

— Ой, Пендиджан! Вот счастье, что пришел! — затараторила старуха. — А ну, не стой на пороге, заходи, заходи, обнимемся!

После долгих приветствий Ширинджемал усадила Пенди-бая на старенький коврик возле очага.

— Как дела, как здоровье, Ширинджемал? — участливо осведомился Пенди-бай.

Старуха пригладила свои волосы.

— Спасибо, Пендиджан, благословение аллаху! Ай, ничего, дышим потихоньку. Шевелимся, пока еще времечко наше не вышло... А ты-то как?

Пенди-бай взял пиалу, которую протянула ему старуха, и принялся разглядывать плавающие в ней чайники. Потом поднял голову.

— Тоже помаленьку. Вот решил сходить тебя проведать, а заодно и дельце небольшое есть,

¹ На бат — очень крепкий сахар.

— Спасибо, спасибо, что старуху не забыл! Пусть аллах тебя благословит за это! — Она сделала несколько глотков и помолчала. — А дельце-то какое у тебя, если не секрет?

— Какие же секреты от вас, упаси аллах! Хотел праздничек справить, если получится, конечно.

— Ой, Пендиджан, что ты такое говоришь? Почему не получится? Все получится.

— Омишалла!

— День рождения хочешь справить, так, что ли?

— Можно было бы и день рождения. Только вот у сына нашего есть дружок в соседнем ауле, он даже родственник наш. Так вот, пять лет назад мы женили его, а жена попалась никудышная. Уже два года, как не живет с ней, к родителям отправил. Скоро и развод у них. . . Хотим пристроить его получше. Мне-то, по правде сказать, дела большого до него нет, да вот жена с сыном пристали, прохода не дают: жени парня, и все!

Подробности эти Ширинджемал не очень интересовали. Она считалась удачливой свахой, известной на всю округу, хорошо знала, что от нее требуется, и в излишние детали привыкла не вдаваться. И поэтому сразу же перешла к делу:

— У кого были уже?

Пенди-бай немного замялся.

— Да были у этого, как его, Дангатара. . .

— Тот, что из плена вернулся?

— Ну да. Глаз которому вынули.

— Знаю, знаю, хороший человек! — Старуха на минуту задумалась. — А дочку у него, кажется, Каркарой зовут?

— Правильно, Каркарой. Я сам-то не видел ее, но говорят, все там на месте, и сама — скромная, работающая. . .

— А я слышала, увезли ее прошлым летом. . .

— Был грех. Что правда, то правда. Но она чистая вернулась, это мы узнали.

— Да, да, да. И я так слышала, — быстро согласилась с ним старуха. — Так, значит, говоришь, ходили уже? Ну и что?

— Да вот, в прошлую среду отправил я сватов. . . Все вроде честь честью. . . Да этот Дангатар уперся, точно хан Хорасана! Так и не смогли уломать!

— Ну и дурень этот Дангатар! Где он найдет род-

ственников лучше Пенди-бая? Не понимают люди своего добра. Счастье само в руки идет, а они еще ломаются!

— Вот именно, Ширинджемал. Поэтому и решил я с вами посоветоваться. Мой-то совсем покоя не дает. Если, мол, не договоришься, силой ее возьмем. А я думаю, в своем ауле все же так не годится.

— Не годится, Пендиджан, упаси бог! Ну а что же дальше думаешь делать?

— Дело за вами, Ширинджемал. Если вам не трудно, сходили бы к этому Дангатару. У вас всегда получается. Ну а нет, так нет. Свет клином не сошелся на нем, и другую невесту найдем.

— Уж это точно! Такому человеку любой рад будет. Старуха опять примолкла, потом спросила:

— А что, Пендиджан, насчет выкупа говорили? Тут ведь дело такое, уважение уважением, а денежки получить всякий хочет.

— А как же не говорили! Я сказал: будет торговаться, не скупитесь. Хоть по весу невесты готов золота насыпать. Лишь бы только люди не говорили, вот Пенди-бай ходил свататься, а ему отказали! Так что вы тоже не стесняйтесь в деньгах, сколько попросит, столько и обещайте.

— Постараюсь, Пендиджан, постараюсь. Говорят, среда хороший день. Сегодня вроде вторник у нас. Прямо с утра завтра и пойду, после намаза.

— Вот спасибо. Я уж отблагодарю вас, можете не сомневаться, Ширинджемал. А теперь пора мне, своих дел еще полно. Завтра мне и скажете, как там и что, буду ждать.

— Будь спокоен, Пендиджан, постараюсь для тебя. До завтра.

— До завтра.

Пенди-бай нагнулся и вышел из кибитки.

Ходжам Шукур целыми днями просиживал дома. Говорил, что болеет. На самом же деле не хотел показываться людям на глаза после своего позора.

В один из дней, к полудню, он услышал, как кто-то крикнул за дверью по-туркменски, но с заметным акцентом:

— Хан-ага дома?

Хан вздрогнул.

— Дома, входите.

Но никто не вошел.

— Входите,— повторил он,— я больной, не могу выйти.

Дверь осторожно отворилась, и в кибитку вошел уса-
тый голубоглазый перс.

— Я от Апбас-хана. Наш хан хочет видеть вас.

— Где же он?

— Ждет вас у крепости.

Ходжам Шукур подумал немного и ответил:

— Хорошо. Скажи, сейчас иду.

Когда Ходжам Шукур вышел из кибитки, он увидел перед крепостной стеной группу всадников. Сначала это встревожило его. Но как только навстречу ему вышел сам Апбас-хан с широкой улыбкой на лице и первый начал приветствие, Ходжам Шукур сразу успокоился. Он пожал руку гостю и пригласил в дом.

— А что это у вас, хан, лицо такое хмурое? Может, случилось что?— спросил Апбас-хан, как только оба уселись друг против друга на дорогом ковре.

— Да так, приболел немного... А вы как в наших краях? Не на охоту ли вышли?

— Да как вам сказать... И на охоту, и заодно реши-
ли пленников своих обратно попросить.— Апбас-хан снова улыбнулся. Но в улыбке его можно было прочи-
тать: «Добром не отдадите, силой возьмем».

— Значит, вроде как в половице: и к дяде едут, и заодно жеребца обьезжают.

Апбас-хан подумал, что Ходжам Шукур острословит, и решил не уступать противнику:

— У нас, хан-ага, необъезженных нет.

— Значит, уже всех обьездили?

Ходжам Шукур испугался, как бы Апбас-хан не раз-
гадал его грубого намека, и поспешил отвлечь хана от
опасной двусмысленности.

— У нас в плену, хан, всего лишь один ваш человек. Можете хоть сейчас забирать его без всякого выкупа.

Апбас-хан расценил поспешность Ходжама Шукура как трусость, тем не менее поблагодарил его и при-
бавил:

— Видно, мы не вовремя явились, хан-ага, ваши лю-
ди ушли куда-то.

Видно было, что Апбас-хан хорошо осведомлен о
том, куда и зачем ушли текинцы. Да и Ходжаму Шукуру

не хотелось ничего скрывать, главным образом из-за обиды на Каушута. Ненависть к нему заставила Ходжама Шукура быть предельно откровенным перед Апбас-ханом.

— По слухам,— сказал он,— Хива собирается напасть на Мары, Апбаскули. И текинцы ушли на сборы, чтобы подготовиться к будущему сражению.

Апбас-хан сделал вид, что это известие удивило его.

— Текинцы хотят напасть на Хиву? Пах-пах-пах!

— А чего им бояться! У них же теперь такой смелый вождь!..

— Как, разве не вы? А кто же?

— Каушут-хан, Апбаскули.

— А мы знаем его?

— Должны знать. Он к вам ездил за нашими пленниками...

Апбас-хан хлопнул себя по ляжкам.

— О-го-го! Этот человек действительно отважен, хан. И у него хорошая голова на плечах.

Ходжам Шукур нахмурился.

— Если бы у него была хорошая голова, хан, он бы не отважился с пятьюстами никуда не годными войнами выступать против Мядемина.

Апбас-хан молчал, но Ходжам Шукур распалился от своей злости на Каушута.

— Он же погубит всех текинцев. Интересно, зачем сарыки навлекли на себя гнев Мядемина? Зачем они настроили себя против Хивы? Ведь Хива не принесла им никакого вреда, напротив, распространила среди них мусульманство.

Эти слова не интересовали Апбас-хана, потому что он лучше Ходжама Шукура знал, с какой целью Хива старается удержать в своих руках Мары, с какой целью Мядемин идет на сарыков. И Апбас-хан не стал выслушивать Ходжама Шукура, а сказал о цели своего приезда.

— В любом деле надо быть мужественным, хан. Мы пришли поохотиться за текинцами, как они часто охотятся за нами. Если есть желание помериться силами, выходите. Если нет, мы удаляемся, не обнажив своих сабель.

Апбас-хан не ожидал, что Ходжам Шукур ответит на это с таким безразличием.

— Я, Апбаскули, теперь в дела текинцев вообще не

вмешиваюсь. Что они захотят, пусть то и делают. Теперь у них новый хан, человек горячий, но безмозглый. Если ты сегодня утонишь скот у его соседа, он завтра же с войском пойдет на тебя. Это я говорю тебе как соседу. Каушут действительно безмозглый человек.

Апбас-хану понравились последние слова Ходжама Шукура.

— Я тебе обещаю, хан, если этот человек ступит еще раз на иранскую землю, считай, в живых ему больше не ходить.— Апбас-хан вдруг улыбнулся и погладил свои усы.— Значит, безмозглый, говоришь? А где сейчас скот его аула пасется? А? Пусть потом приходит со своим войском, мы рады будем встретить его.

После некоторого молчания Ходжам Шукур поднял глаза на Апбас-хана и тоже улыбнулся. Это была первая его улыбка за последние несколько дней.

Утром, когда Каушут открыл глаза, он увидел прокопченные дымом перегородки туйнука. Иней осел на них затейливым узором, словно нанесенным искусной рукой мастера.

Сквозь приоткрытую задвижку виднелось голубое небо. Оно было таким чистым и прекрасным, будто никогда не заволакивалось ни черным пороховым дымом, ни пылью из-под конских копыт многотысячного войска. Но Каушут знал, что на севере и на юге изготавливалось много пороха, заново подковывались лошади, чтобы снова в некий роковой час затмить это чистое и прекрасное небо Серахса. Зачем? Почему люди не могут жить в мире и согласии? И в его голове снова и снова встали во всех подробностях картины будущего сражения. Невизбежная битва казалась совершенно бессмысленной и непонятной. Обе стороны будут проливать кровь, рубить, сбрасывать друг друга с коней, затаптывать недорубленных безо всяких на то оснований. Чем больше он думал над этим, тем меньше радовали его и чистое голубое небо, и этот морозный узор на перегородках туйнука, и даже этот обманчивый покой. На душе было мутно и тревожно.

Треск сучьев в очаге отвлек его от тяжелых раздумий. Столбик дыма закрыл отверстие туйнука, слизал иней с решетки и сам растаял без следа где-то за крышей кибитки.

Каушут встал с постели, накинул на плечи дон и вышел во двор. Легкий морозец заставил его натянуть халат и опоясаться кушаком. В ауле стояла такая тишина, словно жители его вымерли или покинули свои жилища. И только старая верблюдица Келхана Кепеле, вытянув шею, смотрела куда-то на юг, словно пытаясь своим верблюжьим взором охватить весь открывшийся перед ней простор.

Из кибитки Дангатара вышла Каркара. В руках у нее была тыква¹. Каркара огляделась по сторонам, улыбнулась про себя чему-то, но, как только заметила Каушута, смутилась и даже выронила тыкву из рук.

Каушут хотел было ответить на ее улыбку, но вспомнил, что девушка все еще страдает от своего несчастья, стесняется людей, и поэтому сделал вид, что не замечает ее.

Каркара подняла тыкву и, не глядя больше по сторонам, побежала к коровнику.

Каушут прошелся по своему ряду и увидел Келхана Кепеле. Келхан, видно, тоже только что встал и еще как следует не пришел в себя. Он широко зевнул на глазах у Каушута, прикрыл рукой рот, пробормотал «Йя, аллах!» и только после этого заметил Каушута.

— А, Каушут-бек, доброе утро!

— Здравствуй, Келхан. Вы тоже благополучно проснулись?

— Вaleyкум, Каушут... А что это на «вы» ко мне, как будто у меня дети и полный дом людей? Сам ложусь, сам и встаю...

— А твоя верблюдица? Она ведь тоже встала!

— А!... — Келхан поглядел в сторону верблюдицы. — Эта уж, считай, отвставала свое, пора в Мары к мяснику вести.

Где-то заржала лошадь, и появился новый повод для разговора.

— Скачки скоро, — сказал Каушут, — как думаешь, кто победит?

— Это уж как аллах даст. Не знаю, у нас джигитов много...

Состязание должно было состояться через две недели у стен старой крепости. Собирались прийти наездники не только из Серахса, но и из многих аулов Теджена.

¹ В те времена очищенная от внутренности тыква заменяла посуду для молока и воды.

Скачки проводились круглый год. Но зимой на них собиралось особенно много зрителей, потому что люди не работали в поле и имели много свободного времени.

Со всех зрителей собирали деньги и покупали что-нибудь для победителей. А такие богачи, как Ходжам Шукур или Пенди-бай, делали особые пожертвования, назначали сами награды. Каждое состязание было особым праздником для туркмен.

— ...Да только нам призов не заработать,— продолжал со вздохом Келхан Кепеле.— Была одна кобыленка, и ту племяннички на молотьбу забрали. А когда отдадут, аллах знает!

— А верблюдица твоя? Чего ты ее бережешь, думаешь, она тебе верблюденка еще родит? Пускай ее! Кто на чем хочет, на том и едет.

— Это верно. Но я другого боюсь, а вдруг она приз возьмет, который Шукур заготовил для своей кобылы. Ведь сдохнет от злости!

— Да нет, сдохнуть-то не сдохнет, а вот твою верблюдицу так проклинать начнет, что она протянет ноги. Смотри, тогда вообще ничего у тебя не останется!

— Да подавись он своим призом и моим верблюдом!

Каушут с Келханом дошли за разговором до конца улицы и остановились.

— Ну что, может, зайдем ко мне, чаю попьем?

— Да уж не знаю, хан,— заколебался Келхан Кепеле. Вообще-то он всегда был не прочь зайти к кому-то в гости, потому что скучал у себя дома один, но и показаться слишком назойливым тоже не хотелось.— Вон, смотри-ка, брат твой идет к тебе. Больно рано что-то.

— Наверное, что-нибудь интересное во сне увидел, хочет рассказать, пока не забыл. Ну-ка пошли, растолкуем его сон.

Келхан Кепеле вздохнул и согласился.

Они нагнали Ходжакули, когда тот уже собирался войти в кибитку.

Келхан Кепеле поздоровался с Ходжакули.

— Пусть будет пророческим твой сон,— прибавил он с улыбкой.

— Нет уж, Келхан. Ты раньше пришел к Каушуту, сперва твой сон растолкуем, а я согласен на очередь.

— Ну и молодец ты, однако,— весело сказал Келхан, как бы признавая себя побежденным.

Завтрак был уже готов и сачак расстелен. Хужреп с матерью пили чай.

Ходжакули отодвинул чайник, поставленный перед ним. Каушут вопросительно взглянул на Ходжакули:

— Что это значит?

— Вы пейте. У меня к тебе небольшой разговор.

— Ну, говори! — Каушут почувствовал, что брат чем-то недоволен, и насторожился. — Давай говори! Когда ешь и слушаешь, пища лучше переваривается.

— А по мне, все равно. — Келхан отломил кусок лепешки и уселся поудобнее.

— Боюсь, что разговор будет не из приятных, лучше поешьте сначала.

После завтрака Каушут сказал:

— Все. Теперь можешь начинать.

Ходжакули раздражала словесная перепалка, вроде с ним играли в какую-то игру, и оба, Каушут и Келхан, как будто уже заранее посмеиваются над ним.

— Слышал я один разговор, — сказал Ходжакули. — Верно ли это, Каушут? — И посмотрел на брата такими глазами, будто уличал его, по меньшей мере, в воровстве.

Каушут не мог ответить на туманный и незаконченный вопрос. Что за слухи могли так взволновать брата? И, не припомнив ничего такого, что могло бы затронуть честь Ходжакули, переспросил:

— Какой же разговор ты слышал, Ходжакули? В народе много разговоров, как в Мекке арабов.

— А в Иране — гаджаров, — вставил Келхан Кепеле, проглотив последний кусок лепешки и подвинув к Хужрепу цветастый чайник.

— Я вам не шут, Келхан! — Ходжакули гневно сверкнул глазами, потом перевел свой взгляд на Каушута, как бы говоря: «Это и к тебе относится».

— О, братишка, ну скажи хоть что-нибудь толком, — не выдержал Каушут, потому что никак не мог понять причины такого раздражения.

Ходжакули присмирел немного.

— Говорят, ты опять собираешься в Иран. Правда ли это?

— Правда.

— А зачем?

Каушут промолчал, и тогда Ходжакули снова спросил:

— Может, гаджары угнали твоих овец?

— Моих или не моих, какая разница? Есть и мой двадцать голов и твой — полтора десятка.

— Ради моего скота можешь не делать ни одного шага в сторону Ирана. Не хочу, чтобы и за своими ходил.

— Почему не хочешь?

— Ты уже один раз был там, сделал дело. Теперь пускай другие сходят.

— Но ведь меня люди называли вождем своим!

Ходжакули махнул рукой:

— Оставь ты это, брат! Тебя уже один раз втравили в это дело, чудом вернулся, скажи спасибо. И раньше заставили идти в Мары резать невинные головы. И оттуда ты вернулся, а кровь пролил невинных людей. Теперь хватит! Чем к гаджарам идти, выпрашивать паршивых овец своих, лучше отправляйся в Каабу¹, искуп там свои грехи. Это будет лучше и для тебя, и для нас, и для людей.

— У меня нет грехов, которые надо искупать в Каабе, Ходжакули!

Ходжакули снова перебил Каушута и вспомнил стычки десятилетней давности.

— Разве ты не виноват за кровь, пролитую в Мары? Или это я виноват? Или эта кровь записана на тебе не как грехи, а как искупление от них?

— Это не вина Каушута, Ходжакули, — вступился за хана Келхан Кепеле.

— Тогда чья же она?

— Это вина грабителей мирного народа.

— На том свете не с грабителей спросят, а с вас. Вы же догнали их и навязали кровопролитие. Вы наступили на хвост лежащей собаки.

Келхан усмехнулся.

Ходжакули заметил усмешку, резко встал и пошел к выходу, но потом снова вернулся назад, словно забыл еще что-то сказать.

— В Серахсе, Каушут, кроме тебя есть мужчины, носящие папахи.

Каушут долгим взглядом остановился на младшем брате. Губы его тронула улыбка.

— Те мужчины, Ходжакули, только под боком у сво-

¹ Кааба — высшее мусульманское святилище в Мекке.

их жен мужчины. А когда до дела доходит, им ничего не стоит поверх своих папах и бархат накинуть.

— Я не говорю, чтобы ты бархат на голову накидывал, Каушут. Мужество, честь и отвага — это хорошо! Если ты станешь Хазретом Али¹, будет еще лучше, я буду рад. Теперь хочу сказать только одно — не суйся туда, куда не следует.

— Нет, Ходжакули, я не Хазрет Али и не Кероглы². Но ты же видишь, что аул остался без скота. Все угнали. Если сегодня оставить так, завтра начнут угонять наших дочерей, прямо из дома. Тогда ты что скажешь?

Ходжакули опять повысил голос:

— Ты не учи меня уму-разуму! Ты лучше не ходи к гаджарам!

— Нельзя не идти, Ходжакули, — тихо, почти виновато ответил Каушут. — Нельзя не идти.

Ходжакули принял воинственный вид:

— Тогда придется тебе переступить через мой труп. Пока я жив, ты не только не поедешь в Иран, но даже не посмотришь в его сторону.

— Через твой труп нельзя переступать, Ходжакули. Но если надо ехать, значит, надо. И не только к Албасхану, но понадобится, и в Газвин³ поедем.

Ходжакули сказал свое последнее слово:

— Тогда мы с тобой не братья, рожденные от одного отца. Можешь считать, что ты один, меня для тебя нет.

Каушут успел ответить Ходжакули, уже переступавшему порог:

— Если человек, имеющий такого брата, как ты, станет говорить, что он от отца родился один, ему не поверят ни бог, ни люди.

Ходжакули ушел.

На следующий день, в среду, Ширинджемал-эдже, как и обещала Пенди-баю, отправилась после обеда к Дангатару.

Дома была одна Каркара. Она сидела в углу и латала старую одежду.

¹ Али — дядя и зять Мухамеда, четвертый мусульманский халиф, почитается как образ храброго, всемогущего полководца.

² Кероглы — главный герой национального эпоса. Символ храбрости.

³ Газвин — город в Иране.

— Здравствуй, доченька,— ласково начала старуха,— как здоровьечко, как братец твой?

— Спасибо, хорошо.

— А где отец?

— Там, за сараем домолачивает.

— У меня дело к нему. Ты бы послала кого-нибудь из ребятишек за ним, поговорить надо.

Каркара молча поднялась и вышла из кибитки.

Не прошло и минуты, как появился Дангатар.

— А, ты и сам пришел. Говорят, у кого душа открыта, тому и путь открыт. А я уж Каркару за тобой послала. Все живы, все здоровы?

— Слава богу! А вы как? Как ваша старость? — спрашивал Дангатар, снимая ичиги.

— Пока аллах милует, Дангатарджан. Шевелюсь помаленьку.

Дангатар смотал портянки, собрал набившиеся в них зерна и сказал Каркаре:

— Возьми, дочка, поди высыпь в мешок.

Каркара подставила свои ладони, потом нагнулась, чтобы поднять несколько упавших на пол зерен. Все это время старуха не спускала с нее глаз. «А девушка хороша стала,— думала она.— Они, видать, не дураки, знали, на кого глаз положить. И что церемониться, надо было хватать, да и все!»

Каркара наконец все подобрала и вышла из кибитки. А Дангатар поставил свои ичиги к порогу и сел на кошму.

— Ну и хорошо, Ширинджемал-эдже, что шевелитесь. Главное, чтобы всем на этом свете легко дышалось.

Ширинджемал тем временем думала, как бы полочее подобраться к сердцу Дангатара. Она верила в поговорку «ласковое слово и змею из норы вытащит», всегда старалась сперва войти в расположение к своим клиентам. Сейчас она вспомнила жену Дангатара и решила завести речь о ней.

— Вспоминаю я бедную Огулхесель, Дангатар. До чего же я любила ее. Давай, уж раз мы встретились, прочти аят в честь нее.

— Нет, уж коли так, то лучше вы, Ширинджемал-эдже. Я-то человек неграмотный, а вы учились у муллы, вам и надо аят прочитать.

— Что ты говоришь, Дангатарджан! Я ведь женщи-

на, а женщина, пусть даже всю мудрость знает, все равно, если в доме есть хоть семилетний мужчина, то-вир не может поднимать. Прочтите вы, ваша молитва аллаху угоднее будет.

Дангатар поднялся с места, прошел в дальний угол, подстелил под колени сачак из верблюжьей шерсти, склонил голову и прочел те немногие молитвы, которые знал. После этого поднял к небу руки. Ширинджемал сделала то же.

— Пусть попадет она в рай! Пусть будет светлым то место, где она лежит! — Старуха тяжело вздохнула и продолжала: — Ах, Дангатар! Когда тебе за семьдесят, только и остается, что думать о других. Сама-то никуда не годишься. И сесть, и встать тяжело, а уж когда встанешь, уже и обратно-то сесть не можешь. Аллах видел, как я радовалась, когда узнала, что ты вернулся. И смеюсь, и плачу, старая дура. Только уж сил к тебе не было прийти, хвора я была. . .

— Да что вы, Ширинджемал-эдже, будет вам! — только и сказал Дангатар. Он никак не мог понять, чем вызвал такую любовь старухи, с которой раньше вообще-то был довольно мало знаком. «Ну и язык у нее, один мед,— думал он.— Вот кого надо было с Каушут-ом посылать к Апбас-хану за скотом, эта бы любого заговорила!»

— Но это ничего, Дангатарджан, праздник никогда не стареет. Вот вернулся ты благополучно, и для всех радость. Поздравить никогда не поздно. Поздравляю тебя. Видно, бог не возлюбил тебя и обрек на такую разлуку.

Дангатар призвал на помощь всю свою учтивость и ответил:

— Что ж, наше дело терпеть, что нам аллах посылает. И вам спасибо за вашу доброту.

Ширинджемал поняла, что теперь самое время заговорить про Каркару.

— И дочка, я смотрю, такая красавица стала у вас! Замуж-то отдавать не собираетесь?

— Да нет, как-то еще не думал пока.

— Зря, зря, о таком деле лучше заранее подумать, чтоб жениха хорошего приглядеть, а не какого-нибудь. Вот, слышала я, Пенди-бай к вам сватов посылал. . . Это хорошо, что вы сразу отказали. Пусть не думает, что

раз богач, так сразу все ему, в один миг готово. Но, по правде сказать, сватает-то он за хорошего человека, родственника своего, я его знаю, парень хоть куда! Да и Пенди-бай сам не поскупится, сколько попросите, столько и заплатит. Он мне говорит: «Я хоть на вес невесты золота насыплю...»

Теперь только Дангатар смекнул, к чему так издаലെка подбиралась Ширинджемал. Стараясь не обидеть старуху, он осторожно ответил:

— Тут дело такое... Подумать надо. Я ведь только пришел, еще вроде и не разобрался, что к чему.

— А что думать! Дело-то хорошее. Да и подумайте, зачем вам ссориться с Пенди-баем. Всякий знает, богача лучше своим другом иметь, чем врагом.

— Эх, я уже ничего не боюсь. Аллах мне столько послал, что уж ничего хуже, думаю, не будет.

Разговор продолжался еще много времени, но в этот день Ширинджемал так и не удалось уломать Дангатара. Но старуха не теряла надежды. И когда уходила от Дангатара, так же ласково попрощалась с ним и спросила позволения прийти проведать его еще раз. Богатый подарок от Пенди-бая, на который она рассчитывала, не давал ей покоя.

Но сегодня она решила не заходить к баю, чтобы зря его не расстраивать. Вместо этого Ширинджемал направилась к Сейитмухамед-ишану, рассчитывая получить от него какую-нибудь помощь в своем деле.

Когда Ширинджемал подошла к кибитке Сейитмухамеда, ишан, заложив руки за спину, прохаживался чуть поодаль, возле виноградника. Хозяин и гостя не заметили друг друга, Ширинджемал вошла в кибитку, но тут кобель, лежавший до этого возле конюшни, поднялся и лениво забрежал. Ишан понял, что пришел кто-то чужой.

В кибитке была биби¹ Мерьем. Ширинджемал с воодушевлением принялась ее приветствовать, обняла, как это принято между хорошими подругами, тем временем вошел и сам Сейитмухамед, поздоровался и уселся на своем полосатом коврике.

Сперва заговорили о последних новостях, пересказа-

¹ Биби — жена ишана.

ли, кто чего слышал нового в мире. Сейитмухамед вздохнул тяжело и обратился к госте:

— Если я не прав, то пусть аллах простит меня, Ширинджемал-эдже, но мне кажется, что приближается конец света!

— И не говорите, отец ишан, ваша правда. И пришлось же нам увидеть на старости лет, чего не дай бог никому! Времена-то, какие времена пошли! Как тут жить, когда старших за старших уже не почитают, а младших за младших не признают! В самом деле, конец света! И воров-то в аулах развелось — видимо-невидимо!

— Верно, верно говорите, Ширинджемал-гелин, — подтвердил ишан и легонько закашлялся.

Ширинджемал, к имени которой прибавили слово «невестка», сразу приободрилась. Она, как и все, тоже была когда-то невесткой, но этим именем уже давно никто не называл ее. И теперь она сразу почувствовала себя так, точно ей снова стало двадцать пять. Она улыбнулась и невольно захотела пригладить свои волосы, но едва дотронулась до них, как тут же почувствовала, что это уже не волосы молодой женщины, а что-то ветхое, почти чужое, давно отжившее свой век. И ей сразу стало грустно.

А ишан продолжал:

— Конец всему, конец! Теперь из-за этих негодяев и возле дома ничего нельзя оставить. У Кертнка-хаджи, бедняги, одна лошадь всего была, все скачки ему выигрывала. Увели! Прямо со двора! А ведь такой человек был, мухи не обидит, ничем аллаха не прогневит! Да им разве до этого есть какое дело! Нечестивцы, ни на грош святого не осталось!..

— Ишан-ага, — перебила его Ширинджемал, — но ведь всемогущий сам должен наказывать тех, у кого грязные руки! Или это не так?

— Ой, ой, Ширинджемал-гелин, что вы такое говорите! Конечно, накажет, всех накажет на том свете, все они будут на вечном огне гореть!..

— Верно, верно, — подтвердила биби Мерьем, все время молчавшая до этого.

— Отец ишан, на этом свете грязных дел становится все больше и больше! Вот у нас... — она запнулась, потому что не могла вспомнить никакого примера, однако тут же выдумала его из головы. — Вот у нас тоже двоих

поймали, прямо во дворе, хотели у бедняка увести ко-
рову...

Дальше Ширинджемал побоялась говорить, она
вдруг подумала, что такой могучий ишан, как Сейитму-
хамед, обязательно уличит ее во лжи, и тогда ей будет
стыдно. Но страх ее был напрасным, ишан ничего не
заметил.

— Да, когда воруют скот, хоть это и несчастье, но
все-таки не самое тяжкое. Можно даже посчитать, что
украденное животное — это принесенная тобою жертва
аллаху ради здоровья других людей. Но вот я слышал,
недавно украли у одного человека, тихого и скромного,
по имени Дангатар, взрослую дочь. Да мало того. Когда
первый раз ее отбили, украли во второй. Вот тут уж
настоящее горе... Просто страшно стало в наше время
невесту в доме иметь... Был такой человек, звали мул-
ла Мамедвели¹, вы слышали, наверное, Ширинджемал-
эдже?...

— Знаю, знаю его, отец ишан.

— Это который бедняком совсем умер? — вставила
биби Мерьем, чтоб только поучаствовать в разговоре.

— Ну да. Умер он, кажется, года четыре назад. Вот
он такие слова говорил: «Выросла девушка в доме —
каждый прохожий тебе враг». Выходит, прав был по-
койник.

Ширинджемал очень обрадовалась, что ишан сам
вспомнил о Дангатаре. Это был удобный случай
приступить к делу, ради которого она и пришла.

— Отец ишан, а вы сами знали этого Дангатара?

— Наверное, видел, только не помню сейчас в лицо.

— Пенди-бай хочет с ним породниться, сватает его
дочку.

— Ну, аллах ему в помощь! Пенди-бай хороший че-
ловек. Настоящий мусульманин, и веру почитает, и
ишанов.

— Но Дангатар не хочет, отец ишан.

— Да? Чего же он хочет? Где найти свата лучше
Пенди-бая?

— Вот и я ему то же самое говорю. А Пенди-бай
теперь сам не свой. Чтобы в таком деле ему отказали!

— Ну, это ясно.

— Вот я и пришла вас попросить. Вы ведь, отец

¹ М а м е д в е л и — Кемине, поэт-сатирик XIX века.

ишан, все можете. Помолите аллаха, чтобы он заставил Дангатара согласиться.

Сайтмухамед вдруг прикрыл глаза и стал тихонько смеяться. «Ну и хитрая сватья,— подумал он.— Хочет и ишана, и самого аллаха в свои дела запутать!» Старуха насторожилась. Ей показалось, что ишан заметил всю ее ложь и хитрость, и даже щеки ее слегка покраснели.

— А что это вы так смеетесь, отец ишан?

— Ай, вспомнил историю одну.

Этот ответ вроде немного успокоил ее. Она еще раз внимательно посмотрела в лицо ишана и решила про себя, что все-таки не такой он великий, чтобы видеть все насквозь.

— Интересно и нам послушать, какая история.

Ишан перестал смеяться и слегка прокашлялся.

— Отец наш был очень сильным муллой. Звали его Рахим-ишан, Ширинджемал-элти. Но даже по имени его редко кто называл, а больше называли «Ишан с поводырем».

— У него и люлька в доме сама качалась,— добавила биби Марьем.

— Да, это верно, Ширинджемал-гелин.

— Мы тоже слышали про такое. Говорят, что это означает особое благословение аллаха над домом.

— Ну так вот. А прозвище свое он получил потому, что у него был поводырь от аллаха, который показывал ему всегда дорогу. Поэтому Рахим-ишан даже в самую темную ночь ходил так же легко, как днем.

Один раз, да будет светлым то место, где он лежит, отец сидел возле кибитки и перебирал четки. И в это время подходит к нему одна женщина, молодая еще, все косы в украшениях. Отец с ней поздоровался и говорит: «Гелин, входите в дом, хозяйка там». Но женщина ему отвечает, даже не прикрывая рта: «Отец ишан, я не к хозяйке пришла, а к вам. Я хочу, чтобы вы дали мне один амулетик». Так и сказала: «амулетик». А это большое кошунство! Называть его так — значит занижать могущество священной вещи. Но отец виду не подал и спрашивает: «Какой же вам нужен амулет?» — «Какой? Я молоко взбиваю, а масла мало выходит. Вот дайте мне такой, чтобы масла было много». Отец ей говорит: «Дорогая, но на молоко никакие амулеты не действуют!» Тогда она опять начинает кошунствовать: «Что же

Ох, противная лягушка,
Хочешь ты для масла амулет?
Лучше ты ложись попозже
И пораньше чуть вставай.
Лишних сделай шесть ударов,
Вот тебе и амулет!

Так он сказал ей, Ширинджемал-элти. Так и в книге написано: «На нынешних гогов и магогов никакие амулеты не действуют».

Последние слова ишана Ширинджемал совсем не поняла. Она смотрела на Сейитмухамеда, надеясь получить ответ на свою просьбу. Но, закончив свой рассказ, он замолчал, всем своим видом показывая, что говорить больше ни о чем не собирается. Ибо в этом рассказе и было все, что он хотел сказать свахе.

Прошло девять дней с тех пор, как Каушут со своими людьми отправился к гаджарам, чтобы вернуть обратно угнанный Апбас-ханом скот. Их долгая отлучка уже вызывала тревогу. Времена были такими, что можно было ожидать всего. Язсолтан совсем потеряла покой. По ночам она то и дело просыпалась, разбуженная ревом ишака или ржанием лошади, вскакивала на ноги и не могла заснуть. На девятый день ей приснился страшный сон. Она увидела Сахата, одного из соседей, ушедших с Каушут, он стоял без папахи, а рядом с ним — сам Каушут, в одном башмаке. Лица у обоих были грустные. И вдруг, ни с того ни с сего, голова Каушута упала с плеч и покатилась по земле.

Язсолтан проснулась с колотящимся сердцем. Она тут же решила испечь семь лепешек в жертву Серахс-баба и три раза подряд прочитала молитву Кулхуала. Потом Язсолтан собралась пойти к Ходжакули, узнать, нет ли каких новостей, но сообразила, что еще слишком рано и, если она придет в этот час, может встревожить брата. Тогда Язсолтан сама попыталась побороть свой страх. «Ай, это сон от дьявола. Это он нарочно послал такой сон, чтобы запугать меня. Но я ему не поверю». Однако эти утешения не очень-то подействовали. Она

решила, как только взойдет солнце, сходит к Бостантач-эдже, которая хорошо разгадывала сны.

Призвав на помощь аллаха, Язсолтан снова положила голову на подушку. Но ей не спалось. Да и боялась уснуть: а вдруг этот страшный сон снова придет к ней. Она лежала с открытыми глазами и ждала, когда раздается «Алла-хн акбер» Сейитмухамед-ишана и наступит новый день.

А когда взошло солнце, Ходжакули сам пришел к ней. Он поздоровался и остановился в дверях. Лицо его было печальным.

Язсолтан не начинала первой разговор, боялась разозлить этим Ходжакули. Но он заговорил сам:

— Гелендже, если Каушут и на этот раз воротится целым... — Ходжакули вдруг спохватился, увидев, как задрожала при его словах Язсолтан. — То есть я не хочу сказать, что его уже убили, я даже уверен, что он вернется.

— Ты слышал что-нибудь, Ходжакули? — перебила его Язсолтан.

— Да нет, ничего... Но я хочу сказать, что если Каушут и дальше не успокоится, то я соберу свои вещи и уеду отсюда. Аллах не даст с голоду умереть, найду себе кусок лепешки если не в Ахале, так в Мары. Это лучше, чем сидеть всю жизнь как на иголках. И куда он лезет! Как будто только его скот угнали! Вот погоди, дождется он, покатится его черная голова с плеч долой!

— Не говори так, Ходжакули! Не говори про черную голову! И откуда только тебе на ум приходят такие слова!

Но Ходжакули разошелся и не слушал Язсолтан.

— Откуда? Оттуда, что я не слепой и не глухой. Многим уже эта голова не дает покоя! Сколько они в Мары чужих голов поотрезали? Знаешь? А кто начал? Твой муж, Каушут. А ведь нет ни одной головы, за которую не будет спрошено. Если человек и простит, то аллах-то не простит. И мы все будем тоже за эту кровь отвечать. Только, я думаю, до аллаха дело не дойдет. Люди сами отомстят. Мне вчера один хивинец у Ораз-хана сказал: «Смотрите, будет скоро у вас большая беда!»

— Какая беда, Ходжакули?

— А такая, что Мядемин собирается вот-вот напасть на нас. Всех, говорит, вырежу, до последнего, и детей и стариков. Вот чего твой Каушут добился...

Язсолтан не знала, что отвечать. В душе она соглашалась с Ходжакули. Только она не верила, чтобы Каушут мог сам резать головы. Действительно, она заметила, что глаза у Каушута после похода в Мары изменились. Но она думала, что это от усталости, от вида крови, проливаемой другими. Ходжакули же выставил самого Каушута каким-то кровожадным разбойником, в котором Язсолтан не могла узнать мужа.

Ходжакули несколько минут говорил еще что-то в том же роде. Потом повернулся и ушел, обиженный и рассерженный на старшего брата.

Язсолтан еще долго думала о Ходжакули и своем муже. «Вот два человека, два брата,— говорила себе она.— Этот живет себе спокойно, ни во что не вмешивается. И никто не ругает его за то, что он не садится, чуть что, на коня и не едет то спасать пленников, то защищать каких-то сарыков... А в моего точно бес какой-то вселился...» Язсолтан действительно стала подумывать, что у Каушута помутился разум. И она решила: если на этот раз он вернется живым, то больше никогда его никуда не пустит.

Солнце поднялось уже высоко, и Язсолтан отправилась к Бостантач-эдже, жене Непес-муллы.

На улице было не слишком холодно. Иней, выпавший за ночь, растаял, и с земли поднимался легкий пар. Радостно прыгали на обочинах дороги жаворонки. На деревьях, росших по краям арыка, еще держалась белая изморозь и под ярким солнцем придавала им особенную красоту. Кусты прошлогоднего янтака и чети были тоже в инее и издалека казались покрытыми белыми цветами. Бескрайняя степь дышала легко.

Дойдя до черной кибитки, Язсолтан услышала голос Непес-муллы, который занимался с ребятишками. Мулла объяснял, как ведется летосчисление.

— Первый год — мышь, потом корова, барс, заяц, рыба, змея. Баран, лошадь, обезьяна, собака, свинья...

Мальчишки хором повторяли за муллой.

Язсолтан приподняла полог и поздоровалась с Непес-муллой.

— Элти в хибаре,— ответил мулла,— идите туда.

Язсолтан опустила полог и вышла. Когда она вошла в хибару, там никого не было. Но по традиции она сказала свое «Саламалик!» и села на кошму,

Через минуту появилась и Бостантач-эдже. Женщины поздоровались.

— Ну, как твой муж, еще не вернулся?

— Ай, Бостан-эдже, не вернулся! Он-то уехал, а мы тут остались волноваться за него! Что-то больно долго его нет!..

— Старые люди знаешь как говорили? Моли, чтобы юноша, ушедший по делу, задержался. Ибо если задержится он, значит, дело свое сделает.— Бостантач достала шерстяной сачак и положила его перед Язсолтан.— Бери хлеб, ешь. А за него не волнуйся.

Язсолтан, поверившая в пророческий дар старухи, серьезно спросила у нее:

— Но они хоть здоровы, Бостан-эдже?

— Здоровы, слава богу, здоровы.

Язсолтан развернула сачак и отломилла от лепешки. Бостантач хотела было снять висевший в углу кувшин с маслом, но гостья остановила ее:

— Нет, нет, спасибо, пусть он там висит. Я уже поела, можно и товир поднять.

Язсолтан быстро дожевала хлеб, ей не терпелось рассказать старухе свой сон и услышать его толкование.

Как только товир был поднят, Язсолтан опустила голову и, волнуясь, начала:

— Бостан-эдже, я к вам пришла... Я хотела... Мне сон сегодня приснился, хочу, чтобы вы растолковали его.

— Да будет его разгадка истинной и счастливой! Говори, Язсолтан!

И Язсолтан принялась рассказывать. Бостан-эдже терпеливо дослушала до конца, и ничего дурного в пересказе сна не увидела.

— У Сахата голова раскрыта потому, что его скот тут, дома. А у Каушута упала голова...

— Почему? Что это значит?

— Это значит только то, что хотя Каушут и там, но голова его и мысли здесь.

— Но почему же у них лица такие печальные?

— Потому что они устали с дальней дороги. И вообще, мне кажется, что они где-то близко...

— Ах, Бостан-эдже, может, аллах услышит ваши слова!

— Вот увидишь, милая, мне сердце говорит, придешь домой, а Каушут уже там.

Язсолтан от всего сердца поблагодарила Бостантача-эдже за хорошие слова.

В этот раз они оказались и в самом деле вещими. Каушут и его спутники действительно были уже у дома. Но Язсолтан увидела своего мужа только вечером, потому что по дороге он остановился у Ораза-оглы, с которым надо было обсудить важное дело.

Скот они не привели, но для Язсолтан было главным, что все вернулись живыми и здоровыми.

К Дангатару все чаще и чаще приходили сваты. Хотя Каркаре и не полагалось знать, о чем разговаривают мужчины, но она, как, впрочем, и весь аул, не могла не догадываться о причине этих посещений. Слухи расплзались быстро среди людей, докатывались они и до несчастной Каркары.

«Парень у нас хороший, скромный,— хвалили все на один лад своих женихов.— Вашей дочке будет с ним хорошо». А «парню» редко бывало меньше чем за тридцать, да каждый еще имел в придачу двух-трех детей. Все прекрасно понимали, почему за Каркару сватают только вдовых и разведенных. Хотя честь Каркары и не была тронута; на ее имени лежало черное пятно, из-за которого девушка считалась невестой хуже других и не могла надеяться получить себе в мужа молодого парня.

Каркара понимала это и сама. Но ведь она любила Курбана и, пока была хоть самая маленькая надежда, не оставляла мысли о том, чтобы связать свою судьбу с его судьбой. Эта надежда, как лучик света, расцветивала последнее время все ее темные и однообразные дни. Если бы только знать ей, что Курбан любит ее так же, как она его! Иногда она думала: «Честь Курбану будет дороже меня. Сколько сразу пойдет толков и пересудов, если он женится на такой девушке, как я. Наверное, он теперь меня и не любит!» Но потом приходили и другие мысли: «Если бы он не любил меня, разве пошел бы за мной пешком в Хиву? Я еще ни разу не слышала, чтобы так искали украденную девушку, будь у нее даже семь здоровых братьев! Значит, он меня любит, раз не смог усидеть дома».

Но мечты были мечтами, а жизнь жизнью. Покуда Каркара думала о Курбане, Дангатар приглядывал ей

жениха из числа тех, за которых сватали. И один старик в белой папахе, кажется, уже успел больше других завоевать его расположение. Он ездил уже третью неделю. Еще вчера, когда сват седлал свою кургузую кобылу, лицо его хмурилось, а сегодня глаза старика уже повеселели, потому что Дангатар провожал его теплее обычного. Каркара заметила это, и ей захотелось подбежать к белой папахе и сказать: «Яшули, вы зря к нам ходите, я не могу выйти за вашего жениха, потому что я уже обручена». Но обручена она была только в своих мечтах, на самом же деле между ней и Курбаном даже не было еще сказано и слова обо всем этом.

А Дангатар, похоже, в самом деле уже был готов дать согласие белой папахе. Желая по-своему добра единственной дочери, он хотел поскорее пристроить ее, чтобы покончить со всеми сплетнями и кривотолками, ходившими вокруг ее имени. Каркара чувствовала, что вот-вот, не сегодня завтра, придет со стариком какая-нибудь женщина с седыми волосами и ласковой речью, улестит окончательно отца, и всем ее надеждам придет конец.

Каркара решила, хоть это и было ей ужасно стыдно, во что бы то ни стало переговорить еще до последнего отцовского слова с Курбаном. Потому что медлить больше нельзя. И если случится так, что он откажется от нее, тогда ей будет уже все равно, за кого выходить замуж, хоть даже за самого старика в белой папахе.

Вечером того же дня Дангатар стал собираться куда-то. Сердце подсказывало Каркаре, что он идет говорить о ней, и она решилась на отчаянный поступок: выследить, к кому он пойдет, и подслушать весь разговор, чтобы уже точно знать, что ее ожидает и как ей быть дальше.

Когда отец вышел из кибитки, Каркара выскользнула следом за ним и пошла в том же, что и он, направлении, стараясь не потерять его в темноте, но и самой не быть обнаруженной. Дангатар свернул к кибитке Калхана Кепеле. Каркара на минуту остановилась в нерешительности. Сердце ее стучало, она чувствовала себя совсем не такой, какой была прежде. То, что она сейчас делала, совсем не укладывалось в ее голове. Расскажи ей, что так поступала другая, она бы ту девушку обозвала самыми последними словами. И если кто-нибудь обнаружит ее здесь, это будет великим позором не только для

нее, но и для всей семьи. Но что делать! Самые близкие люди — отец, Ораз — были сейчас для нее не ближе одного человека, которому и принадлежало все ее сердце. «Наверное, я просто сошла с ума», — подумала вдруг Каркара. Но это было не так. Просто она любила, и любовь властно ее вела за собой, как во все времена, во всех землях ведет за собой лучших парней и девушек. И путь этот, если взглянуть со стороны, всегда в чем-то один и тот же, неизменен и стар, как само время. Лишь для одной Каркары и это время, и этот извечный путь были новыми. Они-то и привели сейчас Каркару к кибитке Келхана Кепеле. Ведь тут никакие запреты, никакие мысли о долге и приличии не способны остановить любящее сердце. Подслушивать мужской разговор, да еще о собственном сватовстве, — на такой страшный грех могла решиться только та, кто сильно и по-настоящему любит.

Не чуя под собой ног, Каркара подобралась к самому пологу и осторожно заглянула в маленькую шелку. В кибитке было светло от горящего очага, ясно виделись лица Дангатара и Келхана Кепеле, и сквозь потрескивание огня отчетливо доносились слова.

— Спасибо, не надо подушку, и так весь день пролежал, — говорил Дангатар.

— Ну тогда сиди. Я чувствую, ты о чем-то поговорить хочешь, не стесняйся, начинай.

— Верно. Откуда ты знаешь?

— Ну, что ж тут знаты! Я уж вижу, у твоей кибитки все время одна и та же лошадь, да не из нашего аула.

— Правильно ты заметил.

— И белая папаха все время одна...

— Да, и тут ты прав. Вот про нее я и хочу поговорить.

— Понимаю, Дангатар.

— А раз понимаешь, то что объяснять? Дело такое, взрослая дочь — считай, ломоть отрезанный.

— Ну, а раз так, надо поскорее ее пристраивать.

— Вот и я о том же думаю.

— Так кто же эта белая папаха?

— Я и сам хорошо не знаю. Знаю, из бурказов¹ он.

— Из бурказов?

— Да, бурказ.

¹ Бурка з ы — одно из туркменских племен.

— Ну что ж! Бурказы тоже туркмены, беды никакой нет!

— Это так, да знаешь, какое тут дело...

— Знаю, знаю все, Дангатар.

— Тогда помоги. Надо же скорее все закончить.

— Какая же тебе помощь нужна от меня? Ты знаешь, я все сделаю, что смогу.

— Да вот, думаю я, как бы там ни было, а все равно лучше наперед узнать. Оно конечно, все от аллаха зависит, но и своими руками в огонь толкать тоже не хочется.

— Да ведь это не от твоих рук зависит.

— Вот я потому к тебе и пришел. Ты все-таки много ходишь, у тебя знакомые везде, вот бы получше и разузнал.

— Ну что ж, если из бурказов, то, может, я и так знаю... Как его зовут-то?

— Кого, белую папаху?

— Ну да.

— Вельмамед Букур.

— Не Вельмамед-следопыт, случаем?

— Он самый.

— И кого он женить хочет?

— Младшего брата своего.

— Халмамед?

— Ну да, правильно.

— Ну, если это тот Халмамед, которого я знаю, то у него трое детей должно быть, если даже не четверо. А на это как ты смотришь?

При этих словах Каркара пришла в ужас. Она стала молить аллаха, чтобы он заставил сказать Келхана Кепеле: «Нет, Дангатар, это не годится. Ты же не можешь свою дочку отдавать за такого человека!» Но аллах не услышал просьбу Каркары, и Келхан Кепеле ничего не сказал.

Дангатар тоже на минуту замолчал. Но его, кажется, ничуть не смутило сообщение о детях жениха, он думал о чем-то другом. Через некоторое время Келхан Кепеле сказал:

— Ну хорошо, Дангатар, чтоб уж никакой ошибки не было, я сам завтра схожу к бурказам, а вечером вернусь к тебе и все расскажу.

Слова эти можно было понять так: «Я и без того знаю этого человека, но, раз уж тебе так хочется, схожу

и все проверю лишний раз». Каркара сразу представила себе человека, за которого ее хотят выдать, и еле сдержалась, чтобы не зарыдать во весь голос тут же, у порога чужой кибитки.

— Сделай милость, Келхан,— ответил Дангатар.— А то у меня и пойти больше не к кому. Ты знаешь, еще Каушут, но он слишком занят, неловко его просить.

— Сделаю, сделаю, Дангатар, не беспокойся, все будет, как договорились.

Больше Каркаре было нечего подслушивать. Она узнала все, что хотела. Слезы застилали ее глаза. Она повернулась и пошла прочь от кибитки, но пошла от волнения не в ту сторону и заметила это только у скотного двора Келхана Кепеле. Каркара повернула обратно. Но ей не хотелось домой. Ей хотелось уйти сейчас куда глаза глядят. Все, что сейчас окружало ее,— и хмурое ночное небо с редкими звездами, и силуэты кибиток, и побрехивающие в ночи собаки,— все казалось ей ненавистным. Все, казалось, предавало ее. Даже Келхан Кепеле, такой добрый и справедливый человек, и тот не пожалел! Впрочем, вину с Келхана Кепеле она тут же сняла и переложила на отца. «Что Келхан,— думала она,— он чужой, разве он может запретить отцу выдать свою дочь. А отец... Ему ни капли меня не жаль...»

Когда Каркара подходила к кибитке, увидела Курбана и Ораза, возвращавшихся со своих игр. Она еле удержалась, чтобы не подбежать сразу же к Курбану, не рассказать ему про все, что сейчас слышала. А потом, когда они уже вошли внутрь, пожалела, что не сделала этого. Она решила непременно сегодня же поговорить с ним. Потому что завтра будет уже поздно. Но почему Курбан ведет себя так, как будто и не подозревает ни о чем? Это пугало Каркару больше всего.

И наконец она решилась. Собрала все свое мужество, приподняла полог и сказала:

— Курбан, посмотри, тут какой-то верблюд приплелся, наверное Келхана Кепеле. Надо привязать его, чтобы не потерялся.

Но Курбан, который уже успел улечься, не захотел снова вставать.

— Эй, Ораз,— равнодушно сказал он,— иди отгони верблюда в загон.

Ораз вскочил было и хотел выйти, но Каркара толкнула его обратно в кибитку:

— Ты-то куда! Сиди, без тебя обойдутся!

Тут только Курбан сообразил, что дело было совсем не в верблюде, а в чем-то другом. Он поднялся, отодвинул мальчика и сказал:

— Ладно, не выходи, темень такая, я сам погляжу.

Никакого верблюда Курбан, конечно, не увидел. Но Каркара что-то шепнула ему на ухо, они молча прошли в глубь двора и спрятались за сарай.

Как только Ораз-яглы услышал о том, что люди, ходившие в Иран, возвращаются, он сразу же схватил свою палку и вышел во двор. Три всадника уже приближались к его кибитке. Ораз-яглы, с трудом переставляя ноги, двинулся им навстречу.

Впереди ехал Каушут. Завидев Ораза-яглы, он поднял руку с плетью и закричал:

— Хан-ага, мы сами подъедем. Остановись, нас не за что встречать.

Но Ораз-яглы продолжал идти. Как только всадники подъехали и спрыгнули с коней, он тепло обнялся с каждым и начал с таких слов:

— Ничего, ребята, не плачьте! Значит, так суждено. Уже то, что вы сели на коней ради других,— большое дело. Аллах за это благословит вас, эншалла! Ну, пойдите ко мне, поговорить надо.

Это приглашение обеспокоило Каушута. Ораз-яглы был не такой человек, чтобы из-за какого-нибудь пустого дела задерживать уставших после дальней дороги людей. Значит, он хотел сказать что-то действительно серьезное.

Забываясь о родственниках, вернувшихся из Ирана, первым делом Ораз-яглы посадил мальчишку на коня и велел скакать в аул, сообщить о благополучном возвращении. Затем он накормил гостей. И только после этого приступил к разговору.

Начал Ораз-хан издалека:

— Дни и месяцы летят. Мужи старятся... Но жизнь-то не стареет! Просто другим ее надо в руки забирать. Вам надо. На нас-то, стариков, вы уже не рассчитывайте! Но когда-то же и туркмены заживут по-человечески!..

Люди молчали, чувствуя, что хан подбирается к чему-то важному.

— Ну ладно, это всё вы и так слышали... Первое, что я хотел вам сказать, вот о чем. Ходжам Шукур собирается бежать от нас, со всей своей родней. Я это знаю, потому что он сам приходил ко мне советоваться.

Пенди-бай, который тоже пришел, узнав о возвращении людей, горячо воскликнул:

— И что же ты ему сказал, хан-ага?

Старик мягко ответил:

— Не горячись, бай, погоди. Говорят, что у джейрана, пришедшего на твой порог, никакой вины, кроме двух его рогов, нету.

— Какой джейран может быть из этого волка!

— Ну вот, поскольку он не джейран, мы и не стали его уговаривать. Да таких людей уговорами и не удержишь, если они хотят оторваться от своего народа. Я и сказал ему — делай как знаешь... — Ораз-яглы на минуту замолчал. — Но это не главное. А главное то, что из Хивы прибыл человек. И сказал, что после Мары Мядемин сильно сердитый.

— И чего же он хочет?

— Хочет он собрать войско и пойти на Серахс. Конечно, все мы в руках аллаха, но и ждать просто так, пока враг нападет на тебя, тоже нельзя. Надо народ готовить. Самим готовиться надо.

Тут заговорил Каушут:

— Хан-ага, ты дай нам совет, как быть. Ты же знаешь, ружей нет, зарядов тоже, как нам готовиться?

— Конечно, — поддержал его Сахат, — не будем же мы Мядемина чабанскими посохами встречать!

— Как готовиться? Я вам скажу. Во-первых, у нас есть мастер Хоннали-усса, можем сами ковать оружие. А во-вторых, надо подумать, чтобы поискать оружие и в других местах.

— Где?

— У гаджаров?

— Гаджары вам оружия не дадут.

— И Хива тоже не даст.

— Бухара даст, — уверенно заявил Пенди-бай.

Ораз-яглы покачал головой:

— Бухара-то даст, только нам взять нельзя будет.

— Почему же? Какая разница — у Бухары брать

или у аймаков, мы ж не даром будем просить, за деньги...

— Это само собой, что не даром...

— Так в чем же дело?

— Вот поедете вы в Бухару просить оружие...

— Ну, приехали...

— Приедете и попросите. И Бухара согласится. Только кого вы этим больше усилите, себя или своих врагов?

Сахат удивился:

— Как же врагов, мы ведь для себя просим?!

Ораз-яглы повернул к Сахату спокойное лицо:

— Просите-то вы для себя, но разве Хива сразу же не узнает об этом?

— Узнает, ну и что?

— А то, что если до этого она собиралась с пятьюстами всадниками напасть, то, как только узнает, что вы закупили оружие, хоть ишаков заседлает, но уже целую тысячу приведет! Вот и думайте, есть ли смысл вам в Бухаре брать оружие?

— Так что же делать?

— Аллах нам сам помогает. В этом году, слава богу, у нас урожай хороший родился. А вот в Ахале наоборот. Зато у них, я знаю, излишки оружия есть. Вот и надо с ними сговориться. Пошлите к ним гонцов. Просите помочь нам с оружием.

— Так они и помогли!

— Помогут! Ахальцы — народ отважный. Если узнают, для чего нам оружие, и даром дадут. Но мы даром просить не будем. Я же говорю, у них засуха в этом году. Вы и отвезите им зерно. Грузите и пшеницу, и джугару. Два дела сделаете сразу: и братьям своим поможете, и оружие раздобудете. — Ораз-яглы повернулся к Каушуту. — Только делайте это, хан, сейчас, скорее, не ждите, пока Мядемин придет.

Каушут кивнул головой:

— Да, ты прав, хан-ага, так и надо сделать... Ну, что еще ты нам хотел сказать? Если все уже, так мы пойдем, дома ждут.

— Нет, не все. Есть еще один разговор.

— О чем же?

— О грабежах. Вчера возле Горгора ограбили караван, шедший в Бухару. И это уже не первый раз. Хозяин здесь был, такие слова говорил, что даже страшно

было слушать. Клялся, что даром это не оставит, вернется сюда и отомстит. Я знаю, это кто-то из наших сделал, больше некому. Надо меры, Каушут-хан, принимать, пусть люди спокойно ходят своей дорогой. У нас и так врагов много, а новых наживать совсем ни к чему. Вот и подумайте об этом, вы за покой наших людей отвечаете, а так долго его у нас не будет.

Эта весть буквально взбесила Каушута. Он прекрасно понимал, что грех двух-трех негодяев ляжет пятном на весь народ, и прежде всего на него, главного хана. Он решил в первую же очередь найти этих людей и так наказать их, чтобы уже другим неповадно было.

На следующий день гонцы повсюду сообщили, чтобы все мужчины собрались у старой крепости. И было сказано: кто не придет, тому не поздоровится.

Когда Непес-мулла узнал, что люди из Ирана вернулись ни с чем, он очень расстроился. Закончил поскорее урок, отпустил ребятишек, потом вышел из кибитки и сел, прислонясь снаружи к ее камышовой стенке. Он думал о своем народе, о его защитниках. Бывает, и взрослые люди начинают в несчастье мечтать, как дети. Непес закрыл глаза и представил себе: вот в Серахс приходит какой-нибудь великий вождь со своим стотысячным войском. Подходит он к мулле, здоровается с ним и говорит: «С сегодняшнего дня мы будем защищать туркменскую землю. Во всем свете никто больше не посмеет тронуть вас. Живите спокойно».

Мулла погладил свою уже начавшую сесть бороду, тяжело вздохнул и открыл глаза. Все это были только мечты. Он знал, что никто не придет и не защитит их. Но человеку хочется хоть на минуту успокоить свое сердце даже и несбыточной надеждой. Непес-мулла вздохнул еще раз, поднялся на ноги и вошел в кибитку. Там он взял завернутый в плотную ткань дутар, вышел вместе с ним и отправился в сторону старой крепости.

Когда Непес-мулла вошел в кибитку Каушута, там сидели сам хозяин, Тач-гок сердар, Келхан Кепеле и еще несколько стариков. Мулла прислонил свой дутар к чувалу в углу кибитки и поздоровался с каждым за руку. Ему указали место рядом с Тач-гоком, и он сел.

Видно, и остальные пришли совсем недавно, главный разговор еще не начинали, только успели расспросить

друг друга о делах и здоровье. Теперь настало время для того, ради чего все и собрались.

Но тут вошел Ораз с вязанкой дров, и это еще на минуту оттянуло начало разговора. От нечего делать все смотрели на мальчика. А он быстро сложил дрова слева от очага, потом взял несколько сучьев и подбросил их в огонь. Пламя сначала слегка пригасло, но ветер, проникший из-за неплотно задернутого полога, тут же с новой силой раздул его, и яркие блики огня заиграли на лицах людей и стенах полутемной кибитки.

— Убери чайник с огня,— сказал кто-то Оразу.— Уже кипит.

Ораз отодвинул тунче в сторону, потом посмотрел на взрослых, ожидая, не будет ли каких еще приказаний, но, поскольку никто больше ничего не говорил, тихонько вышел из кибитки.

— Ну что, вернулись благополучно?— первым спросил Непес-мулла у Каушута.

— Как видишь, сами-то вернулись. . .

По голосу Каушута чувствовалось, что ему неприятно говорить об этом.

Дангатар в это время тяжело вздохнул,—видимо, поход к гаджарам напомнил ему собственные его мучения в иранской земле.

— Ну и слава аллаху! Это самое главное, что сами пришли.

Дангатар часто закивал головой, соглашаясь с Непес-муллой.

Каушут кашлянул, давая понять, что хочет говорить. Все приготовились слушать хана. Люди ожидали, что он расскажет, как сходили и почему не взяли скот. Но хан начал совсем с другого.

— Мулла, мы как раз собирались посылать за тобой.

Непес удивленно поглядел на Каушута. Он не представлял, зачем мог так понадобиться хану. Но потом сообразил: наверное, в честь возвращения поиграть на дутаре, прочесть стихи. . . Непес улыбнулся:

— Мулла угадал ваше желание. И сам пришел, и дутар с собой принес.

Каушут пригладил бороду.

— Что дутар принес, это хорошо, поиграешь нам потом, вот и яшули душу отведут. . . Но я хотел позвать тебя и еще для другого.

Мулла опять вопросительно поглядел на хана.

— Нас ждет большая опасность, мулла...

— Если ты о Мядемине, то я уже знаю, слышал вчера.

— А если знаешь, то есть к тебе большая просьба.

— Хан, я готов выполнить любую просьбу, если только буду знать, что это на пользу людям. Я и за головой своей не постою.

Хан замахал руками:

— Эншалла! Черной голове ничего не грозит! С врагами мы и без тебя сладим. Но для черной головы есть другое дело.

— Говори, хан, я слушаю.

— Тебе, мулла, надо будет съездить в Ахал.

— За каким же делом?

— За каким?... Чтобы взять оружие. Сам знаешь, у нас ничего нет. У ахальской родни в этом году плохо с зерном. Ты возьмешь пару караванов и отвезешь им хлеб. Обменяешь на оружие.

— Если дело только за мной, во славу аллаха, хан! Я готов ехать хоть сейчас.

— Нет, погоди, еще не сейчас. Сперва мы должны собрать зерно. Вот когда караван будет готов, тогда и поедешь. Пенди-бай обещал дать десять верблюдов.

Дангатар перебил его:

— Пять арвана¹ он обещал еще и зерном погрузить.

— От меня можете два мешка добавить, — сказал Келхан Кепеле, до этого молча лежавший в сторонке.

— Хорошо, хорошо, считать будем после.

Полог откинулся, и в кибитку снова вошел Ораз. Следом за ним Курбан внес миску с едой. Разговор снова на время прервался. Все принялись молча есть.

После товира мулла сказал:

— Хан, я слышал, ты завтра всех мужчин собираешь. К добру ли?

На этот раз за хана ответил Тач-гок:

— К добру! Мы уж забыли, когда к добру люди собирались! Тут просто объявилось в Серахсе несколько смельчаков, которым силы некуда девать. И вот нашли забаву: стали караваны грабить, которые мимо идут. На

¹ Арва и а — грузовой верблюд.

мирных людей нападают, врагов нам новых наживают. Вот хан и хочет их найти.

— Трудно будет,— сказал один из стариков.

— Неважно. Главное,— пусть знают, что их ищут и что награды никакой за их дела им не будет. А то могут подумать, что так и надо, что, дескать, хан на все это сквозь пальцы смотрит. А как купцы соберутся да придут с оружием, небось сразу по кустам разбегутся.

— Ай, такие люди все равно не признаются!

И тут вдруг, нарушив все приличия, в разговор влез Ораз:

— Это вы про тех, кто караван грабил? Я их знаю, я видел, их было пять человек! Но я только одного в лицо увидел, другие далеко проехали.

— Ну-ка, ну-ка, сынок, как ты видел, расскажи.

— Я как раз один шел, а тут караван увидел, хотел подойти посмотреть, и они напали. Я испугался и спрятался. Они меня не видели. А один близко проскакал, и я узнал его.

— Ну, и кто он, как его зовут?

— Не знаю.

— Из какого аула?

— Тоже не знаю.

— Как же ты узнал его?

— На свадьбе Пенди-бая видел.

— Да у Пенди-бая тогда народу больше чем муравьев в куче было!

— Тихо, тихо! — заговорил Каушут.— А скажи, Ораз, если ты его еще раз увидишь, узнаешь?

— Конечно! Я его хорошо помню, Каушут-ага.

— Ну ладно, об этом мы завтра поговорим, я кое-что придумал.— Каушут сделал небольшую паузу.— А теперь, мулла, можешь и дутар взять. Говорят, печаль и радость рука об руку ходят. Хоть ты повесели нас!

Все с готовностью поддержали Каушута.

Мулла достал свой дутар, подтянул струны, потом подался немного вперед и заиграл. Но, вопреки ожиданиям, мелодия его была не радостная, а печальная. Такую подсказывало поэту его сердце.

К полудню у крепости собрался народ. Толпа была возбуждена.

Одни говорили: «Сегодня ночью нападаем на гаджа-

ров». Другие сообщали, что Мядемин собрался напасть со стотысячным войском и уже стоит у Карабуруна. Поскольку слухи были такими противоречивыми, им почти никто не верил. Но многие были недовольны тем, что хан так часто собирает людей и все время затевает что-то новое, не понимая, что хан не сам придумывает людям несчастья, а лишь хочет предупредить их, пока они не разрослись и не превратились в настоящую беду.

— Очень круто хан за нас взялся! Если каждый день мужчин на коней сажать, через два месяца в аулах ни одного не останется.

— Что он тогда будет делать, когда враг нападет?

— А! Женщин возьмет воевать.

— А его жена будет мингбаши!¹

— Ха-ха-ха!

— Да, Ярмамед, это ты хорошо сказал насчет того, чтобы с женщинами воевать.

— А как же иначе? Если начнешь уничтожать мужчин, они, само собой, переведутся! У них же души не в бутылках спрятаны!

— Представляешь, жена Каушута — с саблей в руках — и за Мядемином!

— Ха-ха-ха!

— А конец платка сзади — как лошадиный хвост!

С приближением яшули смех и разговоры стали утихать. Люди становились так, чтобы получше видеть, что будет впереди.

На возвышение взошли Каушут, Ораз-яглы, Сейит-мухамед-ишан, Пёнди-бай, Непес-мулла, Тач-гок сердар. Каушут тут же вышел вперед и крикнул:

— Люди! Вы побросали семьи, дома. Все волнуются, ждут, наверное, беды. Я хочу сказать вам сразу: успокойтесь. Плохих новостей у меня нет. Враг еще не нападает на нас.

— А чего тогда зря тащить сюда?

— Для того и собрал, что не нападает?

— Тебе делать больше нечего? Нравится, что крикнешь — и люди сразу бегут!

— Го-го-го!

— Тише, люди! Тише! Собрали вас для того, чтобы узнать, сколько в каждом ауле есть оружия. А потом с просьбой хотели к вам обратиться...

¹ Мингбаши — командир тысячного войска.

— Что за просьбы?
— И так нищих полно кругом.
— Проси, хан, проси! Поделимся, чем богаты!
— Тише!
— Да слушайте, когда хан говорит!
— Люди, тише! Мы у вас не верблюдов хотим просить. Вы знаете, на нас все время нападают. А у нас нет оружия, чтобы защищаться от врагов. И поэтому мы хотим отправить людей к ахальской родне попросить оружия.

— Ну, а мы-то при чем?
— Сам хочешь, сам и проси!
— Люди, дело вот в чем. Мы и сами живем не сказать чтобы сладко. Но в этом году аллах пожалел нас, и урожай был хороший. У ахальцев плохо с зерном. Конечно, они и так оружие дадут, но я думаю, что надо и им помочь. Поэтому мы хотели спросить вас, согласны отдать лишнее зерно, чтобы отвезти в Ахал?

— А если не дадим?
— Силой возьмешь?
— Нет, люди, если не дадите, силой отнимать никто не будет.
— Но ведь как давать, одни мало дадут, другие много?

— Пусть дают, кто сколько не пожалеет. Ругать никого не будем. Наши люди сегодня пойдут по аулам, сыпьте все им.

— Ну, конец теперь?
— Все сказал?
— Нет, еще не все.
— Тогда говори, с самого утра на ногах, когда домой вернемся?

— Сказать я вот что еще хочу. Завелись тут у нас слишком храбрые молодцы, и не сидится им на месте.

— Ну и что же?
— Слава богу! Ты, хан, гордиться такими должен!
— Да нет, гордиться тут нечем. Потому что храбрость свою они на то пускают, чтобы грабить проходящие мимо караваны. А те потом в отместку советер наших и жен поперек седла увозят. И мы все из-за этих разбойников должны страдать.

— Что же ты делать хочешь?
— Конечно, надо их наказаты!

— А нам-то что! Кто может, пусть и грабит! Как будто нас не грабили!

— Глаза им выколоты!

— Нет, глаза им выкалывать не будем. Я хочу только, чтобы эти люди вышли сами и признались. И даю ханское слово, вина им будет прощена.

— Прощать таких?

— Нет, все равно не прощать, наказывать надо!

— Я сказал, пусть сознаются — и будут прощены. Само собой, до первого нового грабежа. Выходите!

Но из толпы никто не выходил. Хан прождал минуту и подозвал к себе глашатая Джаллы. Он решил, что, может, не все слышали, и велел громко повторить его слова. Джаллы прокричал, но из толпы снова никто не вышел. Тогда был передан новый приказ хана: всем людям разделиться по своим аулам. Толпа задвигалась. Старики сошли с возвышения и подошли к своим. Скоро все сборище разбилось на отдельные группы.

Каушут тоже спустился вниз и подозвал к себе Ораз. Сначала никто не понял, зачем ему мальчик, думали, так просто, ханская прихоть, и с удивлением смотрели, как они вдвоем обходили аул за аулом. И только когда они остановились у одной из групп, стало ясно, зачем был позван Ораз. Мальчик увидел Кичи-кела и указал пальцем на него:

— Вот он, Каушут-ага. Еще у него была белая лошадь. А папаха эта же самая.

— А ну, джигит, выйди вперед, — сказал Каушут притворно ласковым голосом.

Кичи сделал несколько шагов и улыбнулся:

— Ну, если сам хан ханов просит, придется выйти!..

— Придется, богатырь. И штаны снять придется, если хан тебя попросит.

Тут голос Кичи сорвался неожиданно на грубый:

— Нет уж, штаны мои трогать не стоит!

Каушут повернулся к Оразу:

— Ты хорошо узнал его? Получше посмотри, чтоб не говорил потом, что ошибся.

— Я не ошибся. Он был с ними. Я видел.

— А может, и не я? Может, кто-то другой? — угрожающе процедил ему Кичи-кел.

— Да ты чуть не задавил меня! Мимо проскакал, даже не заметил. А я в тех кустах прятался!

— На кого ты врешь, щенок!

Толпа зашумела:

— А чего ему врать?

— Ораз мальчик честный, не соврет, я его знаю!

— А вы тоже уши поразвесили! А ты, змееныш, по-падись только мне!

— Ну, ну, парень, ты на мальчика не кричи! И на людей тоже. Кто свой народ не почитает, тот и отца родного — не подумает — продаст!

— Хан-ага, я и людей уважаю, и отца своего тоже. Не надо такими словами зря бросаться.

— А я тебе говорю, что не уважаешь. И от имени всего народа говорю. Если бы ты его уважал, то не стал бы грабить чужой караван, чтобы потом другие за тебя расплачивались. А уж сделал, так будь мужчиной, вышел бы сейчас, когда тебя просили, и признался. Выходит, ты еще и трус.

При последних словах хана Кичи-кел опустил голову.

В толпе опять раздались голоса:

— Признавайся!

— И дружков своих назови!

— В землю таких живьем закапывать!

— Слышишь, что люди говорят? Или тебе на всех наплевать? Говори, кто твои товарищи?

— Не было у меня и нет никаких товарищей.

— Ты что, разве не человек? Если ты скажешь, что не человек, я поверю, что у тебя нет товарищей.

— Я человек, хан, но товарищей у меня нет.

— Значит, ты один ограбил караван?

— Да, один.

— Врешь!

— Почему же вру?

— Потому что человек, который даже боится в своем поступке признаться, один напасть на караван тем более не сможет. Кто еще с тобой был?

— Я же сказал, я был один.

— Ты на меня так не смотри, парень, ты не мне врешь, а всему своему народу.

Но Кичи уперся и не хотел больше ничего говорить. Тогда его повели на середину. Вслед ему из толпы летела оскорбительная ругань. Люди, обиженные со всех сторон, рады были хоть на ком-то выместить свое зло.

— Хан-ага, если ты не разденешь его перед всеми, значит, всех нас оскорбишь!

— Нет, живьем таких в землю!

— И пусть друзей своих назовет!

Наконец Каушут и его окружение подошли к минбару и перед ним остановились.

— Ну, последний раз говорю тебе, парень, назови, кто был с тобой. Так и тебе и нам лучше будет.

— Я сказал уже, не было никого со мной.

Тут Каушут вышел наконец из себя. Голова его вскинулась от гнева.

— Снимай дон!

Кичи понял, что теперь шутки с ханом плохи. И поэтому не заставил повторять приказ дважды.

— И рубаху снимай!

Кичи замешкался на минуту, но, взглянув хану в лицо, быстро снял и рубаху.

— А теперь все остальное!

Но этого уже Кичи сам сделать не мог. Хан не стал говорить ему еще раз. Не спуская глаз с провинившегося, он коротко приказал:

— Снимите с него штаны!

Трое здоровых джигитов вышли тут же вперед, двое из них схватили Кичи-кела, а третий уцепился за его штаны.

Но тут неожиданно запротестовал Сейитмухамед-ишан:

— Хай, парни, погодите!

Те, кто набросился на Кичи-кела, остановились.

Сейитмухамед подошел к Каушуту.

— Хан, но это большой грех — оголять мужчину.

Каушут легонько усмехнулся, и тут же его лицо приняло прежний суровый вид.

— Да, грех, ишан-ага. Но из-за таких шакалов нашим женщинам приходится оголяться перед чужими мужчинами. Простите, но на этот раз я не могу вас послушать.

Сейитмухамед не нашелся что ответить. Толпа поддерживала хана:

— Правильно, хан-ага!

— Ишан-ага, зачем вы такую змею защищаете!

— За такого и заступаться грех!

— Пусть ишан глаза закроет, если ему стыдно!

Каушут сделал знак джигитам, и штаны Кичи-кела

мигом спустились до колен. Сам Кичи пригнулся от стыда вперед и прикрылся руками.

Хан повернулся к толпе:

— Пусть все знают, такой позор ждет каждого, кто будет поступать во зло своему народу!

— Правильно говоришь, хан-ага!

— Только так и надо!

Тут в руке хана показалась плеть. Многие этого не ожидали, думали, дело кончится только публичным позором. И поэтому, когда плеть резко просвистела в воздухе и с громким шлепком обрушилась на Кичи-кела, толпа невольно ахнула.

А Кичи-кел взвыл от боли и закрутился на месте.

— Это тебе от Каушут-хана, сынок.

Были и такие, кому наказание показалось слишком легким. Они кричали:

— Добавь ему и от нас, хан-ага!

— И за каждого товарища по разу!

— Бей так, чтобы забыл, как на коня садиться!

Но вот Каушут сделал знак, чтобы Кичи одели, повернулся и отошел к старикам. Сзади долетало:

— Правильно, хан!

— Нечего их жалеть, пусть теперь знают!

— Посмотрим, кто еще захочет караваны грабить!

Ночью Мялик рыдал, зарывшись с головой в одеяло. Из головы его не выходило происшествие возле старой крепости. Он тоже грабил караван, но мужество Кичи спасло его от плети Каушута и, главное, от поворота быть раздетым на глазах толпы. Теперь он был обязан отомстить за товарища. Так решили все, кто участвовал в грабеже. А месть заключалась в том, что Мялик должен был убить Ораза. Боясь, что его назовут трусом, Мялик согласился выполнить это. Но теперь переживания прошедшего дня и то, что ему предстояло сделать, терзали его слабую душу и вызывали постыдные слезы.

Семья Дангатара давно уже спала сладким сном. Никто и не подозревал, что в этот час к дому крадется беда. Крадется в облике человека, сновавшего, словно аист по двору.

Каждый, наверное, видел сейчас свой сон. Каркаре, возможно, снилась давно умершая мать, а может, тот последний разговор с Курбаном, за сараем, во время

которого он пообещал ей поговорить с Келханом Кепеле, упросить его сделать так, чтобы Дангатар не давал согласия свату в белой папахе.

Дангатару, наверное, снилось, что из бедной хибары он попал в роскошный дворец или, может, просто в белую, только что поставленную кибитку, о которой он мечтал всю жизнь.

А Ораз выпустил своих коров в поле и просто лежал на траве, радуясь короткому отдыху, солнцу и теплему воздуху.

Но Мялику ни до чего этого не было дела. Он знал только одно: что должен убить Ораза, мальчика, который стал случайным свидетелем их преступления. Жалости к нему у Мялика не было, он был готов убить его так же просто, как воробья на ветке. Единственно из-за чего дрожали его колени и, вырываясь из груди, стучало сердце, так это из-за страха, что кто-нибудь увидит и узнает его.

На цыпочках Мялик подкрался к входу в дом, потянулся к кожаной ручке двери, но, как только дотронулся до нее, тут же отдернул руку, как будто это была кожа ядовитой змеи. Ему послышался какой-то шорох. Мялик осторожно огляделся по сторонам. Вокруг не было ни одной живой души, за исключением разве что старого ишака, который лежал на земле и, наострив уши, внимательно глядел на Мялика. Мялик собрался с духом и надавил на дверь. Она бесшумно подалась. Тогда Мялик просунул одну ногу за порог, нога наткнулась на ичиги Дангатара и повалила их. Слабый шум, возникший при этом, показался Мялику громом небесным. Он, не помня себя, выскочил на улицу. Ишак, обеспокоенный странным поведением человека, икнул и поднялся на ноги. Мялик зло посмотрел на него.

Кругом снова было тихо. Мялик опять набрался смелости и пошел к двери. Теперь он осторожно отодвинул ногой ичиги в сторону и пролез в кибитку. Там он вынул свой нож из чехла, крепко сжал его в кулаке и прикусил нижнюю губу.

В это время на кибитку налетел порыв ночного ветра. Он зашумел в камышовый обшивке, как бы предупреждая обитателей: «Дангатар, Курбан, не спите, над вами — беда!» Но спавшие не слышали этого шума. Как ни старался он пробудить их, крепкий сон оказался сильнее.

Вдруг в темноте послышалось бормотанье:

— Куда пошла, назад, чтоб рога твои обломались!

Это бредил во сне Ораз. Он и тут пас своих коров. Мальчик пробормотал еще что-то невнятное, перевернулся на другой бок и опять крепко заснул.

В первую секунду ноги у Мялика буквально подломились. Он хотел побежать, но не смог. И уже через мгновение понял, в чем дело, и даже обрадовался, что теперь ему не надо искать свою жертву. Она как будто сама звала к себе убийцу.

Мялик собрал все свое мужество и двинулся в направлении шевельнувшейся под одеялом фигуры. Хотя до Ораза и было всего несколько шагов, но Мялику показалось, что он проделал путь невероятной длины. Если бы кто-нибудь увидел его сейчас, то мог сказать то же самое: дыхание его было тяжелым и пот градом капал с лица.

Ораз спокойно дышал во сне. Чистая его душа была похожа на ласточку в небе, которая играет, поет, не подозревая, что кровожадный коршун уже завис над ней. Мгновение — хищник сложил крылья и ринулся вниз. Нож Мялика вонзился в самое сердце Ораза. Мялик тут же выдернул его и бросился к двери.

Ораз не издал ни звука. Только Мялик споткнулся впопыхах о порог и вызвал этим шум в кибитке. Дангатар проснулся. Он тут же поглядел на дверь и увидел, что она раскрыта. Это сразу обеспокоило Дангатара, и он крикнул:

— Каркара! Каркараджан!

Каркара проснулась.

— Что, папа?

— Ты здесь? Слава богу! Ну-ка зажги лампу!

— Зачем, папа, еще же рано!

— Я тебе говорю, зажги!

Первой мыслью Дангатара было, что кто-то опять собрался выкрасть Каркару.

Каркара встала и зажгла лампу. Теперь и Курбан проснулся. Только один Ораз лежал неподвижно. Дангатару и в голову ничего не могло прийти насчет Ораза. Он думал, что мальчик, уставший за день, крепко спит. Дангатар вышел из кибитки, обошел вокруг, но ничего подозрительного не увидел. Когда он вернулся назад, Каркара и Курбан стояли перед Оразом как каменные. Они уже увидели при свете лампы кровь, но им все еще

казалось, что глаза обманывают их. Дангатар бросился вперед. Не веря тоже своему единственному глазу, он склонился над мальчиком, и лишь когда рука его ощутила теплую кровь, ему все стало ясно.

Каркара упала на тело Ораза и закричала душераздирающим голосом:

— Брат! Мой брат! Ораз! Убили Ораза!

Вопли ее разбудили соседей, и они начали собираться в кибитку Дангатара.

На рассвете прибежал Келхан Кепеле. Он единственный сообразил сразу, что надо делать, отыскал в стороне от двери, там, где еще не успели затоптать, отчетливый след убийцы и накрыл его казаном. Потом он постоял немного, пробормотал: «Ах, бедняга!» — и вошел в кибитку.

Весь аул уже был на ногах. К небу поднимался жалобный вой, возвещавший жителей о том, что новый день начался со смерти человека.

Каркара обезумела от горя. Бостантач отвела ее к себе и хотела уложить, но девушка все время вскакивала, кричала, порывалась бежать к брату. Женщины, как могли, успокаивали ее.

Но когда пришла весть, что Ораза скоро понесут на кладбище, Каркару уже невозможно было удержать.

— Вай! Я хочу взглянуть на него! Не уносите! Дайте взглянуть!

Бостантач вытерла концом платка слезы, надвинула пуренджек пониже на лоб и сказала:

— Надо сводить ее к брату. Пусть хоть простится.

Женщины взяли Каркару под руки и повели к ее дому.

Возле кибитки с утра сновали люди. Одни рыли очаг, другие делали похоронные носилки, третьи стояли без всякого дела. Дангатар сидел в стороне, замкнутый и безучастный ко всему. К нему никто не подходил. Знали, что утешать бесполезно, что мужчине лучше оставить в такой горе, он сам, без посторонней помощи, должен перенести его. Дангатар не плакал, не причитал, сидел молча, с опущенной головой и только время от времени подергивал шнурки от ичиг...

Когда Каркару ввели в кибитку, Ораз уже лежал в саване, готовый к своему последнему путешествию. Мальчик был и без того рослым не по годам, а теперь,

В этой печальной одежде, казался совсем большим. Один из стариков осторожно открыл для Каркары лицо брата. Когда она взглянула на него, ей показалось, что Ораз спит. Во всяком случае, лицо его ничем не отличалось от того, какое было у него во время сна.

Каркаре еще никогда не доводилось видеть покойников. Умершую мать ей не показали, тогда она была еще ребенком. Но ей представлялось, что лица у тех, кто умирает, должны быть желтые, с запавшими глазами, какой была мать перед смертью. Лицо же Ораза казалось совсем живым.

— Ваи! Он же не умер, он только спит! Зачем вы хороните его?!

Каркара заплакала и упала на брата, словно надеясь своими слезами разбудить его. Женщины подняли девушку, попытались успокоить ее, но Каркара их не слушала.

— Дайте! Дайте еще раз взглянуть!.. Ораз, проснись!.. Ораз, братик мой!

Яшули сделал знак, чтобы ее увели. Женщины почти насильно оттащили Каркару от покойника.

С кладбища люди вернулись вместе со следопытом Сары. Он уже был довольно стар, но в свое время разгадывал след не хуже самых известных в округе следопытов. Один из учеников Сары рассказывал про него такой случай:

«Однажды мы сидели и пили чай на холме, возле колодца Баллы. Вдруг Сары-ага повернулся и начал пристально смотреть в одну точку на горизонте. «Ребята, кто-то едет оттуда на верблюде». — «Откуда?» — «Вот оттуда». Мы тоже посмотрели, но не увидели ничего и стали смеяться над стариком: «Это тебе кажется, Сары-ага. У тебя у самого уже в глазах верблюды ходят». Он ничего нам не ответил. А когда мы закончили пить чай, с той стороны, куда показывал Сары, на самом деле подъехал человек на верблюде. Это был чолук¹, он приехал с бурдюком набрать воды».

Сары снял опрокинутый казан и внимательно поглядел на след. Потом, опираясь на свой посох, медленно пошел вперед во главе процессии.

¹ Чолук — подпасок.

За ним шло человек двадцать. Все были до крайности возбуждены и желали немедленной расправы над убийцей. Даже люди из соседних аулов не оставались равнодушными и говорили: «Если только он найдется, порежем его на куски». Все подгоняли Сары и предлагали свою помощь.

— Постарайся, отец!

— Пусть аллах тебе поможет!

— Сто лет здоровья, если отыщешь его!

— Отец, если устанешь, скажи, мы тебя на руках понесем!

Сары, казалось, ничего не слышал и только был занят своими следами. Неожиданно он сказал:

— А убийца, должно быть, совсем не старый был. И всю дорогу бежал.

— Какой бы ни был, все равно найди его, пусть это даже сам Арап Рейхан¹.

Когда процессия вышла из аула, один человек как бы невзначай приблизился к следопыту и быстро проговорил:

— На ночь помолись получше, Сары-ага. А то можешь, случаем, и не дожить до завтра.

Сары как будто ничего и не услышал, даже не посмотрел на того, кто говорил, но через несколько шагов вдруг неожиданно изменил направление. А человеком, бросившим ему угрозу, был Кичи-кел.

Сары привел людей к берегу реки и там остановился.

— Убийца в воду вошел. А в воде и мои глаза ничего не видят.

Шедшие за ним молча переглянулись. Один из них обратился к следопыту:

— Яшули, разве в такой холод может человек в воду войти? Смотри, по ней же лед еще плавает!

Но Сары погладил свою бороду, поднял глаза вверх и глубокомысленно ответил:

— Человек, у которого рука на такое дело поднялась, может и зимой в воду войти. У него кровь не стынет.

Никто не нашелся что сказать на это, с понурыми лицами люди возвращались в селение...

¹ Арап Рейхан — один из главных противников богатыря Кероглы.

После того как отметили семь дней со смерти Ораза, Дангатар стал сам не свой. На следующий день он даже не дочитал до конца утренний намаз, на полуслове схватился обеими руками за голову и замолчал. Свет, идущий от красных углей, падал на его единственный глаз, и глаз от этого казался налитым кровью. Треск сырых поленьев отдавался в голове старика так, словно стреляли из ружей.

Каркара делала в это время что-то по хозяйству, она заметила, что отец не закончил намаза, и это испугало ее. В обычной обстановке это считалось большим кошунством.

— Папа, что случилось? Почему ты перестал читать?

Дангатар ничего не ответил, только пристально посмотрел на дочь. Когда Каркара встретилась с этим взглядом, по телу ее поползли мурашки. Единственный глаз отца выражал и злобу, и сожаление, и недовольство.

— Папа, что с тобой? У тебя голова болит?

Дангатар ответил не сразу.

— Доченька, убери намазлык¹ совсем. Я теперь никогда не должен читать намаза.

От этих слов Каркаре сделалось еще страшнее, но она постаралась не подавать виду, а как-нибудь успокоить отца, который явно был не в себе.

— Если тебе плохо, папа, можешь выпить чаю и прочитать только конец молитвы, у больного человека аллах все равно примет ее.

Дангатар ударил рукой по полу:

— Я тебе сказал, убери,— значит, убери! Тоже мне ишан! Ты разве не знаешь, что женщина, сколько ее ни учи, все равно не может стать казы?² Отца еще учить будет! Не смей и сама читать! Запрещаю!

Каркара впервые в жизни слышала, чтобы отец так грубо разговаривал с ней. Прежде никогда, даже если она случайно била посуду или совершала еще какую оплошность, Дангатар не повышал на нее голоса. Поэтому теперь к горлу ее подступил горький комок, она молча подняла намазлык, свернула его в трубочку и спрятала туда, где он должен лежать. Но неожиданно

¹ Намазлык — коврик, на котором мусульмане совершают пятничные ритуальные молитвы.

² Казы — судья.

за спиной ее раздался ласковый, совсем не вязавшийся с последними словами голос Дангатара:

— Каркараджан, доченька, а ну пойдی ко мне. Сядь сюда.

Каркара сразу же выполнила его просьбу.

— Надо и нам сходить, доченька. . .

— Куда, папа?

Но Дангатар теперь задумался о чем-то и не отвечал на ее вопрос.

— Каркараджан, ты знаешь, что ты теперь у меня только одна? Вот, посмотри,— он показал рукой на одеяло.— Тут был Ораз. А теперь его нет. Ты теперь мне одна и сын и дочь. Ты это знай. А то у меня совсем никого не осталось.

Каркара еле сдерживала слезы.

— Папа, ты куда-то звал только что?

— А? — он не понимал дочь.

Вдруг Дангатар взял кочергу, сунул ее в самую середину огня и стал с улыбкой смотреть, как она горит. Каркара подскочила к нему.

— Ты хотел куда-то идти, папа. Куда?

Старик вздрогнул и посмотрел на дочь:

— Куда? Разве ты не знаешь куда?

— Нет, папа, не знаю.

— Мы пойдем к Оразджану. Ведь он там, бедный, один лежит. Ему скучно одному. Посмотри, вот в нашей кибитке туйнук есть. А у него нет. Ему там и дышать нечем. И света нет.

Каркара больше не могла сдерживать себя. Она отошла в угол, села, положила голову на колени и заплакала.

Дангатар с улыбкой посмотрел на нее. Тем временем кочерга, забытая в очаге, наполовину обгорела и свалилась на пол. Дангатар взял ее, но палка была горячая, и он тут же бросил ее и засунул обожженные пальцы в рот.

— А кочерга-то сгорела!

Потом он снова повернулся к Каркаре и заговорил с ней так, как будто это был Ораз:

— Не плачь, сынок, не плачь. Вот я тебе красивую невестку приведу. Ты будешь спать утром, а она хлеб печь, и воду греть для меня, и все сама будет делать. И нам будет с тобой хорошо. . .

Каркара не могла больше слушать бред сумасшед-

шего отца. У нее было такое чувство, точно все несчастья случились именно сегодня: и мать умерла, и брата похоронили...

Проснулся Курбан. Подошел к очагу и сел. Дангатар заговорил с ним:

— Знаешь, племянник, а мне Ораз снился. Ай, это и не сон был. Только я не помню, он ко мне приходил или я к нему. И мы всю ночь разговаривали. Я говорю: «Ты что делаешь?» А он: «Коров пасу. Замучили меня, чтоб рога у них обломались!» Они же глупые, коровы. Что с ними сделаешь! Идут себе куда хотят — и на наши поля, и на поля гаджаров. Для них же все равно — что гаджары, что другие. Они, когда голодные, что хочешь погрызут! А эти негодяи гаджары, ты сам знаешь, за кисть винограда готовы глаза тебе выколоты! У них ни капли нет жалости.

Курбан молча слушал Дангатара, не перебивая его, он понимал, что со стариком случилось что-то неладное, но чем помочь ему, не знал.

Вернулась Каркара с кувшином. Она поставила кувшин в угол, взяла казан вместе с треножником и поднесла его к огню.

Дангатар тем временем придумал что-то новое.

— Доченька, ты мне дай что-нибудь отнести, чтобы поблагодарить.

— Кого ты собираешься благодарить, папа?

— Пойду к Сейитмухамед-ишану, попрошу судьбу мою погадать, а то что-то на сердце у меня беспокойно... Надо будет дать ему за гаданье.

Каркара подумала, что ишан, может, вылечит ее отца, и поэтому быстро с ним согласилась:

— Сходи, сходи к нему, папа.

Она вынула из красного чувала кусок белой ткани, ~~завернула~~ в него что-то и передала отцу. Дангатар за-сунул узелок под мышку, поднялся на ноги и медленно вышел из кибитки.

Дангатар вошел к ишану, поздоровался. Единственный человек, сидевший там, с удивлением посмотрел на пришедшего.

— Ой, оказывается, ты не ишан-ага? Ну все равно.

Полный, круглолицый человек поднялся на ноги. Это был гость Сейитмухамед-ишана, приехавший из Теджена.

— Если ты старше — то эссаламалейкум! Если младше — валейкум эссалам!

Гость протянул руку Дангатару.

— Я, сынок, и не знаю, старше я тебя или младше...

Гость засмеялся:

— Так ты скажи, ровесник, сколько тебе, вот мы и узнаем...

— Я не знаю... И тебе до этого дела никакого нет.

— Считай тогда, я ничего не говорил.

Гость подумал про себя: «Видать, у этого бедняги не все дома».

— А ишана-ага нет?

Гость решил, что, раз человек пришел к ишану, надо быть с ним на всякий случай повежливее, и поспешно предложил Дангатару:

— Вы проходите, проходите, ишан-ага скоро вернется.

— Тогда я лучше в другой раз зайду.

— Ну, как хотите... Так мы вашего возраста и не узнали. А я подумал, мы ведь и сосчитать можем, вы скажите, какой год у вас?

— Год?

— Ну да, год.

— Наверное, зайца.

— А какого зайца?

— Белого, наверное.

— Такого года не бывает, ровесник.

— Ну тогда, значит, черного.

— И такого тоже года нет.

— Нет? Значит, заяц в два муче¹.

Тут гость не выдержал и рассмеялся:

— Значит, тебе всего двадцать пять, да?

Дангатара обидел его-смех.

— И это не твое дело, ровесник!

Дангатар постоял секунду, потом круто повернулся и вышел из кибитки.

А гость поднес руку к бороде и проговорил:

— Эй, тоба, тоба², ничему не удивляемся! — После этого гость вернулся на свое место и принялся дожидаться Сейитмухамед-ишана.

¹ Муче — 12 лет.

² То ба — О боже!

Едва утихли звуки послеобеденной молитвы, вокруг крепости стало шумно и многолюдно. Люди шли со всех сторон. Сегодня был день скачек, это событие и собрало столько народу.

Хозяева с гордостью смотрели на своих коней, каждый старался найти в своей лошади то, чего не было в остальных. Вокруг толпились зрители — от самых старых до самых маленьких — и шумно спорили о предстоящих состязаниях.

Погода была нехолодной и безветренной, как раз такой, какая и требовалась для скачек. И тем не менее самые ревнивые хозяева покрывали кошмами своих лошадей, чтобы не дай бог не застудить их. Края кошм спускались до самой земли, и это придавало животным совсем необычный и даже чуть страшноватый вид.

Казалось, царящее вокруг возбуждение передавалось и ленивым ишакам, они усиленно двигали ушами, кричали, как будто тоже готовились состязаться.

С одной из сторон к крепости медленно подъезжал ветхий старик на таком же выдавшем виды ослике грязно-серого цвета. Сзади его догонял другой, на черном осле. Второй всадник был длиннее первого, и ему приходилось поджимать ноги, чтобы они не волочились по земле. Но вид у него все равно был бравый и веселый.

— Эй, Агаменгли-ага, — крикнул второй первому, — мог бы поменять свою скотинку. Уж больно стара!

Но Агаменгли даже не обернулся, словно эти слова относились не к нему. И, как бы стараясь показать, что ослик его еще вполне пригоден для езды, поддал ему пятками в бока, но ослик не обратил никакого внимания на пинки своего наездника.

— Ай, не мучай животное! — закричал снова старик на черном осле. — Ты его хоть до смерти избежь, он быстрее не пойдет, только рассыпаться может! — и с этими словами обогнал соперника.

— Гони, гони, джигит! Кто первый придет, тому овцу дадут! — ехидно подбодрил его хозяин белого осла.

А длинноногий старик все дальше и дальше удалялся от Агаменгли, высоко держа голову и гордо потряхивая космами длинношерстной папахи. Но и этого лихого наездника поджидало несчастье. Путь его пересекали лошади Ходжама Шукура. Одна из них, недовольная тем, что ее не пускают вскачь, проходя мимо ослика,

свирепо поглядела на него и вдруг бросилась в его сторону. Наездник успел натянуть поводья и удержать лошадь, но ослик с перепугу так подпрыгнул, что старик хоть сам и удержался в седле, но все-таки уронил на землю свою красивую папаху. Папаха была у него одна, он очень дорожил ею, надевал только по самым большим праздникам, и поэтому теперь страшно разозлился на не в меру резвую лошадь.

— Ну, чтоб тебе мытом заболеть! — злобно проворчал он на нее.

Ходжам Шукур, который шел чуть позади своих лошадей, любуясь ими со стороны, сперва рассмеялся на неловкость старика, но, заметив взгляд, которым тот провожал животное, испугался и поспешил его догнать.

— Нельзя плохим глазом на лошадь смотреть, если она на скачки идет, ровесник!

Старик отвел взгляд от лошади, посмотрел на Ходжама Шукура, потом слез с ослика, нагнулся и подобрал свою папаху.

— Да на что она мне нужна, хан-ага? Вон видишь, как напугала, шапка слетела.

— Ну, тут вины ее нет, ровесник. Она же не наехала на тебя, резвится просто, бежать скорей хочет. Ты же знаешь, лошадь, она и есть лошадь.

— Ладно уж, что там, хан-ага, — ответил уже успокоившийся старик, — пусть первой прыскачет, у меня зла на нее нет...

Только тут успокоился и Ходжам Шукур, оставил старика и поспешил к своим лошадям.

Путь, по которому должны были скакать кони, был с обеих сторон помечен особыми вешками. Он шел по кругу, и дальнюю точку определяли одинокие заросли тальника, обогнув которые всадники должны были поворачивать назад. Так как и в скачках, как и в жизни, находится много всяких хитрецов, желающих без особого труда загрести куш и готовых при общей горячке и неразберихе срезать незаметно круг, в тальнике сидел специальный человек, следивший, чтобы этого не произошло.

Глашатай Джаллы, вечный гость всех свадеб и прочих торжеств, и сейчас появился перед толпой. Он громко объявил:

— Выпускаются трехлетки. Кто уверен в своих скакунах, выходи!..

Четыре одинаковых, точно рожденных от одной матери, гнедых жеребца были выведены к месту старта. И шен, и туловища — все у них было одного склада, и шерсть всех четырех одинаково поблескивала на солнце. Только у одного на лбу было белое пятно, в остальном же самый дотошный глаз не смог бы отличить их друг от друга. И наездники их тоже повязали головы одинаковыми белыми платками.

Скакуны не могли спокойно стоять на месте, перебирали нетерпеливо ногами, точно земля жгла им копыта. Волновались и наездники, каждому казалось, что у жеребца противника и холка выше, и ноги тоньше и длиннее.

Толпа тоже с нетерпением ждала, когда дадут сигнал к началу. И лишь в сторонке сидели на лошадях человек пять молодых парней, всем видом своим стараясь выказать безразличие к происходящему. Эти всадники были еще недостаточно опытны, чтобы участвовать в призовых скачках, они должны были скакать сбоку от дистанции, сопровождать к финишу возвращавшихся соперников.

У финишной черты стояли все старейшины Серахса, за исключением Сейитмухамед-ишана, которому сан не позволял принимать участие в этом деле. Один из них был главным распорядителем скачек. Чуть в сторонке от остальных стоял Ходжам Шукур. Сейчас он занят был разговором с богом, молил аллаха, чтобы тот первым привел к финишу его жеребца.

Старик распорядитель уже готов был дать старт, как неожиданно от толпы болельщиков оторвался всадник и во весь опор поскакал к группе у финиша. Это был пожилой худощавый человек, полы тонкого его халата развевались по ветру и лицо было красным от негодования. Он осадил коня возле самого яшули и с ходу начал кричать что-то.

— Нет, не может такого быть! — отвечал яшули.

— Это ты говоришь, а я хорошо его знаю, ровесник, такие люди ни бога, ни людей не боятся, что угодно могут сделать, совести-то у них нет!..

Яшули не хотел испытывать терпение наездников и поэтому уговаривал прискакавшего не мешать началу, но тот не сдавался:

— Нет, пусть он подъедет сюда, ты своими глазами глянь ей в зубы, иначе поперек поскачу, все равно проходу не дам!

Яшули поняли, что спорить бесполезно и лучше в самом деле проверить лошадь перед началом скачек. Он снял папаху и махнул в сторону тех, кто был на старте:

— Эй, белолобый, сюда!

Наездник ослабил узду, и жеребец, принявший это как сигнал к забегу, бросился вперед. Остальные тоже было рванулись, но наездники их удержали. Рысаки громко заржали, явно выражая этим недовольство. Наездник, которого отозвал яшули, с трудом развернул своего жеребца и поскакал к старейшинам.

Как только он подъехал, яшули взял коня за морду и попытался открыть пасть. Но жеребцу это не понравилось, он тряхнул головой и вырвался из рук яшули.

— А ну, сам открой ему рот.

Наездник как бы нехотя занес ногу, но прискакавший старик опередил его, сам соскочил со своего коня, подбежал к жеребцу, крепко схватил его за челюсть и раскрыл рот.

Жеребец оказался пятилетним, старик был прав. Наездника тут же сняли с соревнования, и он поплелся в сторону с опущенной головой.

Кто-то закричал вслед:

— Поздравляем, джигит! Поделись наградой, ов!

Наездник разозлился, лицо его вспыхнуло.

Тем временем три лошади, оставшиеся на старте, получили сигнал и бросились вперед. Они подняли такой стук, как будто их было не три, а по крайней мере тридцать. Летящие из-под копыт комья глины словно праздничными пышками осыпали тех, кто стоял слишком близко.

Жеребец с пятном на лбу, увидев своих собратьев бегущими, заволновался, стал ржать, бить землю копытами. Ему тоже хотелось в забег. Хозяин злобно дернул поводьями, точно лошадь была виновата, что она оказалась старше, чем надо. Жеребец притих, но все равно не спускал глаз с подлетавшей уже к самому тальнику тройки.

Во втором заезде было выпущено шесть лошадей-пятилеток. С ними шла и лошадь Ходжама Шукура. Бывший хан потерял покой. Он закружил вокруг своего скакуна как заводной. То гладил ему гриву, то круп, то

ноги. А лошадь стояла, не обращая на него внимания, и только вытягивала голову в сторону вернувшихся и прохаживавшихся жеребцов первого заезда.

— Пятилеток выводил на старт! — прокричал на всю округу Джаллы.

Все еще не прекращавшийся горячий спор между теми, кто был доволен результатами предыдущего заезда, и теми, кто был недоволен, сразу же притих, и головы всех повернулись в сторону выходивших к началу круга новых наездников.

Пять лошадей уже стояли на месте, и только не хватало одной — ханской. Ходжам Шукур все еще обхаживал ее, уговаривал, чуть не умолял прийти к финишу первой, как будто она понимала что-то и от его уговоров мог зависеть результат.

По приказу яшули Джаллы прокричал Ходжаму Шукуру:

— Хан-ага, вас ждут!

Шукур отчего-то приуныл, словно предчувствовал недоброе, собственноручно подвязал лошади хвост, подвел ее к месту старта и только тут передал повод наезднику.

Потом ласково похлопал лошадь и подтолкнул ее вперед:

— Иди, родная, да будет удача с тобой!

На сей раз топот сорвавшихся с места лошадей оказался еще сильнее, чем в первом заезде. Со всех сторон раздавались голоса:

— Ия, аллах!

— Постарайся, красавица моя!

— Чув-ви!

— Давай, родная!

Особенно волновался Ходжам Шукур. Казалось, что он не стоит у финиша, а сам скачет на своей лошади. Хан размахивал руками; словно плетью рассекал воздух концом веревки и выкрикивал то и дело: «Ия, мой господин! О, Шахимердан!» Но никто не обращал на него внимания, все с не меньшим азартом, следили за бегом летящих по кругу лошадей.

Глашатай Джаллы что-то выкрикивал, но его голос тонул в общем шуме. Те, кто уже сделали свои ставки, орали невообразимыми голосами, каждый выкликал имя своей лошади, надеясь, что если даже она шла позади, все равно успеет к финишу обогнать других.

Среди лошадей второго заезда была и черная лошадь Пенди-бая, в общем-то принадлежавшая больше Мялику, который увлекался скачками гораздо сильнее, чем его отец. И сейчас он переживал куда заметней самого Пенди-бая. В Серахсе это была одна из самых лучших лошадей, и обскákat ее могла только лошадь Ходжама Шукура.

Сейчас они были главными претендентами на почетный приз. Большинство ставок приходилось именно на них.

Обычно, когда не было серьезных соперников, Мялик сам скакал на своей лошади, но в этот раз, когда она шла с лошадью Ходжама Шукура, он посадил в седло вместо себя своего приятеля Кичи-кела. Кичи-кел хоть и не был профессиональным джигитом, но в седле держался тоже неплохо, а главное, весил на целый пуд меньше Мялика. К тому же Кичи умел резким свистом подзадорить лошадь, а если рядом оказывался незадачливый наездник, мог и дернуть его незаметно за ногу и заставить сбиться с галопа. Мялику же только и надо было, чтобы его лошадь пришла первой.

И в этот раз он надеялся на своего друга. Лошади уже обогнули заросли тальника, Мялик во все глаза напряженно смотрел вперед. Он уже узнавал своего скакуна, узнавал Кичи, сидевшего в седле как приклеенный, но из-за того, что всадники неслись навстречу, не мог определить, чья лошадь идет впереди. Но чутье ему подсказывало, что первой идет его лошадь, — по крайней мере, он верил в это.

Рядом с Мяликом сидели на земле два паренька. Один из них толкнул в бок другого:

— Атабал, как думаешь, кто первый придет?

— Конечно, лошадь Ходжама! Кто у нас может обогнать ее? — и паренек почесал колено через дырку на штанах.

— Но ведь и у Пенди-бая черная лошадка тоже ничего, а, как ты думаешь?

Атабал, продолжая неистово чесаться, как будто у него была чесотка, ответил:

— Ха, да эта твоя черная лошадка рядом с лошадью Ходжама Шукура — осел!

Атабал был прав. Впереди всех шла лошадь Ходжама Шукура. И лишь немного отставая скакал Кичи на черной байской кобыле.

Но тут случилось то, чего не ожидал никто. Недалеко от финиша стояли два всадника, которые должны были для пушей торжественности сопровождать победителя сбоку на последнем отрезке пути. Как только лошадь хана поравнялась с ними, всадники пустили своих коней и закричали на полном скаку:

— Слава, хан-ага!

— Хан-ага, кидай шапку вверх!

— Слава победителю!

Две лошади сопровождающих скакали рядом, и вдруг одна из них метнулась неизвестно с чего в сторону другой, толкнула ее, и вторая, падая, полетела под ноги лошади Ходжама Шукура. Второй наездник как-то успел прыгнуть и оказался позади, но ханской лошади уже не было места свернуть, она хотела перепрыгнуть через свалившуюся лошадь, но та как раз приподнялась на колени, и ханская лошадь, отбросив далеко наездника, полетела кувырком. Шедшие сзади наездники тучей пронесли мимо лежащих на земле наездников и коней к уже совсем близкому финишу.

Первой пришла лошадь Пенди-бая. Она по правилам и должна была считаться победившей.

Не успели еще наездники прийти к финишу, как Ходжам Шукур, точно помутившийся в рассудке, бросился наперерез им к своей лошади. Кичи чуть не растоял его, но успел на полном скаку взять чуть в сторону и пронесся в полушаге от хана.

Следом за Шукуром к его лошади кинулись еще человек десять. Ходжам Шукур стоял над своей кобылой не шевелясь, глядел на нее расширившимися от ужаса глазами. А лошадь лежала с неестественно вывернутой шеей и тоже не двигалась. Кто-то начал причитать:

— Ах, бедняжка!

— Сглазили!

— Вот жалко-то как!

Но ни одно из этих слов ни лошади, ни ее хозяину помочь ничем не могло.

Ханской кобылице не хватало воздуха, она громко дышала, тяжело раздувая ноздри.

Наездник, тоже пострадавший, но несравненно меньше, медленно подошел, хромая и держась одной рукой за бок.

— Что случилось? Обрежьте подпругу!

Кто-то вытащил кинжал и бросился к несчастной, но в горячах вместо ремня полоснул кобылу, по ее телу прошла быстрая судорога. Кто-то пришел на помощь, и подпруга была перерезана. Лошадь задышала полегче, попыталась повернуть голову, но ей это не удалось, и снова по ее телу пробежала болевая дрожь. Шея была сломана. Один из стоявших сочувственно покачал головой:

— Бедняга, в таких муках умрет!

При слове «умрет» Ходжам Шукур замотал головой как ужаленный. Он всей душой возненавидел человека, сказавшего это, как будто слово тут могло что-то значить, потом он опомнился и закричал во весь голос:

— Гум-ма-а-ан!

Этот человек уже бежал к собравшейся у лошади толпе. Гумман был старым сейсом¹, но кроме того, что объезжал лошадей, он еще и разбирался немного в разных переломах и ушибах.

Гумман взглянул на лошадь, и с первого взгляда ему стало все ясно. Однако он побоялся сразу же сообщить хану свое заключение. Он нагнулся, потрогал сначала лошадиную шею, потом распухшую переднюю ногу и даже приложил ухо к животу. Потом поднялся, отошел в сторону и прикусил губу.

— Ну что, Гуммаджан?

Гумман ничего не ответил.

— Гуммаджан, можно хоть что-нибудь сделать?

Гумман поднял глаза на Ходжама Шукура:

— Хан-ага, вы очень любите свою лошадь?

Глаза хана озорились надеждой.

— Очень люблю! Поставь на ноги, ничего не пожалею!

— Если вы правда любите, избавьте ее от напрасных мук.

Все увидели, как по лицу хана потекли слезы. Хан, не глянув больше ни единого раза на лошадь, махнул рукой и отвернулся. Это должно было означать: «Если надо убивать, убейте, но я сам приказать не могу».

Без ханского позволения никто не решался подойти к лошади. Хан понял, что именно его слова и ждут сейчас. Все замерли, глядя на Ходжама Шукура. И хан

¹ Сейс — жокей, конюх.

наконец словно чужой рукой вытащил из-за пояса нож и молча протянул его назад.

Гумман взял нож и подошел к лошади. Нагнулся, но потом снова выпрямился.

— Нет, я не могу. Руки не те, только замучаю ее. Возьмите кто-нибудь...

Гумман вытянул вперед руку, но никто не подходил к нему. Каждому было жалко убивать красивую лошадь, хоть она и была искалечена.

— Что вы боитесь? Только добро сделаете! Она же мучается, смотрите...

Один человек подошел к Гумману и взял из его рук нож. Проверил пальцем лезвие, потом подошел к голове лошади, присел на корточки и прочитал короткую молитву. Раздался короткий вскрик:

— Йя, бисмилла!¹

Лошадь захрипела. Ходжам Шукур весь затрясся. Так и не поворачиваясь назад, он принял обратно свой нож и медленно пошел в сторону.

Глаза лошади и после смерти не закрывались. Сейнс проговорил: «О, бедняга!», опустился на колени и попытался прикрыть веки руками. Но глаза так и оставались открытыми. Голова лошади была обращена к финишу, и людям казалось, что она и сейчас смотрит туда и мертвый ее взгляд выражает сожаление, мольбу, отчаянье...

Когда праздник, оказавшийся таким печальным, закончился и люди уже начали было расходиться, возле кладбища «Верблюжья шея» показался всадник с женщиной позади себя. Всадник скакал по направлению к людям. Всем стало любопытно. А всадник остановился около первого попавшегося ему навстречу прохожего и задыхающимся голосом спросил:

— Где хан у вас?

Ему показали.

Каушут шел вместе с Пенди-баем, Непес-муллой и Оразом-яглы. Завидев всадника, скакавшего им навстречу, они остановились. Всадник с трудом переводил дух, но все же, стараясь быть как можно почтительней, поздоровался.

¹ Бисмилла — во имя аллаха (арабск.).

— Откуда ты будешь, парень? — спросил его Непесмулла. — Я вижу, у тебя дело какое-то до нас?

Юноше, сидевшему на коне, было лет девятнадцать. По рукам, большим и мозолистым, можно было угадать в нем дехканина. Он поглядел с надеждой на стоящих перед ним яшули и ответил:

— Дело мое в том, что я не просто путник, а беглец. Мы скачем уже целые сутки.

— Значит, ты выкрал девушку? — усмехнулся Пенди-бай.

— Да, я ее украл, отец. — Глаза парня вдруг засверкали. — Я украл девушку, которую люблю, и отдам ее только со своей головой!

— А от нас что ты хочешь? — спросил снова Непесмулла.

Юноша опустил глаза и уже не таким уверенным тоном ответил:

— От вас... Мы хотели... Мы хотели попросить вашей защиты... Пока. Ну, пока мы не найдем где спрятаться...

— У тебя разве нет родственников?

— Я совсем один...

— Откуда ж ты родом?

— Сам я из Каррыбента, из Теджена. За нами, наверное, уже гонятся, у этой девушки шесть братьев, и если они сейчас поймут нас...

Каушут, все время молчавший, пристально посмотрел в лицо парню.

— Яшули, что вы так смотрите на меня? Узнать хотите? У меня с ханами не было родни...

— Нет, я хочу спросить.

— Спрашивайте, все, что знаю, скажу...

— Скажи мне, только честно, ты насильно увез ее?

— Я ее люблю...

— Любить — это одно, а чтоб тебя любили — другое. Говорят, о камыш кибитки, где красивая девушка живет, и собака потрется. Ты мне скажи, она была со- гласна или нет?

Юноша поглядел на Каушута и повернулся назад.

— Айсолтан, не бойся, здесь одни туркмены. Скажи сама, хотела ты со мной бежать?

Девушка подняла накидку и взглянула на людей. Все подивились ее необыкновенной красоте. «Ну уж,

если ты такую красавицу заставил полюбить, я тебе помогу», — подумал про себя Каушут.

Айсолтан горячо проговорила:

— Я буду с ним до конца жизни, если только не отнимет у меня его аллах!

Сказав это, она снова закрыла лицо.

Каушут хотел позвать юношу к себе, но Пенди-бай опередил его:

— Считайте, у моего очага вам уже готово место. Как тебя зовут, сынок?

— Аннам, яшули.

— Езжай, Аннам, вон в тот аул, там спросишь, где живет Пенди-бай, и скажи, что я велел тебе остаться у меня.

— Сто лет жизни вам, бай-ага, спасибо!

Юноша развернул коня и поскакал в направлении, указанном ему Пенди-баем. Яшули пошли дальше.

А Каушут-хан, заметив впереди, в идущей перед ними толпе, Кичи-кела, крикнул ему:

— Ах-хов! Парены! Поди сюда!

Услышав голос Каушута, Кичи-кел бегом заспешил к нему.

— Эссаламалейкум, отцы!

Яшули вместе с Каушутотом ответили ему.

— А ты почему здесь? — спросил Каушут. — Почему не уехал в Хиву?

Кичи-кел принадлежал к нукерам Хемракули-хана, главного сборщика налогов. Этих нукеров, не причинив им никакого вреда, подобру-поздорову выгнали из Серакса. Но Кичи-кел подумал, что в Хиве изгнанных сборщиков налогов ничем хорошим не встретят, и остался в Серахсе. Он не знал сейчас, что ответить Каушуту, молчал, потупив голову. Яшули, не дождавшись ответа, пошли дальше, а Каушут сказал, собираясь тоже уйти с аксакалами:

— Кичи-бек, советую тебе никогда не плевать в небо, потому что этот плевок всегда попадет тебе же в лицо.

На следующий день сразу после утреннего намаза к Каушуту прискакал Мялик и сказал, что Пенди-бай просит его немедленно прийти. Каушут понял: что-то случилось, но не стал расспрашивать Мялика, думая,

что дело связано с Хивой, а в серьезных вещах бай не очень-то доверял сыну.

Каушут тут же сел на коня и поскакал.

Пенди-бай встретил его на дворе. Лицо у бая было взволнованно, и Каушут спросил:

— В чем дело? Что случилось?

— Хан, чужая собака пришла и гостей привела. Вчерашнего парня ночью зарезали, а девушку увезли.

Каушут много бед пережил в своей жизни, но эта внезапная весть заставила его сердце больно сжаться. Пенди-бай повернулся, и Каушут молча пошел следом за ним.

— Вот здесь я их оставил,— сказал Пенди-бай, когда они подошли к кибитке.

Каушут осторожно приподнял полог и вошел внутрь. На полу, словно спящий, раскинув в стороны руки, лежал Аннам, верхняя часть тела и голова были накрыты его собственным доном.

Каушут приподнял край дона и взглянул в лицо юноши. Глаза его были раскрыты и, казалось, говорили: «Я вам поверил, хан-ага...»

Каушут опустился на колени и провел рукой по векам раскрытых глаз.

— Да будет земля тебе пухом, сынок!

Потом Каушут поднялся и повернулся к Пенди-баю:

— Этот грех на нас, бай-ага. Узнал бы я негодяя, который выдал его!

Пенди-бай опустил голову, не зная, что отвечать. Ответ лежал посреди кибитки, по-мертвецки вытянувшись на полосатом одеяле.

Когда Мамед-хан вошел в низенький глинобитный домик, он задохнулся от зловония. Однако нукеры сидели тут, скрестив ноги, и занимались своим делом. Мамед-хан зажал пальцами свой широко расплюснутый нос, уродства которого не могли скрыть даже пышные смоляные усы. Огляделся по сторонам и, гундоса, поскольку нос был зажат указательным и большим пальцем левой руки, спросил:

— Как тут у вас? Много тылла¹ уходит?

— За эту неделю даже пять тылла не ушло,— ответил один из нукеров.

¹ Тылла — золотая монета.

— Даст бог, скоро и одного не будет уходить,— сказал хан.

— Да, теперь мало ушей приносят,— подтвердил нукер и опустил голову, словно задумавшись о чем-то. Он прикрыл глаза, но отрезанные уши по-прежнему маячили перед ним. Его угнетали мысли о своей несчастной судьбе, о непристойном занятии, к которому принудил его хан. Словно забыв о его присутствии, нукер проворчал сквозь зубы: «И что за жизнь?! Что за работа — человеческие уши клеймить?! Лучше умереть, чем есть такой хлеб!» — Хан-ага! — вдруг воскликнул он и вскочил с места. — Пожалейте, хан-ага! Избавьте меня от этой работы, по ночам не могу спать, только и вижу: уши да отрезанные головы. Вчера мать приснилась, и она без ушей. Мы всякое видели — и как деньги считают, и как скот считают. Поставьте на конюшню работать, хан-ага, или я сойду с ума, пожалейте, хан-ага.

— Может, тебя на хивинскую конюшню? — перебил хан.

Нукер смолчал. Ему было ясно. Если он откажется от этой гнусной работы в Караябе и вернется в Хиву, Мядемин снимет ему голову, лишит жизни его родственников и даже детей. Нет, он должен смириться с судьбой, даже если бы ему пришлось пересчитывать не только отрезанные уши, но и выдавленные человеческие глаза...

Хивинское ханство воздвигло в Караябе крепость и направило туда Мамед-хана, который усердно служил Мядемину и к его жестокостям немало прибавил и своих. Чтобы держать в страхе и повиновении сарыков, чтобы припугнуть туркмен из Мары и Серахса, он объявил всем, что будет платить за каждую голову, отрезанную у непокорного сарыка, десять тылла, а за пару отрезанных ушей по пяти тылла. Мядемин охотно пошел на эти расходы. Но чтобы одни и те же уши не сдавались дважды, Мамед-хан велел ставить на них метки. Когда он вошел в маленький глинобитный домик, два нукера как раз и занимались этой работой. Караябскую крепость туркмены стали называть повсеместно «Крепостью ушей».

Хан не мог долго находиться в домике и дышать этим смрадом. Он вернулся к открытой двери и прислонился к косяку.

— Что с жалобой старухи? — спросил он.

— Вон ее жалоба! — ответил нукер.

Мамед-хан посмотрел в сторону, куда показал нукер. Там к стене были приколоты тамарисковыми ветками два уха.

— Это хорошо, — одобрительно сказал хан.

Приколотые уши не принадлежали ни непокорному сарыку, ни разбойнику, ограбившему караван Мядемина. Они принадлежали сарыку по имени Агалык, который отважился исказить приказ Мамед-хана.

Несчастный Агалык-ага, чтобы заработать пять тыла и не найдя непокорного, отрезал уши своему племяннику, приехавшему погостить. Сестра Агалыка-ага, мать пострадавшего, пожаловалась Мамед-хану, и тот, возмущившись неслыханным жульничеством, приказал отрезать уши самому Агалыку.

Один из нукеров, поставив клеймо на очередную пару чьих-то ушей, бросил их в мешок и обратился к хану:

— Какие вести из Хивы, хан-ага?

— Из Хивы? — переспросил хан уже из-за двери, потому что не мог больше стоять даже у выхода.

— Да, из Хивы.

— Из Хивы пока нет никаких вестей.

— Вряд ли хан ханов будет спокойно смотреть на поведение текинцев, — вмешался в разговор второй нукер.

Мамед-хан уже собрался было совсем уйти, вернулся назад и весело рассмеялся.

— Не думай, баранья голова, — сказал он, — что Мядемин-хан останется в долгу. Поведение текинцев говорит нам только о той палке, которая обрушится на их головы. В один прекрасный день Мядемин-хан приведет тысячное войско, и ты увидишь такинцев на коленях. — Мамед-хан сделал небольшую передышку и прибавил: — Пусть это вас не заботит, делайте свое дело.

После этих слов Мамед-хан ушел.

— Неужели, — спросил первый нукер, — хан ханов пригонит тысячное войско?

— Обязательно пригонит, — ответил второй нукер. — Если он придет с тысячным войском, Насреддин и думать перестанет, чтобы пройти через горы. Хан ханов не успокоится, пока своего не добьется.

Нукеры горячо обсуждали серахский вопрос. Прежние хивинские ханы, которые были до Мядемина, — его отец Аллакули-хан и его старший брат Рахимкули-хан, несмотря на то что Хорезмский вилайет был больше некоторых других ханств, все же считали себя подчиненными иранского хана. Мядемин же, пришедший к власти в тысяча восемьсот сорок пятом году, не захотел согласиться с устоявшимся положением. Он стал считать Хорезм самостоятельным ханством, вывел его из-под власти Хорасана. В течение десяти лет он совершал набеги на туркменские земли и стал собирать с туркмен дань. Это не понравилось иранскому шаху Насреддину. Его возмутило то, что Хива начинает прибирать к своим рукам земли туркмен. И он решил положить этому конец. У Насреддина таких наместников, как Мядемин-хан, было около двадцати, и каждый из них занимал территорию не меньшую, чем Хорезм. Владея таким богатством, Насреддин не мог допустить своеволия Мядемина, его власти над туркменами. Он решил отправиться в Хиву и на всех землях Хорезма оставить следы копыт своей боевой конницы. Узнав об этом намерении, главный визирь Садрыагзам сразу же понял, насколько рискован и ошибочен замысел шаха. Хотя упрямый Насреддин признавал только собственное мнение, все же не считал унижением для себя слушаться советов главного визиря. На этот раз Садрыагзам предостерег шаха от похода на Хиву. Чтобы отправиться туда с большим войском, потребуются огромные запасы продовольствия, кроме того, безводные пустыни, которые придется преодолевать, могут таить в себе неожиданные и даже непреодолимые трудности. Вместо рискованного похода главный визирь предложил другой план, согласно которому можно завладеть туркменами без особых затрат. С согласия шаха визирь написал бумагу и с нею отправил в Серахс мирзу Афсалеллы. Переговорив со старейшинами Серахса, Афсалеллы должен был отправиться с той же бумагой к сарыкам в Мары. В шахской бумаге предлагалось туркменам иранское покровительство. Главный визирь понимал, что туркмены согласятся платить любую дань Ирану, если шах защитит их от набегов и грабежа со стороны Хивы. Если туркмены смогут спокойно сеять и пасти свой скот, они согласны будут отдавать кому угодно половину своих доходов. В бумаге волею шаха давалось обещание: «И если туркмены вы-

делят четыре сотни верховых нукеров для службы в шахском войске и отправят в залог сорок своих семей, то всемогущий Насреддин обещает содержать текинцев и сарыков под своим покровительством и ограждать их от набегов любого врага».

Старейшины Серахса приняли Афсалеллы как почетного гостя. От имени Каушут-хана было написано письмо Насреддину, в котором говорилось, что текинцы принимают условия шаха. Заручившись согласием в Серахсе, Афсалеллы отправился в Мары.

Когда все это дошло до слуха Ходжама Шукура, которого изгнали в свое время текинцы, и тот, затаив обиду, перебрался со своими родственниками в Карабурун, подальше от текинцев и сарыков, бывший хан Серахса поспешил известить Мядемина о состоявшейся сделке. Не преминул он добавить при этом, что главная роль в этой сделке с иранским шахом принадлежит Каушут-хану. С помощью Мядемина Ходжам Шукур намеревался отомстить своему кровному врагу Каушут-хану, опираясь на бежавших из Мары в Карабурун и ставших ненавистными сарыкам старейшин.

Был год барса. И Мядемин-хан был уверен, что в этом году его войско должно показать свою силу и отвагу, свойственные барсу. Поэтому, не сомневаясь в успехе, Мядемин собрал двадцатитысячное войско¹ и седьмого числа месяца рыбы², в среду, выступил из Хивы в сторону Мары.

Народ Хивы еще никогда не видел такого скопления вооруженных людей. Женщины, старики и дети с обочи дороги с удивлением провожали взглядами проходившее войско. Было удивление, но была во многих взглядах и ненависть к Мядемин-хану. Уже много недель хивинец не мог спокойно сходить на базар, где рыскали нукеры хана, отбирали лошадей и верблюдов, предназначенных к продаже, а то и вовсе тех, на которых люди приехали на базар. Отбирали, не заплатив за животных ни гроша. Иначе откуда бы хану набрать чуть ли не пять тысяч верблюдов для перевозки продовольствия и почти столько же для бочек с водой.

¹ В разных источниках эта численность определяется по-разному.

² По новому летосчислению 10 января 1855 года.

Груженный караван начал выступать из города на рассвете, а вышел за его стены только после обеда,— так он был длинен. Ждали появления Мядемин-хана, но хан не появился ни в начале, ни в конце шествия. Прошел слух, что Мядемин остается в Хиве, а руководить войском поручил Хорезму Казы и Мухамедмураду Махрему. Но это было не так.

Хорезм Казы действительно шел в начале войска, а Мухамедмурад Махрем с пятьюстами всадниками еще раньше отправился в Ахал. По поручению Мядемина он должен был заранее подготовить и запугать ахальцев, чтобы они не вздумали помогать Серахсу.

После того как все прошло, проехало и туча пыли, поднятая копытами, осела на землю, кругом наступила тишина. Шумные улицы стали мертвыми. И тут только показалась группа всадников. Впереди ехало четыре верховых в военном одеянии. Следом за ними на белом коне, разодетый так, что невозможно было определить цвет его одежды, ехал сам Мядемин. Лицо удрученное чем-то, глаза сощурены, будто хан не выспался.

Мядемин был крепким, широкоплечим. И лошадь его была ему под стать, заметно отличалась от других. Вся ее сбруя вместе с уздечкой сверкала серебряными монетками, дорогими украшениями, как и полагалось ханской лошади. Другие кони, на которых гарцевали всадники из свиты Мядемина, тоже были украшены, но рядом с ханской лошадию напоминали красавиц, одетых в обноски. В непосредственной близости от хана ехали Бабаназар-аталык, Мухамедэмин-юзбаши, Халназар Бахадур, Бекмурад-теке и ближайший советник хана Мухамед Якуб Мятёр. Как и сам Мядемин, они выглядели усталыми и угрюмыми. Ехали молча.

Хотя толпа давно уже разошлась, с выездом хана люди снова стали собираться у дороги. Мядемин никак не отвечал на приветствия стариков, на поклоны детишек, проезжал мимо них, не меняя позы. И только Мухамед Якуб Мятёр, словно стыдясь за хана, вертел головой, налево и направо отвешивая поклоны. Босоногий мальчишка, стоявший под ивой, неожиданно выскочил на дорогу, бросился к последней группе конников и произительно закричал:

— Наша! Наша! — С криком схватился за узду гнедой лошади со звездочкой на лбу. От неожиданности лошадь вскинулась, и всадник, Бекмурад-теке, едва не

вывалился из седла, но, удержавшись, натянул повод, привстал на стремянах, во всю силу стеганул плетью узнавшего свою лошадь мальчишку. И тот, вскрикнув от боли, плашмя упал на пыльную дорогу. Бекмурад-теке даже не оглянулся, но когда до его ушей донесся тоненький голосок: «Ой, умираю!» — ханский прислужник пригладил усы и с улыбкой проговорил:

— Туда тебе и дорога, щенок.

Бекмурад-теке был одним из хваленых сотников Мядемин-хана, прославился своей необузданной жестокостью еще в Караябе. Говорят: «В каждом народе надо охотиться с его собаками». И Мядемин-хан в разбойных набегах на туркмен часто высылал вперед Бекмурада-теке, потому что тот, будучи туркменом, хорошо знал своих соплеменников и действовал по пословице: «Страну покоряет знающий страну». Когда была построена «Крепость ушей», Мядемин хотел послать туда Бекмурада-теке, но сотник отказался от этой чести, потому что был уверен, что сарыки и текинцы не дадут ему долго прожить. Они ненавидели и считали его хуже собак. Бекмурад ждал часа, чтобы заплатить своим соплеменникам за их ненависть к нему. И этот час настал. Сегодня шел он с многотысячным войском проливать туркменскую кровь.

Тяжело навьюченные верблюды уныло и почти незаметно продвигались вперед. После двадцатидвухдневного перехода было решено сделать основательный привал в Даяхатыне. Прибывший сюда на два дня раньше Мядемин издал приказ, который удивил все войско. Перед выходом из Даяхатына войны должны были разрушить старые дома и прихватить с собой по пяти кирпичей каждый. Хан решил по пути ставить кирпичные вышки или вежи. Люди и верблюды и без того были перегружены, но никто не посмел ослушаться ханского приказа, и из города было взято в дорогу сто тысяч кирпичей.

Мядемин рассчитывал через неделю быть в Мары. День только еще начал накаляться. Начало каравана уже скрылось в пустыне, хвост его уже покинул Даяхатын, настал час и Мядемину собираться в дорогу. Уже в седле он вдруг взмахнул рукой в сторону белой палатки.

— Птица! — вскрикнул он.

Бекмурад-теке вмиг подскочил к Мядемину.

— Хан-ага,— обратился он, заискивая,— вашу птицу отправили вместе с сундуком.

Мядемин, не взглянув на него, сурово повторил:

— Птицу!

Бекмурад понял, что дальше лучше не спорить, вскочил на своего коня и полетел вслед за караваном, уже скрывшимся из виду.

Хан не успел поставить ногу в стремя, как двое слуг тут же подхватили его и забросили в седло. Хан даже не заметил посторонней помощи, точно это сам аллах вознес его, тронул лошадь, и она не спеша понесла его вперед. А слуги, согнувшись пополам, кланялись, пока хан не отъехал на порядочное расстояние.

Через несколько дней Дангатар снова собрался сходить к ишану растолковать свою судьбу. Но как только он отошел от кибитки, уже и забыл, куда он хотел и зачем. Голова у него кружилась, казалось, ее изнутри ест какой-то червь, и когда этот червь там поворачивался, все перед глазами переворачивалось тоже. На что теперь ни смотрел старик, везде ему мерещились кровавые пятна, иногда они начинали расти, сливались в одну красную лужу, посреди которой плавал Ораз... Но иногда наоборот, Дангатару казалось, что мальчик жив. Старик сватал его, приглашал на свадьбу гостей, радовался до тех пор, пока его не охватывало обычное состояние ужаса и тоски.

Дул холодный ветер. Небо с одной стороны покрывалось темными, рваными тучами. Казалось, вот-вот пойдет дождь или снег. Дангатар шагал, подталкиваемый сзади ударами ветра, и угрюмо глядел под ноги.

Вдруг он увидел перед собой высохший куст курая, иногда его называют «перекати-поле». Неизвестно, какие мысли возникли в голове старика, но он сперва остановился, смотрел некоторое время на этот отделившийся уже от своего корня сухой и легкий шар, а потом пошел прямо на него. Но тут налетел новый порыв ветра, и круглый куст курая дрогнул и, как живой, покатился вперед. Дангатар закричал:

— Стой! Стой!

Но колючка продолжала катиться.

Тогда старик засунул за пояс обе полы своего старенького халата и бросился вдогонку. Перекати-поле

цеплялось за кусты янтака, задерживалось, точно подпускало специально, играя с Дангатаром, но едва он подбегал, как тут же срывалось и укатывалось дальше. Наконец на пути курая оказалась небольшая ямка, шар скатился туда и уже не мог выбраться.

«Ага,— пробормотал Дангатар.— Ну что, куда ты теперь побежишь?» Он приостановился и не спеша стал приближаться к шару.

На краю ямы Дангатар стал, поглядел со злорадством на колючку, прыгнул вниз и принялся как маленький топтать ее ногами. Когда на дне ямки осталась одна труха, Дангатар выбрался оттуда и стал засыпать песком останки перекати-поля. Скоро получилась маленькая могилка. Старик прочитал над ней короткую неразборчивую молитву, поднялся и пошел дальше. Он шел и напевал негромко:

Бедный соловей, бедный соловей,
Ты там поплачь, а я тут поплачу.
Погибший в горе бедный соловей,
Ты там поплачь, а я тут поплачу.

Бедный соловей, больше слез не лей,
Пожалей меня, я и так уж плачу.
Утешитель мой, бедный соловей,
Ты там поплачь, а я тут поплачу...

Впереди показался аул. Дангатар не мог сообразить, куда он попал. После, когда подошел поближе, узнал кибитку Пенди-бая, остановился и позвал:

— Пенди-бай! Пенди-бай!

Никто не откликался. Дангатар закричал снова:

— Пенди-бай, ов! Пендиджан, ов!

Наконец ширма откинулась, и из кибитки вылез Мялик. Вид у него был раздраженный.

— Кому там надо Пенди-бая? Нет его, уехал в Горгор!

Дангатар быстро пошел к Мялику.

— А ты кто такой, родственник его? Как тебя зовут?

Мялик узнал Дангатара и сильно смутился. Он слышал, что старик тронулся после того, что случилось, да это и ясно было, раз Дангатар не узнал его. Мялик решил подыграть старику, притвориться, что они в самом деле незнакомы, и почтительно ответил:

— Я сын его, яшули. Меня зовут Мялик-бай. Если вам что надо, говорите.

Но старик обрадованно закричал:

— А, Мялик-бай, это ты! Что же я сразу не узнал! Саламалейкум, Мяликджан! Саламалейкум, Мялику-лиджан! Как живешь, Мяликджан?

Мялику было в крайней степени не по себе. И он, не поднимая головы, ответил:

— Саламалейкум, яшули. Хорошо живу, спасибо.

— А дома как, все в порядке?

— И дома в порядке.

— Слава богу. И туйнук вашей кибитки тоже в порядке?

Мялику уже лень было отвечать.

— А кобыла ваша здорова?

Мялик наконец не выдержал и зло закричал на старика:

— Да какого тебе дьявола до нашей кобылы?!

Но Дангатар как будто ничего и не расслышал.

— И жеребеночек ее здоров, его ночью не зарезали?

У Мялика внутри все задрожало.

— Слушай, яшули, если тебе чего надо, говори и убирайся отсюда.

Дангатар странно улыбнулся:

— Говоришь, убирайся?

— Да, убирайся.

— А куда убирайся?

Мялик махнул рукой, повернулся и хотел было идти, но старик ухватил его за рукав:

— Эй, не уходи, подожди немного.

Мялик остановился, какая-то сила приковывала его к старiku и заставляла слушать его бред.

— Если ты никому не скажешь, я тебе открою один секрет.

Мялик молчал.

— Только поклянись сначала.

— Ну да, я клянусь.

— А чем клянешься?

— Чем хочешь.

— Тогда поклянись навозом быка.

— Хорошо, считай, что я поклялся.

Дангатар притянул к себе Мялика и зашептал ему на ухо:

— Так вот, вчера мне приснился сон. Ты Оразджана знаешь?

Мялик с трудом ответил:

— Нет, не знаю я никакого Оразджана.

— Не знаешь? .. Ну все равно... Приходит ко мне Оразджан и говорит: «Папа, этой ночью меня зарезал Мяликджан!» Это правда, Мяликули?

У Мялика и руки и ноги сделались как ватные. Он был не в силах поднять голову и не знал, что делать. Турнуть отсюда этого старика или стоять столбом и смотреть на его страдания? И тут он услышал всхлипывания и поднял голову. Старик уже отошел в сторону, присел на сырую землю, скрестив под собой ноги. Он рыдал, и слезы лились из его единственного глаза.

Мялик против своей воли подошел к старику и присел перед ним на корточки. Ему отчего-то безумно захотелось признаться в своем преступлении, но он не знал, с чего начать. И поэтому проговорил только:

— Не плачь же, яшули!

Дангатар протянул руки и положил их на плечи Мялика.

— Кому же, как не мне, плакать, Мяликджан! Бог побил меня обеими руками, сынок. Моего сына убили! Единственного моего сына! Что мне теперь делать? Я уже и невестку ему нашел... А его убили. И меня убили.

Мялик почувствовал, что не может больше скрывать тайну от старика, и открыл уже рот, но тут к ним подошла Огултач-эдже, услышавшая из кибитки странные речи.

Увидев ее, Дангатар перестал улыбаться.

— Огултач-эдже, саламалейкум!

Мялик встал на ноги и опомнился, ему стало страшно, оттого что едва не выдал самого себя. Но теперь он сделался снова таким, как всегда, и не чувствовал уже ни малейшей жалости к несчастному старику.

— Мама, это Дангатар, у которого убили сына.

Старик перестал плакать и улыбнулся:

— Саламалейкум, Огултач-эдже!

Огултач хотела что-то сказать, но старик перебил ее:

— Я завтра сына женю, невестка. Обещал сватам одну овечку. Если я не дам овечку, сваты уедут, не отдав шурпы¹. Свадьба должна быть свадьбой, пусть

¹ Шурпа — суп.

сваты отведают нашей шурпы. Дай мне взаймы одну овечку, Огултач.

Огултач-эдже сообразила, что старик не в своем уме, но не стала его огорчать. Ей хотелось хоть чем-то утешить несчастного.

— Мяликджан, сходи в загон и приведи одну овцу.

Мялик усмехнулся и пошел к загону. А Огултач-эдже присела рядом с Дангатаром.

— Невестка, послушай, я тебе сейчас все расскажу.

— Расскажите, Дангатар-ага, не бойтесь, расскажите.

— Сына моего убили, Огултач-эдже. Что мне теперь делать? Кто отомстит за него? Я совсем один, я старый, и родственников у меня нет, некому за меня постоять, Огултач!

У женщины на глазах заблестели слезы.

— Ах, собака какая, чтобы руки у него отсохли, чтобы язык у него в болячках стал, чтобы жизни ему не было, этому убийце!.. Ах как мне жалко вас, Дангатар-ага!..

Мялик принес черного ягненка и опустил его на землю перед Дангатаром. Ягненок был совсем ручной и не пытался убежать, только заблеял жалобно: «Ме-е-е!» — и посмотрел с любопытством на старика.

— Ай какой ягненок! Ты и блеешь еще! — Дангатар погладил его мордочку. — Вот подожди, вырастешь, большим бараном будешь.

Дангатар вдруг оттолкнул ягненка, поднялся на ноги и, не говоря ни слова, пустился, как маленький, вприпрыжку. Он убежал прочь, а Огултач-эдже долго смотрела ему вслед, потом с тяжелым вздохом сказала:

— Кто же этот проклятый убийца, чтоб ему пусто было!

А проклятый убийца стоял рядом с опущенной головой и молча рассматривал носки своих чарык.

В середине пути к Мядемину подъехал мингбаши. Абанур Ниязмахрем с молодым воином из ханского войска.

Хан вопросительно уставился на своего мингбаши. Тот, низко поклонившись, доложил:

— Хан-ага, этот юноша не хочет воевать. Что прикажете сделать с ним?

Мядемин был зол, он не любил останавливаться в пути. Но тут преобразился вдруг, стал добрым, великодушным человеком.

— Да? Не хочет воевать? — Хан сочувственно перевел глаза на юношу. — Что же, молодой человек, с тобой случилось? По родным заскучал?

— Да и по родным тоже.

Хан нарочито вздохнул:

— Мама вспомнилась?

— Да, вспомнилась.

— А еще что тебе вспомнилось?

— А еще я не хочу убивать бедняков, таких же, как мы сами. У меня, хан-ага, рука на них не поднимается.

Мядемин покачал головой:

— А ты случайно не мерин?

— Нет, хан-ага, у меня два сына есть.

— И ты уверен, что твои?

Юноша молчал, не зная, что отвечать на это оскорбление. Вместо него ответил сам хан:

— Да нет, навряд ли они твои, наверное, они твоего соседа.

Юноша сжал кулаки и опустил голову.

Как раз в эту минуту вернулся на взмыленном коне Бекмурад-теке, подал хану клетку с птицей и отъехал на два шага, ожидая нового приказанья. Лицо хана на миг просветлело. Он поднес клетку к лицу, дунул в нее, перепелка затрепыхала крыльями и перепрыгнула из одного угла в другой. Хан не глядя протянул клетку назад, один из слуг тут же подлетел и бережно принял ее.

— Хан-ага, так что делать с ним? — спросил снова Ниязмахрем. — Отправить его домой?

— А мы спросим сейчас у теке.

— Я готов служить, хан-ага, — тут же угодливо ответил Бекмурад.

— Ну вот. Скажем, был бы ты третьим сыном Аллакули-хана...

— Лепбей¹, брат! — живо откликнулся Бекмурад, уже представивший себя младшим братом Мядемина.

— ...и ведешь ты, представь, целое войско. А один твой воин не хочет воевать, хочет вместо того, чтобы идти в Мары, возвращаться в Хиву... На полпути он струсил... Ну, и что бы ты сделал с ним?

¹ Лепбей — слушаюсь.

Бекмурад-теке взглянул на юношу и понял, что речь идет о нем. Теке не сразу сообразил, что ответить. На этого парня ему было наплевать, но он боялся, как бы ответ его не разочаровал хана и Мядемин бы не сказал: «Какой из тебя сын Аллакули-хана!» Но и заставлять ждать тоже было нельзя. С подобными вопросами хан обращался разве только к Мухамеду Якубу Мятеру, а уж с наемными сотниками, вроде Бекмурада, и здоровался даже не всегда, поэтому случая терять было нельзя. И Бекмурад-теке изобразил на своем лице негодование и воскликнул:

— Был бы я младшим сыном Аллакули-хана, я бы сказал, что таких трусов надо живыми в землю зарывать!

Мядемину ответ понравился, он кивнул головой, тряхнул поводом и, не добавляя больше ни слова, двинулся вперед. Бекмурад-теке тоже было тронулся вслед за ханом, но, проехав рядом некоторое расстояние, подумал, что может показаться Мядемину слишком назойливым, и попросил его позволения вернуться назад и проследить, как будет исполнен приказ «младшего сына Аллакули».

Прямо на том месте, где состоялся суд, два человека уже рыли яму, поднимая облако пыли, а юноша стоял рядом и старался не глядеть на них, словно не он сейчас должен был лечь живым в эту яму без савана и отходной молитвы.

Когда работа двух копальщиков уже приближалась к концу и всем стало ясно, что казнь вот-вот совершится, один из стариков, стоявших рядом, не выдержал и подошел к Абануру Ниязмахрему, который, как начальник непокорного воина, обязан был присутствовать при казни.

— Ровесник, неужели этому бедняге так и погибать? Но ответил ему Бекмурад-теке:

— На свете нет большего проступка, чем ослушаться ханского приказа! И если кто-то считает невиновным человека, названного ханом, то должен сам лезть в яму вместо него!

И Ниязмахрему, в душе не желавшему смерти юноше, пришлось кивнуть головой, потому что он боялся, что, если будет спорить с Бекмурадом, тот донесет на него хану.

Тем временем копальщики уже вылезли из ямы, во-

ткнули в землю лопаты и принялись отряхивать с себя песок. Даже самый жестокий человек, казалось, не решился бы без всякой личной вражды закопать в землю другого, и Ниязмахрем все еще надеялся, что теке в конце концов сжалится над юношей и отменит свой приказ, ограничившись каким-нибудь более легким наказанием. Но Бекмурад молчал и всем своим видом показывал, что ждет исполнения приказа. Видя заминку в деле, он сам крикнул:

— Возьмите у него ружье. Оно пригодится, когда будем сражаться с врагами.

Всех поразило, что Бекмурад, будучи сам туркменом, так назвал своих соплеменников. Но никто не тронулся с места. Ниязмахрему пришлось приказать самому:

— Сними ружье!

Юноша снял его и приставил к только что насыпанному песчаному холмику.

— А теперь лезь в яму.

Все ждали, что парень теперь бросится в ноги начальнику и станет молить его о пощаде, но он даже не поднял глаз, сделал несколько шагов к яме и остановился в нерешительности. Тут прежний сердобольный старик снова подал голос:

— Подождите, сынки!

Старик был поваром мингбаши Ниязмахрема, и звали его Маруф-ага. Маруф подошел к Бекмураду и сложил руки как для молитвы.

— Справедливый вождь! Я всю жизнь прослужил хану. Пожалейте его! Он мой сосед, единственный кормилец в семье, а у него двое детей.

Бекмурад холодно смотрел на старика.

— Вождь мой, я до самой смерти буду служить вам, не убивайте только этого юношу! Или уж закопайте вместо него меня! Я уже прожил большую часть жизни, а его года только начались!

Бекмураду не верилось, что старик и вправду готов принять такое наказание вместо друга. Он подумал, что сам даже ради родного отца не полез бы в землю. А тут ради чужого человека!.. Теке прищурил глаза:

— Ты и в самом деле готов лезть вместо него?

Старик тут же горячо ответил:

— Только прикажите, сделайте милость!

Глаза его были полны мольбы, слезы катились по

сморщенным щекам и мочили седую бороду. Бекмурад понял, что старик и вправду готов на смерть, но такой исход его не устраивал, ему хотелось до конца выслужаться перед ханом. Бекмурад-теке отвернул голову.

— И козу подвешивают за свою ногу, повар, и ба-рана.

Старик закрыл лицо руками и отошел в сторону.

А Бекмураду надоела эта возня, он повернулся к юноше и резко приказал:

— Ну, тебе говорят, лезь в яму!

Юноша не двигался с места. Он смотрел на черное дно могилы, а оттуда, казалось, поднимали к нему руки жена и двое его ребятишек и, плача, молили его: «Не бросай нас, не оставляй сиротами! Попроси пощады, они простят!» Но юноша был слишком горд, чтобы целовать подошвы чужеродному наемнику.

Видя, что приказ его не выполняется, теке посмотрел зло на мингбаши, требуя, чтобы он, как начальник, распорядился.

Ниязмахрему не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться воле Бекмурада. Он прекрасно понимал, что в противном случае его самого ждет наказание.

Мингбаши видел: если просто отдать приказ, никто по своей воле не примет сейчас на себя роль палача. Поэтому он указал рукой на двух воинов:

— Вы, двое, подите сюда.

Те, кому было приказано, подошли.

— Если не хотите попасть сами в эту же яму, свяжите ему руки и бросьте туда.

Воины, стараясь не глядеть на окружающих, подошли к юноше и принялись исполнять свое дело. Юноша даже не сопротивлялся. От страха мучительной смерти он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Через минуту он был связан.

Все вокруг замерли от ужаса, некоторые даже отвернулись, не в силах дальше смотреть на это. Сами воины, связавшие юношу, невольно попятились назад.

Бекмурад-теке разъяренно закричал на Ниязмахрема:

— Мингбаши, ты кто у них, начальник или мальчишка на побегушках? Таким не у хана служить, лепешки печь!

Ниязмахрем от этих слов тоже разъярился.

— Ну, вы, туда же захотели? Бросайте его в яму! Двое воинов опять приблизились к осужденному. В последнее мгновение юноша поднял голову и крикнул:

— Маруф-эке¹, только матери не говорите!..

Его толкнули в спину, и он, как колода, свалился на дно могилы.

Лопаты заработали вовсю. Из ямы раздался глухой вопль. Но он длился недолго. После очередной лопаты стало снова тихо, и только слышались шлепки песка в уже засыпанную почти до самого верха яму.

От Пенди-бая Дангатар отправился в соседний аул, где жил Сейитмухамед-нишан.

Как только он подошел к первой кибитке, женщины, занимавшиеся чем-то во дворе, торопливо всё побросали и вбежали в дом. Дангатар подошел к самой кибитке и толкнул дверь. Но она не поддавалась. Тогда он громко сказал:

— Эссаламалейкум всем!

Из кибитки не раздалось ни звука в ответ, как будто там никого и не было. Тогда старик начал отвечать себе сам.

— Валейкум эссалам, Дангатар-хан! Как дела?

— Благодарю, все у меня хорошо.

— Входи в дом, хан-ага, будь гостем!

— Ай, некогда мне по гостям рассиживать. Просто я должен вам сообщить одну вещь.

— Говори, рады тебя слушать, Дангатар-ага.

— Завтра я женю сына. Женщины, дети, старики, — всех прошу ко мне на свадьбу!

— Желаем тебе удачи, Дангатар. Даст бог, обязательно придем.

— Ну, я пошел тогда.

И Дангатар пошел дальше.

Следующая кибитка, возле которой он остановился, принадлежала Ширшеп-эдже. Сама старуха по обыкновению сидела возле порога и, потяя, пила чай из огромного чайника, который стоял у ее ног. Появление Дангатара не слишком ее обрадовало, она уже слышала, что он сошел с ума, и поэтому разговаривать с ним было

¹ Эке — уважительное обращение к старшему.

мало радости, но прятаться неповоротливой старухе было уже поздно. Когда она сообразила это, то решила, что лучше теперь не бежать, раз все равно не убежишь, а лишний раз выслужиться перед аллахом, и сама первая ласковым голосом поздоровалась со стариком:

— Саламэлик, Дангатарджан, как дела, как здоровье?

— Спасибо, у меня хорошо. А почему ты про детей не спрашиваешь, Ширшеп?

— Как дети, здоровы ли, Дангатар?

— Слава богу. А почему ты не пригласишь меня сесть рядом с собой?

— Сделай милость, садись, Дангатарджан!

— А почему ты не предлагаешь мне чаю, Ширшеп?

— Пей чай, Дангатарджан!

— Нет, спасибо, не хочу. Теперь ты можешь меня спрашивать.

Ширшеп не знала, про что спрашивать старика. Она оглядела его с ног до головы и заметила три небольшие дочиста обглоданные кости, подвешенные у него возле пояса на веревочном кушаке, и осторожно спросила:

— А это что за украшения у тебя, Дангатарджан? Дангатар высокомерно посмотрел на нее:

— А ты что, сама не видишь или они тебе слишком простыми кажутся?

— Что ты? Нет совсем, Дангатарджан, только никак не пойму, что это такое?

— Вот это стрела, видишь, вся в золоте,— показал Дангатар на первую кость.— А это кинжал, он мне достался от Кероглы-бека, а это кольчуга от Сапара-косе¹. Ну, что еще тебе непонятно?

— Нет, теперь все понятно, Дангатарджан.

— Тогда я тебя буду спрашивать.

— Спрашивай, Дангатарджан.

— Ты мне отдашь вот эту кочергу? — он показал на закопченную кочергу, лежавшую возле порога кибитки.

— Бери, ради бога, Дангатарджан! Я ведь ее специально для тебя и приготовила!

Дангатар тут же вскочил на ноги, схватил кочергу и, как мальчишка, оседлал ее.

¹ Сапар-косе — один из сорока джигитов Кероглы.

— Похож мой конь на Кырата¹ Кероглы-бека?

Ширшеп-эдже не так поняла вопрос Дангатара и ответила:

— Да Кырат в подметки ему не годится!

— Врешь! Это и есть Кырат, а лучше Кырата ничего на свете не может быть!

— Да, прости, Дангатар, я ошиблась, правда, это и есть Кырат, я его сразу не признала.

— Не признала? Как это можно не признать? Может, ты и есть та старуха, которая украла у Кероглы коня?

— Да мне уж ни кони, ни ишаки больше не нужны, Дангатарджан...

Дангатар теперь замолчал и, не слезая со своего «коня», сосредоточенно смотрел в одну точку. Ширшеп-эдже было страшно молчать с сумасшедшим, ей казалось, что когда он молчит, то готовится к чему-то нехорошему, и поэтому она снова решила завести разговор.

— А тебе больше не хочется ничего у меня спросить, Дангатарджан?

— Мне у тебя еще много чего спросить надо.

— Ну, спроси тогда.

— Скажи мне, сколько тебе лет?

— Семьдесят три.

— Значит, ты уже старше самого Мухамета-пророка?²

— Да, старше, выходит.

— А когда ты умрешь?

— Когда срок придет.

— Ты уже и в прошлом году так говорила, где ж твой срок, чего он не приходит?

— Это только один аллах может знать, Дангатарджан.

— А ты знаешь, что я только что от него? Сам он отправился разбойничать к гаджарам, а меня послал к тебе.

— Зачем же он послал тебя? — с испугом спросила Ширшеп-эдже.

— Он сказал забрать душу у Ширшеп. Оказывается, он просто забыл, а твой срок еще в прошлый на-

¹ Кырат (Тырат) — легендарный конь.

² Основатель мусульманской религии Магомет умер в 63 года.

вруз¹ настал. Значит, ты, грешница, уже лишнее живешь...

Ширшеп, боявшаяся смерти пуще всего на свете, при этих словах задрожала, выронила из рук пиалу, вскочила и бросилась со всех ног в дом, хоть и была грузная и неповоротливая.

Дангатар засмеялся, развернул «коня» и поскакал прочь. По дороге он подобрал кусок веревки и сделал из нее узду. Теперь он скакал к Сейитмухамед-ишану.

Сейитмухамед на этот раз был дома. Дангатар оставил «коня» во дворе, вошел в кибитку и, не здороваясь, сел сразу напротив ишана. Оба некоторое время молчали. Потом Дангатар поднял голову и спросил:

— Сейитмухамед-ишан, скажи мне, кто убил Ораза? Говорят, он спрятался на дне реки, правда это?

Сейитмухамед, не желая противоречить старику, ответил:

— Правда, Дангатар, правда. Он тебя боится, этот негодяй, и боится выйти оттуда.

Дангатар снял с пояса одну из костей и поднял ее над головой.

— Тогда, хозяин Сейитмухамед, дай мне напутствие! Благослови меня! Я изрублю его на куски прямо там, на дне, и отомщу за своего сына!

Сейитмухамед с опаской поглядел на него, не зная, что ответить. Но Дангатар вдруг сказал:

— Ай, мне и не нужно благословение такого ишана, как ты!

Он быстро вскочил на ноги и выбежал из кибитки.

Дангатар поскакал прямо к реке. У берега он остановился, отбросил в сторону кочергу и засучил рукава, точно готовясь к бою...

Сейитмухамед уже бежал к нему и кричал на ходу:

— Дангатар-ага, стойте! Дангатар-ага!..

Но было уже поздно.

Дангатар разбежался и прыгнул головой вниз с береговой кручи.

Сейитмухамед остановился, запыхавшись. Он глядел в воду с надеждой, что Дангатар выплывет, но тело старика не показывалось. Буйные подводные водовороты уже тащили его, вероятно, вниз по течению.

¹ Мусульманский Новый год — 22 марта.

Появление войска Мядемина в Мары первоначально не вызывало среди людей большого переполоха. Хитрый хан сговорился с наместником Ниязмухамед-баем, и около двухсот его слуг, мулл, старейшин, писарей заранее подготовили жителей Мары.

Они распускали слухи о том, что хан собирается предпринять поход в целях укрепления мусульманства среди туркмен и защиты народа от дурного влияния и посягательств Бухары и Ирана. Поэтому люди встречали Мядемина чуть не хлебом-солью и лишь потом убеждались, какими «защитниками» являются на деле его воины.

... Два всадника прискакали с восходом солнца на двор Ниязмухамед-бая. Хозяин сам выскочил навстречу, и ему было сообщено, что к вечеру Мядемин-хан прибывает в Мары.

Ниязмухамед был уже давно готов к встрече хана, но близость его прихода заново взволновала угодливого бая, и он заметался по своему огромному двору, желая самолично проверить, все ли готово, все ли сделано как надо. Он взглянул на очаги, осмотрел огромные казаны, в которых должен был вариться плов, подергал каждый за медные ушки, точно проверяя, сумеют ли выдержать они свою тяжесть.

Во дворе был возведен просторный навес для воинов Мядемина. Поскольку время стояло предвесеннее — ветреное и дождливое, навес был и с боков защищен камышом и кошмами. Под крышей в два ряда были расстелены новые чистые циновки, а в центре каждой стоял кальян. Если взглянуть сбоку, то эти кальяны напоминали ряд толстобрюхих, с тонкими шеями людей, усевшихся ради свершения какого-то обряда в одну линию.

Ниязмухамед-бай постоял, оглядел все и покачал головой. Ему показалось, что циновок и кальянов было мало, но циновки-то еще можно было достать, а вот кальяны собрали все до последнего в округе.

Сразу же за навесом стоял небольшой домик с терраской. Бай откинул штору и зашел внутрь, люди, сопровождавшие его, остановились, точно не смели переступить порог. Здесь должен был расположиться сам хан. Все стены были увешаны тут дорогими коврами, в углу была расстелена мягкая, широкая подстилка, которой выпала честь служить ложем самому Мухамеду Эмину Энегу, или, иначе, хивинскому властителю Мяде-

мин-хану. Ниязмухамед осторожно, словно тут уже лежал сам хан, ощупал это ложе, проверяя, нет ли где жесткого места. Но тут все вроде было в порядке. Однако вид ложа навел бая на другую мысль. Он высунулся наружу и крикнул:

— Позовите Хасану!

Вошла пожилая женщина, задернула поплотнее за собой штору и, готовая слушать, повернулась к баю.

— Сколько всего?

Вопрос был ясен Хасане. Главное, что готовил Ниязмухамед для встречи хана и его приближенных, были, конечно, не кушанья и дорогие ковры. Бай знал, что любят богатые люди, у которых и денег, и власти, и роскоши без того вдоволь. Тут можно было угодить только женщиной. «Если он мужчина,— так считал бай,— пусть ему даже за восьмой десяток перевалило, от молоденькой красавицы он никогда не откажется. Если даже сам съесть уже не сможет, так хоть понюхает!» И тут бай был прав. Зачастую решение самых важных вопросов зависело от женщины, предлагаемой хану. Если он оставался ею доволен, то и проситель получал благосклонный ответ.

— Восемь всего, бай-ага,— ответила Хасана.

Бай призадумался.

— А что, больше не нашлось?

— Сами знаете, бай-ага, кто пойдет на такое дело? И эти-то все старые.

— Как? Почему?

— Да потому, что в этих краях я, кажется, единственная и осталась! — усмехнулась Хасана.

— Что ты говоришь?! Совсем обезумела! Какая из тебя женщина! Да твою женственность четверть века как по ветру разнесло!

— А мне что теперь делать?

— Что делать!.. Для Мядемина не такая, как ты, нужна, а богиня, пери!..¹ Ты хоть понимаешь, что это слово значит?

— Понимаю, бай-ага...

— Понимаешь!.. А толку-то что!.. Я думаю, может, пройтись по аулам потихоньку?..

— Нет, это не годится, бай-ага. Сарыки лучше сами в рабство пойдут, чем жену или дочь на денек одолжат.

¹ Пери — фея.

— Что ж, и кайтарма все передохли?

Хасана со вздохом подняла глаза к небу, как бы призывая аллаха в свидетели, что она сделала все от нее зависящее, и если не удалось угодить баю, так это вина не ее, а проклятых сарыков.

Бай мысленно представил тех восьмерых, о которых сказала Хасана. Все они мало устраивали Ниязмухамеда. Большинству было уже под тридцать, и почти все они были известны как гулящие, проводшие свою молодость в Хиве и за ремесло свое оттуда изгнанные.

— Ну, а для самого хана хоть кто-нибудь есть?

Хасана снова вздохнула.

Надо было что-то предпринимать. Иначе, Ниязмухамед чувствовал, ему придется несладко. Бай верил, что Мухамед Эмин в конце концов подчинит себе всех туркмен, а сам он рассчитывал с ханской помощью сделаться наместником в Серахсе, поэтому в нынешний приезд ему было необходимо особенно угодить Мядемину. «Да,— бормотал он про себя,— оказывается, не только соль, но и девушки бывают за редкость». Воображение рисовало ему стройных сарыкских красоток, застенчивых и юных, и он бы ничего сейчас не пожалел, чтобы найти хоть одну такую, но найти их, как прекрасно понимал бай, тем более за эти считанные часы, было невозможно.

Ниязмухамед нахмурился и готов был уже совсем отчаяться, как вдруг внезапное решение пришло ему в голову. Он поднял глаза на Хасану и внимательно поглядел ей в лицо.

— Хотите приказать что-то, бай-ага?

— Приведи сюда Айсулув. Но запомни: если об этом узнает хоть одна живая душа, ходить вам всем без головы.

Айсулув была дочерью самого Ниязмухамеда. Два месяца назад он отдал ее за сына Бекмурада-теке, а сейчас она была кайтарма, жила в отцовском доме.

Через минуту перед баем появилась высокая и стройная, прекрасная лицом Айсулув. Она прикрыла одной рукой лицо и спросила:

— Вы звали меня, отец?

Бай сладко ей улыбнулся.

— Звал, доченька, звал. Ты знаешь, что сегодня в дом твоего отца прибывает высокий гость — великий хан великой Хивы. А ты — дочь такого гостеприимного

отца, в доме у которого сегодня будет много гостей... Ты должна быть этому рада, детка.

— Я очень рада, отец.

— Будь радостной и внимательной к гостям, дочка. Моя честь — это и твоя честь. А наша с тобой честь...

Тут бай запнулся, он сообразил, что к дальнейшему разговору слова эти совсем не подходили.

— Ну, в общем, мы отвечаем за весь марыйский народ.

— Я это знаю, отец.

— Так вот, сегодня ночью мы будем разговаривать с нашими высокими гостями до самого утреннего намаза. Пусть ослепнут завистники! У моего очага будет веселье. Весь народ подивится! И тебе, дочка, придется посидеть вместе с нами.

Айсулув быстро подняла глаза на отца и тут же опустила.

Бай путался, он никак не мог найти нужных слов, все-таки любому отцу было нелегко сказать собственной дочери, что она должна отдаться ради его выгод чужому человеку. И все же ничего другого баю не оставалось.

— Да, тебе, дочка, придется побыть вместе с нами и поразвлекать высоких гостей, в особенности самого Мухамеда Эмин-хана... Тебе даже придется поднести ложку к его рту, если он тебя об этом попросит.

Слова эти подтвердили подозрения, еще раньше пришедшие в голову Айсулув. И она твердо ответила:

— Нет, отец, я не буду подносить ложку ко рту хана.

— В этом нет, дочка, ничего зазорного. Каждый раз, когда твоя рука будет подниматься ко рту хана, и честь твоего отца будет подниматься все выше и выше...

— Нет, отец, я не могу этого сделать. Вы уже отдали меня другому, чтобы я ему подносила ложку ко рту! И этого с меня достаточно.

— А если я очень тебя попрошу об этом?

Ответа не последовало.

Айсулув повернулась и быстро вышла. А бай настолько был ошеломлен своеволием дочери, что сделал невольно несколько шагов назад и плюхнулся, обессиленный, на приготовленное хану ложе.

Среди пятнадцати человек, отправившихся с караваном в Ахал, был и Курбан. Никогда в жизни он еще не участвовал в столь важном деле. Никогда в жизни он

не бывал еще в столь далекой стороне. Он и радовался, и волновался, и старался изо всех сил не вызывать никаких нареканий Непес-муллы. Но в то же время на всем пути Курбан чувствовал в сердце неослабевающую тревогу. Тревога эта была связана с Каркарой. Курбан боялся, как бы без него девушку опять не выкрали, потому что и прежние несчастья случались, когда его не было в ауле. Первый раз Курбан ходил по какому-то делу к Пенди-баю, а во второй гостил у знакомых в Карабуруне.

И теперь Курбану все мерещилось: возвращается он домой и слышит: «В тот же день, как вы ушли в Ахал, Каркару увезли». К тому же беспокоило Курбана и состояние Каркары. Гибель брата, а потом смерть отца тяжело подействовали на неё. С того самого дня, как Дангатар бросился в реку, Курбан ни разу не видел, чтобы глаза девушки были сухими. Сначала Каркара все еще надеялась, что отец как-нибудь спасся, что выплыл дальше на берег и Сейитмухамед-ишан просто не заметил его. Но через несколько дней человек, приехавший из Теджена, сообщил, что возле них река вынесла труп какого-то одноглазого дехканина, они и похоронили его на своем кладбище.

Особенно Каркара страдала из-за того, что ее несчастный отец, столь много претерпевший в жизни, умер не своей смертью и похоронен в чужой земле без слез и молитвы родных.

От всех бед Каркара и внешне даже изменилась, глаза ее потускнели, лицо похудело. О собственном счастье она больше и не думала; она казалась себе не девушкой-невестой, а глубокой старухой, узнавшей уже все горе, которое может выпасть на долю человека. Все дни она проводила рядом с Язсолтан, они вместе чинили одежду, вышивали. Язсолтан рассказывала ей разные истории, сказки, терпеливо пытаясь отвлечь девушку от ее несчастий, и Курбан был всей душой благодарен этой женщине за ее нежную заботу о его возлюбленной.

За несколько дней до отправления в Ахал Курбану передали коня, на котором он должен был ехать. Это был дар от старейшин аула всеми любимому сироте. Курбан, не имевший никогда в жизни даже собственного ишака, не отходил теперь ни на шаг от своего сокровища. Собственно, это не был какой-нибудь тонконогий красавец скакун, вроде тех, что брали призы на скач-

ках, нет, это была обыкновенная приземистая лошадка, да и масти не очень понятной, но для Курбана, поскольку она была теперь его собственной, лошадка эта стояла всех скакунов на свете.

Перед самым отъездом Курбан повел ее купать в Теджене. Подскакав к реке, он увидел довольно далеко от себя девушку, сидящую на берегу. Хотя лица ее и не было видно, Курбан почувствовал, что это Каркара. Он испугался: не собралась ли она прыгать в воду вслед за отцом, развернул коня и поскакал в ее сторону.

Каркара сидела неподвижно, смотрела в реку и, когда подскакал Курбан, лишь быстро подняла на него глаза и опустила их снова.

Курбан соскочил с коня и подошел к ней.

— Что ты тут делаешь, Каркара?

— Я пришла посмотреть на своего кровопийцу.

— Кто же твой кровопийца?

— Вот эта река.

— Река не виновата, Каркара. Это просто судьба у нас с тобой такая. У меня же, знаешь, тоже все умерли.

— Ты мужчина, у тебя совсем другое дело.

— Знаешь, пошли лучше домой, Каркара. Что люди скажут, если тебя тут увидят? Да и потом — берег пустой, мало ли кто может появиться.

— Мне теперь нечего бояться. Если даже эта черная река живьем проглотит меня, то я была бы только счастлива. А до людей мне вообще дела нет, я их видеть не хочу!

— Ты что, Каркара! Разве так можно про людей говорить!

— Да пусть сдохнут эти люди! Если бы у них хоть капля совести была, они бы не приходили свататься на другой день после смерти отца!

Курбан сразу изменился в лице.

— За кого сватали?

— Не знаю... Опять, наверное, за вдовца...

— Нет, ты не пойдешь ни за кого!

Курбан произнес это так горячо, что девушка испуганно подняла на него глаза.

— Я ведь люблю тебя, Каркара. И я тебе клянусь, что не отдам тебя никому другому...

Каркара вскочила на ноги. От радости и стыда глаза ее пылали. Она протянула руки к Курбану, словно хоте-

ла его обнять, но вдруг опомнилась, повернулась и побежала в сторону аула.

А Курбан глядел ей вслед, и на душе у него было так радостно и легко, как никогда, наверное, не было в жизни.

Ниязмухамед-бай и его слуги чуть ли не на руках внесли Мядемина в его покой.

Мядемин удобно уселся, отпустил кушак и принялся расспрашивать Ниязмухамеда о том, что делается в Мары. Бая было не узнать. Из грозного повелителя он превратился в раболепного слугу, голос его сделался мягким и заискивающим, и в его речах было гораздо больше лести хану, чем ответов по существу на задаваемые вопросы.

Мядемин решил проверить, до каких же границ простирается байская преданность.

— Нукеры соскучились в пути, — сказал он, — чем бы их поразвлечь, не знаешь, бай?

Ниязмухамед ответил не задумываясь:

— Пусть пойдут позарабатывают на топор, хан-ага!

Мядемин понял, о чем говорит бай. Нукеры, собиравшие налог для Хивинского ханства, обычно подходили к кибитке и, если дверь была закрыта, били топором с длинным топорщиком по деревянному порогу, и ветхая кибитка бедняка вздрагивала от такого удара. Хозяин выходил наружу, а нукер говорил ему: «Заплати за топор!» И после этого брал все, что попадалось на глаза и привлекало его.

Мядемин взял из миски две виноградины, широко открыл рот и ловко забросил их туда.

— Знаешь что, бай, — сказал он, — вот видишь, эти ягоды попали мне в рот, потому что я забросил их точно. Так и слова и дела наши должны быть такими, чтобы туркмены попадали не по зубам, а прямо нам в рот. Поэтому без особой нужды трогать их пока не надо. Да и нукеров надо беречь. Сейчас, того и гляди, Бухара с нами поссорится, тогда и эти каждую свою болячку припомнят. Снюхались с Бухарой, теперь своих же собственных вождей ни во что не ставят!

Но Ниязмухамед все-таки решил гнуть свое до конца:

— Ай, хан-ага, туркмены трусливый народ! Кто ж на ваших нукеров руку поднимет! Им только топор по-

казать, они сами последнее вынесут! Не то что сарыки, эти разбойники!..

— Посмотрим, посмотрим, бай, спешить нам некуда.

В это время полог откинулся, из-за него показался высокий старик в потертом халате и запыленных ичигах. Мядемин вопросительно посмотрел на бая, как бы спрашивая: «Что это значит?»

Вошедший человек поздоровался:

— Саламалейкум.

Ни бай, ни хан ему не ответили. Но старика это, кажется, не смутило. Он поклонился Мядемину.

— Хан-ага, я хочу спросить, как дочь моя поживает?

Ниязмухамед опередил хана:

— Не беспокойся, Ягмур-ага, дочери твоей очень хорошо. Она живет прекрасно.

— Кто это? — спросил Мядемин.

— Это отец одной вашей девушки.

— Как зовут?

— Ее? Акджемал.

Хан ласково улыбнулся старику:

— Дочь твоя заболела холерой и умерла. Но можешь радоваться, я велел похоронить ее на самом большом кладбище.

Слова хана так подействовали на старика, что он схватился за сердце и стал оседать на землю, но уже подоспевшие слуги бая схватили его под мышки и быстро выволокли прочь.

Караван Непес-муллы добрался до Геок-Тепе, пробыл там три дня, а на четвертый повернул обратно.

Крепость Геок-Тепе стояла у подножья высокой черной горы, такой, какую Курбан не видел никогда в жизни. Крепость и сама была выше и больше Серахской, но все равно рядом с горой она казалась крошечной, чуть ли не игрушечной.

Ораз-яглы не ошибся, ахальские яшули оказались в самом деле верными союзниками. За два дня они обшарили весь Ахал и передали Непес-мулле восемьдесят черных ружей, около ста восьмидесяти кривых шашек и нагрузили четыре верблюда боеприпасами.

Напоследок они велели Непес-мулле передать Каушту, что в случае войны он может смело рассчитывать на их поддержку.

Обратный путь Непес-мулла собирался проделать за

пять дней. Грузенный караван шел медленнее, но все знали, как ждут оружия в Серахсе, и потому решили не делать никаких лишних остановок, идти днем и ночью. Курбан же торопился в Серахс больше всех. Мысли его были заняты Каркарой и долгие пять дней казались ему пятью неделями, ему хотелось лететь назад во весь опор, но караван есть караван, он не мог двигаться быстрее, чем всегда. Когда караван проходил мимо аула Кеши, Непес-мулла подозвал к себе Курбана.

— Сынок, каждый шаг пути — тоже путь. Я решил, что мы не будем останавливаться в Кеши, верблюды еще идут, а доберемся вон до той низины и там уже сделаем привал. Бери чайники, воду и иди вперед.

Курбан тут же принялся исполнять приказание Непес-муллы. Он подскочил к Вали, повару каравана, человеку слегка придурковатому, но умевшему зато отлично готовить еду, перегрузил с верблюда все необходимое для обеда на свою и его лошадь, и вдвоем они поскакали вперед.

Когда Курбан с Вали были уже на пути к урочищу, Курбан вдруг заметил впереди большую группу всадников, спускавшихся туда же, но с противоположной стороны. Нетрудно было догадаться, кто они такие. Курбан натянул поводья и свернул за куст, знаком приказал Вали сделать то же. Курбан быстро сообразил, что надо делать. Он повернулся к товарищу.

— Скачи быстро назад, только вон той дорогой, чтобы тебя не видно было. Скажи мулле, пусть они поворачивают в горы. Понял? Скажи, нукеры Мядемина идут навстречу. А я обману их, постараюсь повернуть в другую сторону. ... Понял? В горы, скажи!

Вали закивал головой, тут же развернул коня и поскакал обратно. А Курбан побросал под куст все лишнее, что у него было с собой, и не спеша тронулся вперед. В голове у него еще не было определенного плана, но он чувствовал, что должен сделать что-то обязательно, в руках его была теперь судьба всего каравана.

Скоро Курбана заметили, и один из нукеров, видимо старший, замахал рукой, приказывая подъехать. Курбан и сам направлялся в их сторону.

Всадников было человек семьдесят, все сытые и хорошо вооруженные. Начальник, плотный человек с висячими усами, подозвал Курбана к себе.

— Куда едешь, юноша, и откуда?

— Из Кеши в Душак, отец.

— Караван не попадался тебе с грузом случайно?

— Попадался.

Один из нукеров повернулся к усатому:

— Ну что я говорил? Точно, они здесь где-то рядом должны быть.

Усатый снова спросил Курбана:

— А куда они шли? В какую сторону?

— Я их обогнал как раз возле Кеши. Они-то медленно шли, а моя лошадь хоть с виду и не очень, зато ходит хорошо.

— Я и сам вижу, какая у тебя лошадь. Ты скажи, куда они шли? Что они везли, видел?

— Что везли? Мне показалось, что оружие, потому что из тюков ружья у них торчали. А вот куда шли, не знаю, мне самому интересно было, но я не спросил, боялся.

— Я не про то тебя спрашиваю! В какую сторону? Это ты видел?

— В сторону вон ту. Я потом оглянулся, они туда поворачивали,— Курбан показал рукой направление.

Усатый больше ничего не стал спрашивать. Он крикнул что-то своим нукерам, и весь отряд поскакал туда, куда показал Курбан.

Узнав о том, что нукеры хивинского хана уже пируют в доме Ниязмухамеда, Арнакурбан-сарык пришел в бешенство. Ему не сиделось дома, он вышел на улицу и поглядел по сторонам. Аул был тих, как будто ничего особенного и не происходило. Арнакурбану казалось, что сама земля должна взбудоражиться от такого бесчестья: ее враги веселятся на ней, как у себя дома. «Эх, собрать бы сейчас человек сорок джигитов,— думал Арнакурбан,— да разогнать их как следует. А самому баю — камень на шею — и в реку!» Но думы эти были неосуществимы, и сам Арнакурбан прекрасно понимал это. Он горестно вздохнул и присел возле своей кибитки, прислонясь спиной к ее камышовой стене.

— Арнакурбан, о-ов! О чем задумался? — услышал он вдруг голос.

Арнакурбан поднял голову и узнал своего односельчанина.

— А, здравствуй, Анаал-ага!.. Вот сижу, о жизни нашей думаю.

— Думай, думай, дорогой... Мядемин уже пришел. А где ж твои друзья с оружием, все еще не приехали?

— Нет, не приехали. Я сам их жду. Должны вот-вот вернуться.

— Ну да, вернутся, когда Мядемин уйдет. Я историю такую слышал. Один бедняк пришел к богатому соседу и просит: «Дай мне денег взаймы, поминки по отцу справить». А тот отвечает: «Сейчас денег нет, приходи дней через десять». Знаешь, что ему бедняк на это сказал?

— Что?

— Он сказал: «Через десять дней поминок уже не будет...» Вот так и твои друзья, вернутся, когда уже нас Мядемин раздавит всех, как козявок!..

— Что ж ты мне это говоришь? Я что, какой-то особый сарык, не такой, как другие? Моей голове терпеть то же самое, что и остальным.

— А зачем надо было на чужих рассчитывать? Зачем текинцев просить? Унижаться перед ними?

— Такие уж мы, сарыки. И предки наши любили просить, даже если знали, что им откажут.

Аннала эти слова рассердили.

— У сарыков никогда предки не попрошайничали, Арнакурбан! И если кто-то говорит так, то пусть он ест навоз моего жеребца!

— Тогда и отнеси навоз своего жеребца своему отцу. Потому что именно он нам рассказывал легенду о том, как сарыки стали попрошайками.

— Что это за легенда? — недоверчиво спросил Аннал. Его отец был известным мастером рассказывать всякие случаи и истории.

— А легенда такая, что один старый сарык еще давно-давно возвращался домой из Иолтани, проходил мимо бахчи, и вдруг захотелось ему очень дыни. Подошел он к хозяину и попросил. А хозяин был такой жадный, ну как тот богач, про которого ты говорил, и дыню ему не дал. И тогда старый сарык запел такую песенку:

Шел домой из Иолтани,
Одну дыньку попросил.
И не даст — ведь знал же сразу,
А зачем-то попросил...

С тех пор сарыки стали попрошайками.

Аннал-ага не нашелся что ответить, потому что не мог назвать ложью рассказ собственного отца, пробур-

чал только что-то невнятное, повернулся и пошел дальше своей дорогой.

А Арнакурбан тоже встал со своего места, поглядел еще по сторонам и вошел в кибитку. Дверь он плотно закрыл за собой и накинул крючок.

— Что это ты дверь запираешь? — спросила его жена. — Дай хоть на мир аллаха посмотреть!

Но Арнакурбан прошел молча в угол и лег на подстилку, укрыв лицо доном.

— Что с тобой, Арнакурбан?

Арнакурбан злобно прорычал в ответ:

— Поминки справляю. И ты справляй!

Мысли Арнакурбана кружились все вокруг того же, но единственное, что ему оставалось, — ждать и ждать, самая худшая пытка, которая только выпадает на долю человека.

И вдруг снаружи раздался стук конских копыт. Арнакурбан тут же вскочил на ноги и чуть не запрыгал от радости: он решил, что это прибыли гонцы из Серахса. Но радость его была преждевременной. Раздался сильный стук в дверь, а за ним голос:

— Плати за топор!

Это были нукеры Мядемина. Двое из них уже протиснулись в дверь, крючок с которой отлетел после первого же удара.

Молодой нукер, видно еще не привыкший к такому ремеслу, был слегка смущен, зато другой громко закричал:

— Ты что оглох, что ли?

— Мы заплатим, только душу оставьте в покое.

— Нужна нам твоя душа! Плати за топор!

Арнакурбан оглядел внутренность кибитки, выбирая, чем бы полегче откупиться, сопротивляться этим громким — он знал — пустое дело, все равно еще больше отберут. Но старший нукер не стал дожидаться, сам схватил первую попавшуюся на глаза вещь — небольшой, но красиво сотканный коврик, зажал его под мышкой и, подтолкнув младшего, вышел вслед за ним на улицу.

Арнакурбан тоже чуть погодя высунулся из кибитки. На улице толклись штук тридцать верховых лошадей, со всадниками и без них, одни уже притачивали награбленное к седлам, другие еще только ломились в двери соседних кибиток. Отовсюду несло:

— Плати за топор! Плати за топор!

.. После того как посланник Ирана Афсалеллы вернулся к шаху Насреддину, из Ирана пришло новое послание, теперь уже от имени визиря Садрыгазама. В послании говорилось, что туркмены, если они хотят получить помощь, должны выполнить немедленно одно из условий договора, а именно: отправить в качестве залога в Иран сорок своих семей.

В Серахсе был день отправки этих семей. Стоял гомон, шум, и, хотя уезжало только сорок семей, казалось, что все текинцы покидают родину. Потому что почти все в Серахсе были какая-нибудь да родня друг другу, и провожать отъезжающих собралось почти все население округи. Тут и там валялись бурдюки с водой, заготовленная впрок провизия, подстилки, узлы... Одни тащили уки черных кибиток, другие привязывали их к верблюдам... В общем, все это напоминало большое племя скотоводов, сделавшее привал у колодца с водой.

Ораз-яглы, Каушут-хан, Пенди-бай и Сейнтмухамедишан стояли чуть в стороне и наблюдали за сборами. Со стороны к ним подскакал человек, спешил и подошел к Ораз-яглы. Это был его сын Сахит-хан.

— Звали, отец?

Старик переложил посох из одной руки в другую.

— Сынок, хан тебя звал, что-то он тебе сказать хочет.

Сахит вопросительно уставился на Каушута.

— Братишка, я хочу, чтобы ты тоже поехал в Иран. Поедете вдвоем с Мамедрахимом,— Каушут показал в сторону сына Непес-муллы, стоявшего тут же рядом,— и возьмете расписку о том, что сорок наших семей оставлены в залог. Оба вы грамотные, поэтому я вас и посылаю.

— Я готов, хан...— неуверенно ответил Сахит.— Только как мы возьмем эту расписку? Разве нас пустят к шаху?

— К шаху вам идти и не надо. Расписку вам даст его визирь Садрыгазам. А визиря вы легко найдете.

В это время из-за холма Аджигам раздались ружейные выстрелы. Люди повернулись туда и увидели одинокого всадника на холме.

— Да это же Ягмур! И лошадь его! — узнал кто-то.

Ягмур был одним из тех, кто уехал с караваном. Очевидно, Непес-мулла выслал его вперед, чтобы оповестить людей о благополучном возвращении каравана.

Выстрелы были знаком того, что экспедиция закончилась успешно.

Несколько молодых парней уже вскочили на своих лошадях и поскакали навстречу Ягмуру.

Как всегда, почуяв большое скопище народа, появился откуда-то Атаназар-слепец. Он пел все одну и ту же песню, которая вот уже несколько лет как не сходила с его уст. И люди, и даже верблюды оглядывались в его сторону. Впереди шел внук в черной взрослой папахе, и то ли от нее, то ли вправду так было — казалось, за прошедшие полгода он сильно повзрослел.

Многие подходили к Атаназару и здоровались с ним, внук тоже, как большой, протягивал свою руку.

— Атаназар, что слышно, о чем люди говорят? — спросил его Пенди-бай, как только слепой подошел к яшули.

— Люди много о чем говорят. Но больше всего говорят о том, что в Мары пришел Мядемин-хан и хочет или сговориться с текинцами, или наказать их.

— С чего ты взял, старик? — настороженно спросил Ораз-яглы.

Атаназар повернул голову в его сторону, протер глаза, как будто они были зрячими, и ответил:

— Люди так говорят, хан-ага. А то зачем бы ему войско такое за собой вести? Не иначе как воевать.

Сейтмухамед поднял руки к небу:

— Да поможет аллах текинцам! Пусть он сделает так, чтобы пуля Мядемина в него самого попала! Ничего! Мулла тоже не с пустыми руками идет. Найдется кому нас защитить!..

Теперь все ждали возвращения каравана, который вот-вот уже должен был появиться. Но в противоположной стороне на горизонте показались несколько всадников, быстро скакавших в сторону крепости. Когда они были уже довольно близко, переднего из них узнал Ораз-яглы. Это был Бабанияз-аталык. Два года назад Ораз-яглы видел его в Хиве среди приближенных Мядемина. «Видно, прав этот бродяга, — подумал про себя старый хан, — в самом деле Мядемин что-то затевает».

Всадники подскакали прямо к яшули и перед ними остановились. Бабанияз соскочил с лошади, сначала подал руку Оразу-яглы, а потом и всем остальным.

— Саламалейкум! Мы привезли письмо от Мухамеда Эмин-хана и хотим вам передать его.

Бабанияз вынул из-за пазухи своего хивинского дона желтый бумажный свиток и протянул его Оразу-яглы, но старый хан не взял его, а указал в сторону Каушута:

— Текинский хан Каушут-хан! Если у вас сообщение, говорите с ним.

Бабанияз-аталык, хорошо умевший кланяться перед ханами, красиво склонил голову перед Каушуттом, и его товарищи, все еще сидевшие на своих конях, повторили это же движение.

Каушут взял свиток и повернулся к Сахит-хану:

— Сахит, отведи в дом гостей. Пусть их накормят и дадут отдохнуть.

Сахит кивнул и сделал прибывшим знак следовать за собой.

После того как гонцы ушли, Каушут подозвал Мамедрахима. Когда тот подошел, Каушут повернулся к Сейитмухамеду:

— Ишан-ага, вы позволите прочитать, что нам прислали?

Ишан кивнул, и Каушут протянул свиток Мамедрахиму.

— «Каушут-хану.

Низкий поклон народу Серахса от Мухамеда Эмин-хана, прибывшего в Мары со своим войском и боевым снаряжением. Каушут-хан, как только мои гонцы доберутся до вас, повелеваю с одним из них сразу же прибыть в Мары. Есть разговор.

Хивинский хан Аллакули-хан оглы Мухамед Эмин».

После того как послание было прочитано, некоторое время все молчали. Первым заговорил Ораз-яглы:

— Что ж, видно, дело далеко заходит. Ты — хан, Каушут, ты и решай, что делать. Но если слушаешь нашего совета, то палка, Каушут-хан, о двух концах. Если ты не пойдешь к Мядемину, тогда Мядемин придет сюда. Но ты поедешь с одной головой, а Мядемин приведет тысячу голов. Чем позволять врагу приходить на твою землю, лучше самому отправиться на землю врага. Раз на твою долю выпало быть вождем народа, то ты и голову должен свою вперед других подставлять... Но я думаю, пока голове твоей ничего не грозит. Видимо, Мядемин в самом деле о чем-то хочет договориться. Если условия такие, что наш народ может их принять,

лучше уступить пока. А уж если нет — что ж, увидим, что нам суждено увидеть.

Каушут задумался на минуту.

— Ты прав, яшули, надо мне идти. Другого выхода нет.

— Если ты послушал, хан, один совет, послушай и второй. Идти лучше всего к Мядемину не раньше, чем отправится залог. Думаю, будет хорошо, если ты скажешь гонцам, что будешь через неделю.

Такой срок Ораз-яглы назвал, потому что рассчитывал, что если заложники поспешат, то дней через шесть-семь уже будут в Мешхеде. А если пойти к Мядемину раньше, то слух об этом может добраться до шаха, и он подумает, что текинцы ведут двойную игру: сначала сговариваются с хивинским ханом, а потом отправляют людей к шаху. Да и с Мядемином легче будет разговаривать, когда иранский договор уже войдет в силу.

Каушут-хан и во второй раз согласился с Оразом-яглы.

Каушут отошел от яшули и принялся поторапливать отъезжающих. Вскоре нагруженные инеры тронулись в путь. Люди плакали, прощаясь друг с другом. Каушут старался ободрить их как мог, подходил, прощался с каждым отъезжающим.

Люди постарше и сами, как им ни горько было покидать родную землю, успокаивали родных. Один бородастый яшули уговаривал женщину с ребенком на руках:

— Перестань, невестка, не плачь, аллах поможет, и мы вернемся назад. Видно, уж нам суждено это! Баба-гаммар, ов! Гаммарбаба, ов! Когда мы с твоим отцом вернемся, ты уже будешь бородастым джигитом!

А по лицу его самого катились слезы.

Хан подошел к яшули, поздоровался с ним. Старик ответил на приветствие, но лицо отвернул, чтобы хан не видел, как он плачет.

— Отец, мужайся! — сказал ему Каушут-хан.

С неба закапал светлый весенний дождь. В другое время яшули погладил бы бороду и сказал: «Лей, дождик, лей, слава аллаху!» Но теперь ему казалось, что само небо плачет, глядя на то, как туркмены покидают родные места.

На холме Аджигам показался наконец долгожданный караван. Непес-мулла вез ружья и боеприпасы, добытые в Ахале.

Каушут-хан сразу же забыл обо всем остальном и, не в силах устоять на месте, сам пошел навстречу каравану. Он даже не замечал, что несет в руках свою папаху, а весенние капли падают на его лысую голову и стекают струйками по лицу.

Третьего марта 1855 года Каушут-хан прибыл в Мары. Сопровождал его Непес-мулла. Каушут привез с собой богатый шелковый халат — дар хивинскому хану от народа Серахса. Но Мядемин был сначала настолько разгневан его опозданием — а Каушут действительно, послушав совета Ораза-яглы, отправился в путь только спустя четыре дня — что даже не встретил гостей, а принесенный подарок с досадой отбросил в сторону.

Однако мудрый Мухамед Якуб Мятер посоветовал хану смирить бесполезный гнев и переговорить сперва с пришедшими, а халат он подобрал с пола, чтобы такое пренебрежение к их дару не обидело гостей, и сказал, что должен показать войску подарок, привезенный от туркмен «великому хану».

Мядемин велел позвать гостей. Он небрежно с ними поздоровался и даже не предложил сесть.

— Значит, правильно туркмены говорят: лучше поздно прийти, да на своих ногах. Спасибо, что наконец пожаловали. Впрочем, воля ваша, вы здесь хозяева.

Хан чуть не прибавил «пока», и Каушут почувствовал это.

— Хан-ага, мы виноваты перед вами. Но тут уж воля аллаха! Я хан у текинцев, и послать кого-нибудь вместо себя к такому великому вождю, как вы, посчитал недостойным. . .

— А почему сам не мог сразу прийти?

— На то есть причина, хан-ага.

— Какая же, говори?

— А если говорить, хан-ага, то в прошлую пятницу я справлял поминки по отцу.

— Год исполнился?

— Нет, семь лет.

— А что, у вас все после семи лет справляют поминки?

— Покойный отец мне перед смертью сказал: «И через семь лет устрой по мне поминки и отдай мулле мой хивинский дон».

Мядемин теперь немного успокоился. Он подумал, что действительно нет смысла сразу ссориться с текинским ханом, раз уж все равно он пришел...

— Ну ладно, хоп. Я согласен.— Хан хлопнул себя по ляжкам.— Теперь будем обедать.

Хан позвал слуг и велел вносить еду. Появилось и несколько человек из приближенных Мядемина.

За обедом хан окончательно смиростивился. Он сам предлагал Непесу и Каушуту кушанья, спрашивал, нравится ли им. Каушуту прислуживала молодая стройная женщина, она садилась то справа, то слева от него, клала прямо в рот виноград, пододвигала к нему фрукты... Но Каушут от этой заботы только чувствовал сильную неловкость и терпел лишь из-за того, что считал — гость должен подчиняться всем порядкам дома, в который пришел.

Мядемин, желая приободрить его, сказал:

— В нашем народе, Каушут-хан, самая прекрасная женщина прислуживает тому, кто ей больше всех понравился.

Каушут не нашелся что ответить на это и на всякий случай решил похвалить угощение:

— Повара у вас, хан-ага, замечательные! Так готовят, что ешь, ешь и оторваться не можешь. Дай вам аллах сто лет жизни!

Но Мядемин на эту похвалу обратил мало внимания. Видно, на уме у него было что-то другое.

— Хан, раньше мудрые люди, стоявшие во главе двух народов, для своего блага и для блага своих подданных объединялись родством. И потом уж не враждовали, а почитали друг друга.

Тут только Каушут сообразил, что задумал хан, и ему стало от этого даже немного не по себе. Но ответить он постарался как можно вежливее.

— Что ж, это верно, хан-ага, действительно мудрый обычай. Было бы мне лет на двадцать — тридцать поменьше, и я бы об этом подумал. Да теперь уж такие годы...

— Ну нет, хан, не спеши себя стариком считать. Человек и в семьдесят еще жить не бросает. А тебе-то, наверное, всего еще пятьдесят. А что такое пятьдесят для мужчины? Тем более для хана?

— Хан-ага, я взял себе одну жену. Мне ее пока вполне хватает.

Хан насмешливо поглядел на Каушута, словно желая сказать: «А чья дочь твоя жена, чтобы ей такая честь была?» Но продолжать разговор о женитьбе больше не стал. Он и сам понял, что это глупо.

После того как обед был закончен, все лишние удалились, и хан приступил к серьезному разговору.

Начал хан с того, что напомнил о событиях, произошедших в Мары десять лет назад. Тогда он, Мядемин, мог перерезать всех туркмен до единого, но, как мусульманин, не сделал этого, пожалел туркменский народ. И теперь он хочет, чтобы люди понапрасну не лили свою кровь.

Каушут в очень вежливых выражениях и стараясь не перечить хану отвечал, что сильным на то и дана сила от аллаха, чтобы они были мудрыми и справедливыми и не разоряли, а, наоборот, защищали более слабые народы. А о том, что случилось в Мары десять лет назад, он и сам очень жалеет и надеется, что этого больше не повторится.

Ханские слуги внесли чай в красивой посуде и удалились. Мядемин взял пиалу, знаком предложил гостям сделать то же и продолжал:

— Хан, давай говорить в открытую. Мы тебя пригласили совсем не для того, чтобы набиваться в родственники. Поскольку мы соседи, мы и жить должны в мире и согласии. А как это сделать — об этом я и хочу договориться.

— Благодарю за вашу откровенность, хан, мы и раньше знали, что вы желаете нам добра. Это каждому человеку ясно, что нет ничего лучше, чем жить в мире и согласии.

— А если ясно, хан, тогда надо помогать друг другу.

— Мы и с этим согласны. Но только хорошо, когда помощь бывает взаимной.

— Верно, хан. Положение ваше тяжелое, это ты должен знать не хуже меня. С одной стороны — Иран, с другой — Аймак... Если Хива не встанет на защиту туркмен, то все туркмены скоро переведутся. Но для того, чтобы защищать друг друга, нужно большое войско.

— Это понятно, хан-ага.

— И у нас такое войско уже есть. Но его надо кормить, одевать, где-то держать. Я думаю, то решение, к которому пришли наши мудрецы, и вас устроит.

— Я слушаю вас, хан-ага, говорите.

— А если говорить,— Мядемин пристально поглядел в глаза Каушуту,— мы решили, что серахские туркмены должны переехать в Мары. За спиной у туркмен должна стоять Хива, а не Иран.

Каушут опешил от такого предложения. Он даже не мог сразу сообразить, что ответить, и минута прошла в молчании.

— Так что же, согласны вы или нет?

— Боюсь, что сделать сейчас мы этого не сможем. Дело в том, что в Мургабе воды мало... Надо сначала подумать об этом. Если только запруду поставить, но сперва надо выбрать место...

Хан сощурил глаза:

— Запруду, говоришь? Хан, я тебя слушаю, и мне начинает казаться, что ты хочешь мне сказку рассказать. Но в моем народе есть такие сказочники, что могут сорок дней подряд говорить и ни разу не повториться.

Тут Непес-мулла, молчавший до этого времени, решил, что и ему пора вставить слово.

— Хан-ага! Допустим, вы и правда хотите защитить теке. Но почему бы вам не сделать это на том месте, где они сейчас живут?

Мядемин холодно поглядел на муллу, точно говоря: «А ты-то куда лезешь?»

— Переселять теке в Мары — это все равно что толкать их к смерти.

— Значит, вы в самом деле думаете, что я хочу уничтожить вас? Но я мог бы сделать это и без всякого переселения.

Тут снова заговорил Каушут:

— Хан-ага, даже если вы этого не хотите, все равно получается так. В самом деле, серахские туркмены не смогут прожить в Мары.

— Почему?

— Потому что воды Мургаба не хватает даже тем, кто живет в Мары. А если придут еще и другие, в реке не останется ни капли. Вы должны были подумать об этом.

Мядемин об этом не думал. Но признаваться ему не хотелось, и поэтому он сказал:

— Я и об этом подумал. Все равно, этого требует наша общая польза.

— Но видите, так получается, что ваш план не может не вызвать у нас подозрений.

— И все равно это необходимо.

— В таком случае, хан-ага, дайте нам еще неделю подумать. Сразу мы не можем ответить вам.

Мядемин, считавший, что сколько ни откладывай, а все равно текинцам придется выполнить его волю, согласился с Каушутом и дал ему еще неделю срока.

Через неделю Каушут снова приехал в Мары, теперь уже с Сейитмухамед-ишаном. Долгих церемоний на сей раз не было, Мядемин сразу же провел их к себе и приступил к делу. Но разговор теперь начался с другого. Хан прослышал о сношениях Серакса с Ираном, и этот вопрос сильно интересовал его.

— Хан, мы узнали, что вы получали письмо от шаха Насреддина. Это верно?

— Верно, хан-ага.

— И что же вам предлагает шах?

Каушут пересказал хану содержание письма, пришедшего из Тегерана. Как только он закончил, хан хлопнул себя по колену:

— Нет, так не должно быть! Вы нарушите этот договор! За спиной текинцев должна стоять Хива, а не Хорасан!

Сейитмухамед почтительно, но твердо вставил:

— Пусть аллах волеет в вашу душу терпеливость и снисходительность, хан-ага, но мы не можем нарушить договор.

Мядемин удивленно раскрыл глаза.

— Ишан говорит правду, хан-ага. Ведь у нас договор не только на словах. Во-первых, текинцы платят дань Хорасану — одну сороковую, а во-вторых, Иран взял у нас людей в залог.

Мядемин надолго замолчал. Наконец он крикнул:

— Чилим!¹

Вошел кальянщик и поставил перед ханом дымящийся кальян. Хан глубоко затянулся.

— Сколько семей?

— Сорок.

¹ Чилим — табак.

Хан снова запыхтел кальяном. Он и не подозревал, что сношения Серахса с Ираном зашли так далеко. Он злился на то, что иранский шах опередил его. Но, с другой стороны, теперь у Мядемина был прекрасный повод поссориться с Насреддином и развязать войну, на которую давно толкала его непомерно разросшаяся гордость. Хотя вилайет Хорасан и был намного больше Хорезма, но такого большого войска, как у Мядемина, он не имел. Поэтому хивинский хан не очень-то опасался Насреддина.

— Хо-оп! Вот, значит, как!.. Ну и что вы думаете теперь делать?

— Хан-ага, у нас в народе говорят: «Пусть аллах сам решит, что делать». Видно, что бог пошлет нам, то и будет.

— Что же, аллах велит вам быть рабами Хорасана?

— Мы не пророки, хан-ага, чтобы говорить за него. Но раз аллах поставил нас в такое положение, наверное, мы и должны подчиниться Хорасану.

Мядемин отставил кальян в сторону и пошел на последний приступ.

— Мухамедэмин пришел сюда, чтобы не спорить с вами. Мы пришли для того, чтобы породниться.

Сейитмухамед склонил голову:

— Туркмены тоже очень любят родниться, хан-ага. Мы были бы очень счастливы иметь такого большого родственника, как Хива.

— Братья, не сосавшие молоко одной матери, становятся родными, когда помогают друг другу. Знаешь ли ты это, ишан?

К Сейитмухамеду впервые за много лет обратились на «ты», но он сделал вид, что не обратил на это внимания.

— Знаю, хан-ага.

— А если знаете, текинцы, тогда не надо стараться удержать два арбуза в одной руке, надо разорвать с Насреддином, потому что для текинцев не может быть ближе родственника, чем Хива.

— Хан-ага, но не выйдет ли как раз наоборот — за двумя зайцами погонимся и ни одного не поймем?

— Нет, не получится, потому что обоих зайцев вам заменит Хива. Прямо тебе говорю, Каушут-хан! Кроме добра, мы вам ничего не желаем. Поэтому и вы должны выполнить наше условие.

— Какое же?

— То, о котором мы говорили.

— Чтобы текинцы перебрались в Мары?

— Вот именно.

— Хан-ага, это ваше условие Серахс выполнить не может.

Мядемин ничего не ответил и продолжал смотреть на Каушута.

— Хан-ага, мы уже с вами говорили об этом, теперь я посоветовался со старейшинами, и они сказали то же. Вы знаете, наверное, почему туркмены живут разрозненно. Может быть, сам аллах, желая избавить нас от охотников на наши земли, поселил нас в таких трудных местах. Об этом нам ничего не известно. Мы знаем только то, что жить нам приходится врозь, хотя мы и рады были бы жить вместе со своими родственниками-сарыками или родственниками-ахальцами. Но мы не можем перейти к ним: аллах дал каждому племени воды и земли ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Конечно, так нам труднее помогать друг другу, но и зла, слава богу, мы тоже не делаем.

— Можешь дальше не говорить, мне все ясно. Толку в вашем славословии никакого нет. И вам все равно придется перебраться в Мары, хан.

— Я уже ответил, что Серахс на это не согласен.

— Это ваше последнее слово?

— Туркмены отвечают за каждое свое слово, хан-ага.

— Ну что ж, тогда вам придется ответить и за эти, но уже не в разговорах, а на поле боя.

— Ай, хан-ага! Если другого выхода нет, то каждого коня вынесут свои копыта!

На этом разговор закончился. На обратном пути Каушут и Сейитмухамед-ишан не могли никак успокоиться и забыть подробности этой словесной перипетии с Мядемином.

— Да, отец ишан,— сказал Каушут по дороге,— когда ешь виноград, обязательно остаются косточки.

— Как бы эти косточки не обошлись нам слишком дорого!

— Вы знаете, отец, говорят и по-другому: если держишь щит, то сабля ударяется о щит, а если его нет, сабля сносит голову. Толыми руками они нас не возьмут. Еще посмотрим, чьи щиты крепче!..

Теперь уже не было никаких сомнений, что войны с Хивой не избежать. Собственно, и оснований-то не было никаких думать по-другому. Из самого приглашения Каушут-хана на переговоры, из того, как вел себя на них Мядемин, напрашивался только один вывод: он не просто ревнует туркмен к Ирану, а жаждет крови. Когда появляется такая жажда, тут уж ничто не поможет, как ни старайся.

Для Каушут-хана оставался только один выход: встретить врага с гордо поднятой головой, показать ему свою силу и отвагу. А сделать это можно только в открытом бою.

Каушут-хан прежде всего решил привести в порядок стены старой Серахской крепости, хотя для обороны эта крепость уже не могла иметь особого значения. Однако же, если в самых уязвимых местах поднять стены, а ворота закрыть щитами и колючей дерезой, все-таки будет лучше, чем оставаться просто в открытом поле. К началу сражения народ должен будет собраться в крепости. Каушут-хан разослал по аулам гонцов, чтобы собрать в Серахсе всех мужчин от пятнадцати до пятидесяти лет в среду, до восхода солнца. Ввиду особой важности предстоящего дела Каушут предупредил о строгом наказании, которому будут подвергнуты все, кто захочет уклониться от выполнения приказа. Хотя год считался теплым, утро назначенного дня было неслыханно холодным. Старики говорили, что зима припрятала один из своих дней и теперь, в разгар весны, выпустила его на свет.

Каушут-хан не смог в эту ночь уснуть до самого рассвета. Он вышел рано, еще до утреннего намаза. Будучи уже в крепости, услышал голос Сейитмухамеда, только что начавшего читать утреннюю молитву «Алла-хи акбер». Еще звучали над крепостью слова азана¹, еще Каушут не окончил осмотр крепостных стен, а люди, кто верхом на лошади, кто на ишаке, кто пешком, уже начали стекаться со всех сторон к назначенному месту. Текинцы хорошо понимали, что опасность нависла над каждым из них, поэтому без особых уговоров, с усердием приступили к работе еще до восхода солнца. Когда оно взошло и загорелось на безоблачном небе, можно

¹ Аз а н — молитва.

было подумать, если не смотреть на голую, еще покрытую коркой землю, что начинался жаркий день лета. На самом же деле была весна, и промозглый северный ветер заставлял людей ежиться от холода.

С северной стороны подъехал на тощей кобыленке юноша, быстро соскочил на землю, нашел своих аульчан и взялся за работу. Каушут-хан заметил опоздавшего и велел позвать его.

— А ну, пусть подойдет ко мне этот лентяй!

Вид у хана был грозный, голос его выражал гнев. Юноша воткнул лопату в землю и робко подошел к хану.

— Саламадейкум, хан-ага!

— Вaleyкум,— нехотя ответил хан Каушут, и было ясно, что ничего хорошего ждать от него в эту минуту нельзя.— Кто тебе позволил опаздывать?

Юноша опустил голову.

— Хан-ага, я тысячу раз виноват перед тобой. Искуплю свою вину работой.

— Разве до тебя не дошел приказ хана?

— Дошел, хан-ага.

— Значит, ты лучше всех тех, кто начал работу до восхода солнца?

— Не лучше, хан-ага. Так получилось, я тысячу раз виноват, хан-ага.

— А раз виноват, придется наказать тебя за нарушение нашего приказа.

— Хан-ага, солнце только что поднялось, я успею...

— Ты опаздываешь, ты нарушаешь приказ хана и еще огрызаешься? Снимай свой дон!

Юноша поколебался немного, но тут же понял, что хан разгневался не на шутку. Он стал снимать свой халат, но делал это с насилием над собой, без охоты. Нет, он не боялся холода, он стыдился, что люди увидят грубые заплатки и прорехи на его нищенской рубашке. Каушут-хан подошел к провинившемуся, вырвал дон и отшвырнул его в сторону.

Юноша, не попадая зуб на зуб от холода, спросил с дрожью в голосе:

— Долго мне так стоять, хан-ага?

— До тех пор, пока не сможешь в следующий раз нарушать приказ хана. Я сам скажу, когда одеваться.

Когда Каушут-хан проходил мимо людей, кто-то бросил ему вслед:

— Хан, вместо того чтобы привязывать на холоде парня, заставь лучше его попотеть с лопатой.

— Я сам знаю, что лучше.

Каушут-хан ушел прочь.

— Это уж слишком! — сказал кто-то.

— Зачем же мучить так человека!

— Мы-то думали, что из всех ханов он самый добрый.

— Где это видел ты добрых ханов?!

Юноша оказался тихим и послушным, и после ухода хана он не посмел даже изменить позы, стоял как привязанный. А ветер все напирал с северной стороны, и юноша уже дрожал всем телом.

Никто из людей не одобрял жестокости хана, но никто и не попытался просить у него прощения за бедного юношу.

За работой у северной стены присматривал Тач-гок сердар. Когда он явился и заметил раздетого на лютom холоде юношу, спросил с недоумением:

— Что это значит, люди?

Люди с возмущением отвечали:

— Это новая выходка хана, сердар.

— Он наказал парня за опоздание.

— Разве можно так наказывать за опоздание!

Каушут-хан оглянулся издали, увидел сердара, разговаривающего с людьми, повернул назад. Он и не предполагал, что сердар может его осудить. Но Тач-гок, как только Каушут приблизился, спросил:

— Хан, как все это понимать?

— Наверное, тебе уже объяснили?

— Если это так, то мы не хотим иметь с тобой никаких дел, хан.

Лицо Каушут-хана посуровело. Не успев еще ответить сердару, он вдруг понял, что говорит совсем не то. Но слова сами вырвались из его уст:

— Вот такой я человек, сердар!

Сердар также не ожидал подобного ответа, но решил не уступать. Он поднес руку к ножнам, выхватил саблю.

— В таком случае, хан, вот тебе сабля. Хочешь, беришь за эфес, хочешь — за лезвие.

Каушут-хан вспыхнул. Не было ничего удивительного в поведении Тач-гок сердара, хотя он дрожал от гнева. В эти короткие минуты Каушут-хан успел подумать,

что сердар разгневался неспроста. Продолжая считать себя правым, Қаушут-хан все же решил уступить Тач-гоку.

— Эх, сердар, если бы это не ты... А потому оставь свою саблю на месте.

Қаушут-хан поднял с земли дон и бросил его дрожавшему юноше. Тач-гок после этого понемногу стал успокаиваться. Чтобы не слышали окружающие их люди, сердар сказал тихо, почти шепотом:

— Хан, не обижай невинных, накажи, если можешь, виновных, накажи тех, кто снимает головы безвинным твоим подчиненным. От того, что ты привяжешь на холоде бедного юношу, ни ты, ни твои люди ничего не выиграют.

Қаушут-хан понял, о чем говорил сердар. Он и сам уже задумывался над этим. Но суматоха последних дней мешала ему заняться поисками убийцы Ораза.

Весь Карабурун был в страшной панике. А Ходжам Шукур поднял на ноги своих родственников, озабоченный только тем, как бы лучше встретить Мядемина. Узнав от гонца из Караяба, что Мядемин-хан намеревается сделать остановку в Карабуруне, Ходжам Шукур не в силах был усидеть на месте, словно наступил на горящий уголек. Уже закончены были все приготовления для встречи, и все же Ходжаму Шукуру казалось, что чего-то еще не хватает. А не хватало девушек для Мядемина. Но потом он вспомнил, что Мядемин никогда не отправляется в путь без этого добра, понемногу успокоился.

Одиннадцатого марта 1855 года, во второй половине дня, войска Мядемина подошли к окрестностям Карабуруна. Как только со сторожевой вышки заметили черные точки приближавшегося войска, Ходжам Шукур в окружении свиты приближенных к нему людей сел на коня и выехал навстречу высокому гостю. Одна лошадь в свите шла без всадника, к ее седлу был приторочен белоснежный баран.

Заметив впереди конной группы ханскую лошадь и на ней самого Мядемина, Ходжам Шукур сделал знак сопровождавшим его всадникам остановиться.

Ханская свита пришла в изумление перед необычным поступком Мядемина. Никогда еще она не была

свидетелем такого унижения хивинского хана. Шагах в десяти от встречавших хана Мядемин остановил коня, сошел на землю, отдал повод Мухамеду Якубу Мятеру и пешком пошел навстречу Ходжаму Шукуру.

Ходжам Шукур, глядя на идущего к нему хана, подумал, что ему снится сон. Растерявшись, он не мог выскользнувшую из стремени ногу вернуть тотчас же на место и поэтому неуклюже сполз с лошади и бросился к Мядемину. Не добежав двух шагов, остановился как вкопанный и не знал, как поступать дальше. Преодолеть последние два шага и заключить хана в объятия? А вдруг это не понравится ему и он придет в негодование от такого неслыханного вольнодумства? Ходжам Шукур стоял в нерешительности. И тут произошло неожиданное, о чем Ходжам Шукур не мог подумать даже во сне. Хан ханов, всемогущий Мядемин сам распахнул для него объятия. Оказавшись в ханских руках, щедушный Ходжам Шукур на миг позабыл обо всем на свете. На глаза его навернулись слезы. К горлу подступил комок, и Ходжам Шукур не мог произнести ни слова. Такого почета он не видел за всю прожитую жизнь и, разумеется, никогда уже не увидит за всю оставшуюся.

Наконец он пришел в себя, вынул из-за пазухи богатого дона два гулача¹ шелковой ткани и повязал ее вокруг пояса хана. В ту же минуту молодой джигит, держа в поводу лошадь с белоснежным бараном, подъехал к хану и остановился перед ним. Быстро отвязал и сбросил барана на землю. Парню не доводилось раньше видеть так близко великого хана. Сделав свое дело, он опустил голову, не смея взглянуть на высокого гостя. Потом, собрав все свое мужество, громко сказал:

— Хан-ага, саламалейкум!

Вместо ответа Мядемин слегка улыбнулся, кивнул головой. Это была первая улыбка Мядемина за последние шесть дней.

Ходжам Шукур выдернул из-за пояса нож и протянул его хану.

— Хан-ага, — сказал он, — если вы собственной рукой прирежете овцу, это будет большой милостью для нас.

¹ Гулач — расстояние протянутых рук.

Мядемин несколько удивился, но, подумав, что имеет дело с обычаем туркмен, принял нож.

Нет, это не было обычаем туркмен, это была выдумка Ходжама Шукура, которому очень хотелось угодить хану. Мядемин наклонился над связанным бараном и острым ножом перехватил горло.

— Вот так, не мучая, режут скотину только добрые люди! — угодливо воскликнул Ходжам Шукур, глядя на вздрагивающего в предсмертных судорогах белоснежного барана.

Юноша снова поднял в седло еще не остывшую тушу и помчался в аул.

В Карабуруне, когда въехали туда хан и его свита, Ходжам Шукур приказал дать несколько ружейных залпов. Люди выстроились в два ряда по всей улице, разглядывая Мядемина, красовавшегося на богато убранном коне. Ребятишки, не понимавшие, что за птица этот хан и зачем он пожаловал к ним в аул, горланили свою песенку, которую они часто распевали во время своих забав:

Ходжам Шукур — наш хан,
Степная трава — наш хлеб.
Если высохнет трава,
Что же мы будем есть.

Ходжам Шукур, вне себя от радости, не прислушиваясь к песенке детворы и не понимал, что поют они о нем самом.

Когда подъезжали к белой кибитке, поставленной в стороне от других кибиток, откуда-то взялась пятнистая лобак и бросилась облаивать восседавшего на разукрашенном коне Мядемина. Она не знала, что нельзя лаять на великого хана, но ее привлекло исключительное великолепие одежды Мядемина и ослепительно сверкавшая сбруя ханской лошади. Она не прекратила отчаянного лая и после того, как всадники спешили перед белой кибиткой. Ходжам Шукур помог хану слезть с лошади, потом взял у одного из нукеров черное ружье и выстрелил в неразумного пса. Пуля вошла между глаз, собака с визгом отпрянула назад, чтобы вовремя удрать, но было поздно, смерть настигла ее. Мядемин оглянулся от дверей кибитки, посмотрел на вытянувшегося мертвого пса и с деланной улыбкой спросил:

— Это тоже обычай вашего народа?

Ходжам Шукур, возвращая ружье хозяину, мужественно ответил:

— Да, хан-ага, в нашем народе так поступают с собаками, которые лают на тех, на кого не имеют права лаять.

Мядемин остался доволен ответом и на этот раз улыбнулся от души.

Вода еще не успела прогреться, к тому же с севера дул холодный ветер. Келхан Кепеле вошел в реку, засунув штаны до колен, не успел простоять и минуты, как ему уже захотелось выскочить на берег. Но он посмотрел по сторонам, где женщины и девушки наполняли кувшины, не боясь холодной воды, и застыдилась.

— Лови! — крикнул он Курбану, стоявшему на берегу с верблюдом. Келхан Кепеле бросил кувшин и стал набирать воду в бурдюк. Вода набиралась медленно, булькая в узком горлышке. А тем временем кувшин, брошенный Курбану, не долетев, снова скатился с песчаной насыпи прямо к ногам своего хозяина.

Схватив кувшин, Келхан сверкнул глазами в сторону Курбана, а тот, улыбнувшись, крикнул:

— Снова бросай, Келхан-ага!

— Ну и что будет, если ты поймать не можешь?! — Все-таки раскачал кувшин и сделал более сильный бросок. Сосуд пролетел над головой Курбана, угодил в боковую стенку деревянного седла и раскололся на две части. От неожиданного удара верблюд вскрикнул и с укоризной посмотрел на Келхана.

Курбан смотрел то на две эти половинки кувшина, то на Келхана Кепеле.

— Зачем же так бросать? — наконец сказал он.

— Что-то сегодня никак не могу тебе угодить, брат. Тихо бросаю — ты не ловишь, сильно бросаю — опять не можешь поймать. Что же мне остается делать?

— Ладно, Келхан-ага, подумаешь, кувшин раскололи!

— Ты прав, стоит ли расстраиваться из-за черепка. — Келхан Кепеле поднял полный бурдюк и вынес его на берег.

Подошли девушки с кувшинами за спиной. Среди них была и Каркара.

— Что, Келхан-ага, разбили кувшин? — спросила одна из девушек вместо приветствия.

Келхан, волочивший к верблюду бурдюк, ответил:

— Если кувшин разбился, значит, он хочет стать новым.— Потом расправил спину, пожаловался на боль в пояснице и прибавил: — Приходит срок, и человек умирает, дорогая.

— Что, Каушут-хан и вас заставил воду носить? — спросил Курбан у девушек.

Каркара на людях все еще стеснялась Курбана, но тут подняла на него глаза и ответила за всех:

— Нет, Курбан, Каушут-ага не посылал нас, но дело такое, что и мы не можем сидеть дома сложа руки.

— Даст бог, и ваша помощь сгодится нам, — сказал Келхан Кепеле.— Если Мядемин пришел посмотреть на слезы наших детей, мы сами заставим его плакать. Даст бог, свернем ему шею.

— Мядемин воевать пришел, Келхан-ага?

— Нет, сестренки, он пришел мира просить, — пошутил Курбан.— Просто он давно не виделся с Келханом-ага, прибыл поздороваться.

Келхан прислонил бурдюк к верблюду, которого Курбан усадил на песок, подул на заолодевшие пальцы.

— Конечно, — сказал он, — не со мной повидаться пришел Мядемин и не с миром пришел, зачем бы тогда Каушут-хан велел в один день притащить тысячу бурдюков воды.

На запад одна за другой проходили отары овец.

Келхан Кепеле слушал блянные овец, гортанные крики чабанов, смотрел на легкую пыль, поднимавшуюся над отарами.

Каркара спросила:

— Келхан-ага, куда их гонят?

— Скот перегоняют в Каррыбент.

— Зачем, Келхан-ага?

— Если не перегнать овец, от них останутся рожки да ножки, когда придет Мядемин.

— А далеко этот Каррыбент?

— Каррыбент — это Теджен.

Услышав про Теджен, Каркара вспомнила отца, погрузилась в грусть.

— Если хорошо пойдут, завтра будут на месте, — проговорил Келхан Кепеле.

Вдоль речного берега торопливой рысцей ехал всадник. Келхан узнал в нем Самит-хана.

— Далеко путь держишь, хан? — спросил он, когда всадник поравнялся.

— Каушут-хан послал к гаджарам.

Келхан Кепеле понял все без дальнейших расспросов. Сахит-хан ехал в Иран с письмом Каушута, в котором он просил помощи от шаха, потому что Мядемни уже был на подступах к Серахсу.

— Вчера и в Ахал отправились гонцы, — сказала Каркара.

Келхан Кепеле тяжело вздохнул и начал грузить на верблюда бурдюки с водой.

— Да, — сказал он, — надо собирать своих людей в одно место.

По тропинке, ведущей от реки к крепости, ни на минуту не прекращалось движение. В крепость шли лошади, верблюды, ишаки, нагруженные бурдюками с водой, от крепости к реке спешили другие с пустыми бурдюками. Каушут-хан считал, что схватка с Мядемниом может растянуться на целый месяц, и на этот срок он решил запастись водой. Еще вчера он велел гонцам, разосланным по аулам, передать приказ о сборе людей в крепости сегодня, до послеобеденного намаза. С самого утра со всех сторон стекались люди, вокруг крепости образовался еще до полудня большой лагерь. Каушут-хан, надвинув на затылок плоскую папаху, ходил по краю старой траншеи, которую углубляли прибывшие люди. Келхана Кепеле он встретил улыбкой.

— Скажи, Келхан, — спросил он, подходя к верблюду, — с двумя бурдюками воды можешь прожить месяц?

Люди повернули головы в сторону Келхана. Вид у него был довольно смешной. Несмотря на холодный день, чекмень свой Келхан перекинул через плечо, косоворотка его была расстегнута и обнажала голую грудь. Засученные до колен штаны он тоже забыл опустить.

— Ай, хан-ага, — ответил он из-под верблюжьей головы, — я и с одним бурдюком проживу месяц, могу и совсем не пить.

Из траншеи кто-то выкрикнул писклявым голосом:

— Да ты просто верблюд, Келхан! Молодец!

— А ты что, не знал, — весело отозвался Келхан, — Келхан давно уже инер!

Люди дружно рассмеялись. Сегодня им нужна была шутка, и они весело смеялись и шутили, словно ожидал их не тяжелый бой, а веселый праздник.

— Хан-ага,— окликнул Каушута из траншеи какой-то парень,— мы дошли уже до воды, можно брать ее и в траншее.

— Слава аллаху! — воскликнул хан и, опершись руками о край траншеи, спрыгнул на дно.— Дай-ка, сынок, лопату.

Каушут привычно вскапывал и отбрасывал глину, прошел шагов десять — двенадцать, оставляя за собой канавку с жидкой зеленоватой грязью, потом распрямился и воткнул лопату. Ичиг его левой ноги до самой бахромы ушел в зеленоватую жижу. Каушут удивленно огляделся вокруг. Ребята молча последовали его примеру, дружно взялись за лопаты. И работа вскоре была закончена.

Довольный хан вылез из траншеи, стряхнул с себя глину и направился к воротам крепости. У самого входа его нагнал всадник, резко остановил загнанную лошадь.

— В чем дело, джигит?

Взмыленная лошадь раздувала ноздри, юноша также не мог отдышаться, словно все время бежал вместе с лошадыю.

— Хан-ага, Мядемин идет. Как овцы идут, пыль стоит. Видно, до заката солнца у нас будут.

Хан молча кивнул головой и вошел в крепость. На глаза ему попался подросток.

— Ты что тут бездельничаешь? — строго спросил хан.

Опустив голову, паренек робко ответил:

— Мы бурдюки прислоняли, больше делать нечего.

— Если нечего делать, тогда седлай коня и к реке, всех в крепость, немедленно.

Мальчишка мигом вскочил на чью-то уже заседланную лошадь и вихрем вылетел из ворот. Каушут-хан подошел к группе людей, укрывавших неглубокие ямы, корпечи¹. Вырытые со скосом в сторону, эти корпечи теперь предназначались уже не новорожденным ягнятам, а новорожденным детям. Дно корпечи было выстлано ветками и поверху накрыто кошмой. Убежище теплое и удобное для маленьких детей, вчера еще в таких ямах держали неокрепших ягнят.

— Как дела продвигаются, сердар? — обратился Ка-

¹ Корпечи — яма, где держат новорожденных ягнят.

ушут-хан к Тач-гоку, который руководил подготовкой корпечи.

— Последнюю накрываем, хан.

Каушут поблагодарил сердара, он был доволен, что работа везде ладилась и уже подходила к концу.

Посередине крепостного двора Непес-мулла раздавал ребятам оружие, привезенное из Ахала.

Хан посмотрел на ребят, разбиравших оружие, ответил на их приветствие и, чтобы подбодрить всех, сказал:

— Если аллах на нашей стороне, мулла, то, бог даст, мы быстро накроем голову Мядемина его серой палаткой.

Непес-мулла, занятый серьезным делом, не ответил хану на его слова.

Четырнадцатого марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года, после полудня, войска Мядемина подошли к Серахсу. Не успев остановиться, хан заметил, как закрылись ворота Серахской крепости. Он повернул голову к Мухамеду Якубу Мятёру, показал на закрывшуюся крепость и надменно усмехнулся. Мухамед Якуб Мятёр безошибочно понял значение ханской усмешки и ответил ему той же усмешкой. Мядемин снова посмотрел в глаза своему военачальнику.

— Как может комар, — сказал он, — защититься от конского копыта, Мятёр?

Военачальник значительно промолчал. Но Мядемин не удовлетворился молчанием Мятёра и снова обратился к нему:

— Или ты считаешь, что умный конь не унизится, чтобы лягать комара?

Мятёр подумал, что дальше отмалчиваться уже неприлично и опасно. Два вопроса хана, а его усмешка и взгляд означали и третий вопрос, дальше оставлять без ответа было рискованно, хан может понять как неуважение к своей персоне и разгневаться. По мнению Мядемина, малочисленное туркменское войско было не сильнее комара, конем же, разумеется, он считал себя. Его усмешка, когда они подъезжали к крепости, означала то, что если бы туркмены вместо ворот из дерева и колючей дерезы поставили бы железные, все равно смешно было думать, чтобы они смогли устоять перед Мядемином. Но для чего тогда Мядемин взял с собой

двадцать пушек и назначил командовать артиллерией своего тезку, сотника Мухамедэмина!

Для туркмен, никогда не видевших пушек, достаточно будет холостого выстрела или чтобы снаряд упал в стороне от крепости, чтобы эти жалкие пастухи потеряли головы. И тогда их безмозглые вожаки — Каушутхан и Сейитмухамед-ишан — сами своими руками открывают ворота.

Догадываясь о подобных размышлениях Мядемина, Мятер обдумывал ответ, чтобы угодить хану. И он сказал:

— Если комар жалит, конь должен раздавить его, хан-ага.

Мядемину понравился ответ Мятера, и он решил продолжить приятный для него разговор.

— Но разве от комариного укуса может подохнуть конь? — спросил хан.

— Даже от змеиного укуса, если не суждено, человек не умирает, хан-ага. Но мусульманину отпускаются все грехи, если он хотя бы в семь лет убьет одну змею.

— Гм-гм,— премычал Мядемин, показывая этим, что он доволен.

...Согласно намеченному плану, войско Мядемина должно расположиться с южной стороны крепости, на восточном берегу реки Теджен. Для этого были свои причины. Мядемин решил таким образом преградить путь гаджарам, к которым конечно же должны были обратиться за помощью текинцы. Но еще до перехода иранских войск через горы Мядемин намеревался встретить их и посеять среди гаджар панику.

Военачальники Мядемина полагали, что, как только они станут лагерем на юге Серахса, должны будут произвести небольшой налет на крепость, чтобы запугать текинцев, лишить их покоя. Но пока подтягивались оставшие части огромного войска, стало вечереть. Мядемин подумал, что для налета будет слишком поздний час и что сначала надо посоветоваться со своими помощниками. После вечернего намаза он решил пораньше лечь спать, чтобы как следует отдохнуть перед делом.

Назавтра хан весь день провел на охоте. Промаявшись, он сумел застрелить всего лишь двух красных петухов.

Бой был назначен на вторник, и люди, окружавшие

хана, немало этому удивились, потому что знали: вторник был самым нелюбимым днем суеверного Мядемина. В этот день хан даже по надобности ходил с большой неохотой, все ему чудилось что-то по вторникам. И то, что он назначил бой на вторник, свидетельствовало о его непоколебимой вере в свои силы.

После утреннего намаза Мядемин дал распоряжение Довлетяр-аталыку и Абануру Ниязмахрему отправиться с двумя тысячами воинов в горы, пробыть там до тех пор, пока не покажутся иранцы, перехватить их и разгромить на месте. Чтобы войска Насреддина не прошли незамеченными, двухтысячный отряд Мядемина тремя группами расположился в окрестностях Акдербента, Маздурана и Кизыл-Кая.

Мядемин надеялся взять Серахс, не вступая в бой с его защитниками. Поэтому в первый вечер он не стал обстреливать крепость, а лег спокойно спать, а следующий день провел в погоне за двумя несчастными петухами. Текинцы должны были через амбразуры стен увидеть направленные на них жерла черных орудий и, естественно, прийти в ужас. К тому же несколько тысяч текинцев, запершись в крепости, не смогут продержаться и трех-четырёх дней. Несколько колодцев, которые могут оказаться в крепости, будут вычерпаны в течение одних, от силы двух суток. Народ же, у которого кончится вода, вопреки воле Каушут-хана сам выйдет из крепости и встанет на колени перед Мядемином. Но вот прошло два дня. Черные дула пушек угрожающе смотрели в сторону крепости, однако ворота не открывались. И вообще было похоже, что там, за стенами, не было ни одного человека.

Проводив Довлетяр-аталыка и Абанура Ниязмахрема, Мядемин удалился в свою палатку и долго из нее не появлялся. Халназар Бахадур, Мухамедэмин-юзбаци, Бекмурад-теке, Мухамед Якуб Мятёр, Хорезм Казы и еще несколько приближенных Мядемина стояли перед входом в палатку, ждали хана. Среди них был и Ходжам Шукур, примкнувший к Мядемину со своими четырьмястами воинами. Он жаждал мести, с нетерпением ждал минуты, когда увидит голову Каушута, вывешенную на воротах крепости.

Наконец из палатки вышел в полном боевом снаряжении Мядемин. Вид у него был внушительный, даже устрашающий. Все склонили головы в низком поклоне.

То ли от хорошего расположения духа, то ли оттого, что хотел размять спину, хан тоже сложил на груди руки и низко поклонился. При этом его доспехи, набранные из металлических монет, издали звон.

Выпрямившись, Мядемин положил левую руку на рукоять сабли, стал отдавать распоряжения. Первое касалось его палатки. Ее необходимо было перенести на другое место. На какое, хан не сказал.

Мухамед Якуб Мятёр, осмотревшись по сторонам и поразмыслив, определил новое место.

В окрестностях Серахса было несколько холмов, все они имели названия. Аламан-тепе, Аджигам-тепе, Куйруклы-тепе, Херик-тепе, Яглы-тепе и так далее. С каждого из них хорошо просматривалась местность. Военачальник и советник хана Мятёр выбрал Аджигам-тепе. На этой возвышенности Мядемин оказывался в самом центре своих войск, к тому же Аджигам-тепе имел самую большую площадку, где можно было разместить наибольшее количество вооруженных людей. А это отвечало самому главному условию — как зеницу ока хранить жизнь хана.

Не дождавшись от текинцев добровольной сдачи крепости, около одиннадцати часов утра хан двинул вперед пушки. Перед пушками ехал конный отряд в пятьсот сабель. Сам Мядемин в боевом одеянии, на разряженном коне, со свитой, ехал вслед за пушками.

На расстоянии полета ядра пушки остановились, идущие впереди конники отвернули вправо. К ним присоединилась и конная группа Мядемина, хан и его свита остановились в ожидании интересного зрелища.

Пушки, знавшие о том, что за ними наблюдает сам хан, делали свое дело быстро и старательно. Вскоре сотник Мухамедмин, командовавший артиллерией, направился к хану доложить о готовности открыть огонь. Мядемин поднял руку, жестом остановил приближавшегося Мухамедмина. Он не торопился, смотрел в сторону крепости, как будто все время ждал чего-то.

Никто не смел спросить хана, почему он медлит с приказом.

И вдруг на крепостной стене появился человек. Мядемин не удержался, воскликнул:

— Видите, как действуют на них пушки!

Все стали ждать, что человек закричит со стены: «Не стреляйте, Каушут-хан хочет говорить с вами!»

Однако ничего подобного человек не сказал, а спрыгнул со стены, потом спустился в траншею, окружавшую крепость, и долго не показывался. Хан и свита ждали.

Когда наконец текинец стал выбираться из траншеи, на стене появился новый. Но он не спустился со стены, как первый, а, опершись о что-то,—видно, в руках его было ружье,—спокойно смотрел в сторону врага.

— Что бы это значило? — спросил Мядемин.

Ему не успели ответить, потому что человек, выбравшийся из траншеи, весь вымазанный в глине, бросился бежать навстречу пушкам. В ту же минуту человек на стене поднял ружье, прицелился и выстрелил. Беглец упал лицом вниз, как скошенный.

Человек с ружьем исчез за крепостной стеной.

Стрелявший по беглецу был Тач-гок сердар. Беглецом был Кичи-кел.

Мядемин мстительно сощурил глаза и тихо, будто самому себе, сказал:

— Если до выстрелов из пушек свалится только один из вас, после выстрелов вы свалитесь все, мордой в землю.

— Пушкам стрелять! Развалить крепость! — закричал он в сторону все еще стоявшего в ожидании приказа Мухамедмина.

Грохнул залп из двадцати пушек. Черные клубы дыма окутали пушки и пушкарей. В наступившей затем тишине из крепости донеслись крики, стоны и плач детей.

Когда рассеялся дым, пушкарки стали готовиться ко второму залпу.

— Не тратьте снаряды! Отвести пушки назад! — приказал Мядемин.

Часть южной стены рухнула, местами в ней зияли пробоины.

Мядемин, довольный удачным началом, направил коня в сторону Аджигам-тепе, где белела его походная палатка.

Снаряд, угодивший в черную кибитку, стоявшую недалеко от стены, стал причиной гибели старика и женщины с младенцем. Плач родственников разрывал сердце Каушут-хана.

Уже было за полночь, а Каушут-хан не мог успокоиться, сон не шел к нему, и все же в тяжелых думах

о спасении людей он задремал. Его разбудил Тач-гок сердар. В руках он держал лопату.

— Что хочешь сказать, мерген? ¹ — Иногда Каушут и так обращался к сердару.

— Хан, скажи, чтобы мне открыли ворота.

— Куда же ты собрался среди ночи?

— Разве ты не знаешь, что собаку закапывает тот, кто ее убил. Надо похоронить вчерашнего беглеца, пока он не протух.

— Не страшно одному идти?

— Хан, как же Тач-гок пойдет на живого врага, если будет бояться мертвого?!

Каушут-хан поднялся, вывел за ворота Тач-гока и вернулся назад. Он шел по крепости, заложив руки за спину. Люди давно уже спали. Вдруг полог одной кибитки откинулся, и оттуда вышел старик с посохом в руках. Увидев Каушут-хана, старик в испуге повернул назад, скрылся в кибитке.

«Э, как старики боятся за свою жизнь», — подумал Каушут-хан и окликнул бородача:

— Яшули, саламалейкум! По-моему, еще рановато для намаза!

Старик выглянул из-за полога.

— Валейкум эссалам! — отозвался он. — Какой уж тут намаз, я по малой нужде вышел.

Каушут взглянул на небо и сказал:

— Вон уж и Зохре взошла, так что и для намаза пора вставать.

Старик ответил напрямик:

— Это ты, сынок, можешь еще думать о намазе, а у меня...

— Простыл, что ли, яшули?

— Да, сынок, когда тебя окружает тысячное войско, простудишься...

— Но между тобой и войском врага такая крепость стоит.

— Перед бедой не устоит никакая крепость, сынок.

— Но говорят же старики, что со всем народом и горе полбеда. Или это придумал текинец от нечего делать?

— Похоже на то, что нам и умереть спокойно не дадут, как людям. Видно, дьявол управляет разумом

¹ Мерген — охотник.

тех, кто собрал нас на погибель. Будем считать, что умрем шехитами¹.

Слова старика сильно задели Каушута, голова которого и без того разламывалась от тяжелых дум.

— Одному аллаху известно, кому погибнуть, а кому жить. И вообще, таким старикам, как ты, пожившим и много повидавшим, надо бы, наоборот, поднимать дух молодым, напутствовать и благословлять их на победу.

Старик промолчал. Но Каушут не мог молчать.

— Отец,— спросил он,— кто же этот человек, который бросил людей на погибель?

— Кто он может быть, когда есть хан?

— Слава богу, ханов у нас немало, неужели все они толкают людей на острие кинжала?

— Если бы ханом остался Ходжам Кара, разве люди кисли бы в этой крепости? Никогда. Теперь появился какой-то Каушут. Два раза ездил в Хиву и ничего не добился. И вот натравил на нас Мядемина. Никак крови не напьется. Вместо того чтобы договориться с Мядемином, он заключил нас в крепость. С гаджарами же он сошелся, мог бы сойтись и с Мядемином.

Каушут решил не препираться со стариком, а дать ему понять, с кем тот имеет дело.

— Отец, я не хочу быть лолы², которая содержит двух мужей. Отдай половинну добра гаджарам, другую — Хиве, а самому что — землю грызть, да?

Голос старика дрогнул.

— Сынок, ты не сказал, кто ты такой.

— Меня зовут Каушут-хан.

Старик опешил.

Каушут-хан, отдаляясь от старика, сказал:

— Не волнуйся, отец.— И пошел своей дорогой.

У западной стены в длинный ряд стояли и лежали лошади. Заслышав шаги, они насторожились, опасливо всхрапнули. В крепости было спокойно. Даже ребятишки не хныкали, уgomонились давно, а их было тут не меньше тысячи. Взрослые тоже погрузились в сладкий сон. Каушут думал об этих людях, и ему казалось, что во всей крепости не спят сейчас только два человека: он сам и Тач-гок сердар, одиноко рывший могилу для предателя. Но хан ошибался. В крепости многие не спали.

¹ Шехит — погибший за правое дело.

² Лолы — продажная женщина.

Непес-мулла, лежа на спине, смотрел сквозь отверстие туйнука на звезды и тоже размышлял о судьбах людских. В левом углу кибитки, обняв собственные колени, лежал Сейнтмухамед-ишан и призывал на помощь всех святых, каких только мог вспомнить.

Отойдя от лошадей, Каушут заметил темные фигурки людей, которые шли навстречу, согнувшись от груза, вваленного на спины. Хан остановил переднего.

— Что за люди, куда направляетесь?

Человек с мешком за спиной сдавленным голосом ответил:

— Ай, идем кормить скотину.

— Скотину?

— Да, корм несем, хан-ага.

— А ну-ка опустите свои чувалы.

Люди сняли тяжелые мешки и облегченно вздохнули.

— Кто велел кормить лошадей?

Человек, стоявший впереди других, подошел к хану.

— Мулла Непес,— сказал он,— велел нам перед утренним намазом кормить лошадей.

— Сам ты кто такой?

— Я — конюх, хан-ага. Сердар приставил меня к лошадям и дал в помощь двадцать парней. И то не управляемся. Легче пересчитать, хан-ага, деревья и щепки от них, чем лошадей, собранных в крепости.

— Теперь скажи,— заговорил хан,— что легче потушить при пожаре — солому или умолот?

Конюх рассмеялся:

— Как понять, хан-ага, в шутку вы или всерьез?

— Я всерьез спрашиваю.

— Если так, скажу. Умолот сообщать можно спасти от пожара, легче потушить, но когда загорится солома, что делать? Можно позвать на помощь аллаха, а самим поскорей удрать от огня.

И хан сказал:

— Раз уж вы такие понятливые ребята, немедленно отнесите назад чувалы с зерном, а лошадям давайте только сено. Пока не скормите все, не давать ни горсти зерна, даже Дулдулу¹, если кто прискачет на нем.

Конюхи ввалили мешки и поплелись назад, а хан, заметив в стороне костерок, пошел на огонь. Тут сидели

¹ Дулдул — кличка мула Али-Шахимардана, зятя пророка Мухамеда.

парни и громко смеялись. Их занимал чем-то Келхан Кепеле. Он проворно поднялся перед ханом, поздоровался.

— Потешаешь ребят сказками? — спросил Каушут.

— Так, хан-ага, рассказываю о женитьбе одного старого вдовца, как я сам.

— Келхан-ага, — вставил один из парней, — рассказывает о том, как Қичи-кел поймал однажды шакала, хан-ага.

— Это интересней любой сказки, — сказал Каушут-хан.

Ребята снова рассмеялись.

На смех выскочил из кибитки Сейитмухамед-ишан, увидев хана, испуганно спросил:

— Что случилось, хан?

— Пока ничего, ишан-ага. — Каушут хотел что-то еще сказать, но ему помешали.

К костру подошли два человека — Тач-гок сердар и гонец по имени Чары, который был послан четыре дня назад в Ахал. Каушут-хан встревожился тем, что гонец, а их было двое, вернулся один, да еще в такой неурочный час. Ответив на приветствие, Каушут подошел поближе к Чары, который, кажется, плакал.

— Дурные вести привез, парень? — спросил Каушут-хан.

Чары не ответил, а продолжал всхлипывать. Потом, оправившись, обратился к Сейитмухамед-ишану:

— Ишан-ага, прочитайте аят. Покойный Ходжам-кул... — слезы не дали ему договорить.

— Бойдите в дом, люди, — сказал Сейитмухамед, направляясь в кибитку. Откинул шолог и оттуда прибавил: — Нехорошо, когда мужчина плачет, мужайся, сынок.

После аята Чары немного успокоился и рассказал, что случилось с ним в дороге. Когда они вчетвером уже подъезжали к Геок-тепе, их встретила группа вооруженных всадников. Это были нукеры Мухамедмурата Махрема, которых Мядемин направил в Ахал. Нукеры бросились за гонцами, Чары и Ходжам сумели оторваться, но пуля угодила в голову Ходжама. Обливаясь кровью, он успел сказать на ходу: «Не думай обо мне, Чары, я умираю, главное, скажи Каушут-хану, что до Ахала мы не добрались». Проговорил и свалился с лошади.

Шестнадцатого марта, сразу же после завтрака, в крепости поднялся шум. Сторожевые посты с наблюдательных вышек сообщили, что Мядемин двинул на крепость чуть ли не все свои войска. Об этом же говорили раздиравшие душу звуки зурны, доносившиеся из лагеря Мядемина.

Каушут-хан сидел на старом пне, который приволок кто-то на песчаный холм посреди крепости. Выглядел хан усталым, измученным бессонной ночью и тяжелыми думами. Закутанная в халат, к нему подошла жена.

— Что тебе еще надо? — глухо спросил Каушут.

Язсолтан молча приподняла край паранджи, показала миску с едой. Каушут плотно сжал губы и с тяжелым вздохом покосился на жену. Язсолтан без слов поняла, что означает и этот взгляд, и этот вздох. Она сразу же повернула назад.

Хан поднялся и уже хотел спуститься вниз, когда к нему на холм взобрался Тач-гок сердар.

— Хан, — сказал он, — разреши мне взять этот пенек и поднять на стену.

Каушут-хан, плохо понимая, о чем его просит сердар, смотрел то на этот черный пенек, то на Тач-гок сердара.

— Я хочу залечь за этим пнем, и тогда мои пули без промаха будут попадать в цель. Может быть, мне посчастливится увидеть Бекмурада. Чтобы он попался мне на глаза, я принес в жертву аллаху одного барана. Я счастлив буду умереть, если только пуля моя продырявит голову этому шакалу.

— Тут Келхан Кепеле тоже молил аллаха, чтобы его пуля нашла Бекмурада. Не ты один думаешь об этом.

— Даст бог, я опережу Келхана.

— Тогда забирай пенек, и бог тебе в помощь.

Тач-гок дал знак, и дюжие парни поднялись на холм, скатили черный пень, потом подняли на руки и понесли туда, куда приказал им сердар.

Вызванный ханом глашатай Джаллы взобрался на холм и объявил приказ Каушута.

— Эй, люди. Прячьте побыстрее детей в корпечи, хо-ов! Прячьте детей, хо-ов! Таков приказ Каушут-хана, ов!

В крепости поднялась суета. Ржали лошади, кричали женщины с детьми на руках, мужчины с черными ружьями бежали к крепостным стенам.

Каушут, направляясь к воротам, остановился перед

одним из корпечи. Тут всю орудовал Келхан Кепеле. Никогда не имевший детей, он с особой нежностью принимал малюток от женщин и бережно передавал их кому-то вниз, в укрытие. С необычной для него расторопностью Келхан занимался ребятишками и даже покрикивал на кого-то из взрослых: «Шевелись, шевелись, не спи на ходу!»

Обычно женщины перед мужчинами старательно натягивали паранджу, тут же они забыли о приличиях, забыли и про свои яшмаки. Не стеснялись даже перед ханом. Одна из них попыталась вместе с ребенком пробраться в корпечи. Но Келхан остановил ее:

— Это же не крепость, женщина. Ты займешь место десятирех детей.

— Сколько ты оставляешь женщин при детях? — спросил Каушут-хан.

— В корпечи я оставляю четырех матерей, хан.

— А детей?

— Детей? — переспросил Келхан, потом нагнулся, спросил внизу у кого-то. — Без трех сорок, хан.

— Управятся ли четыре женщины?

— На десять нукеров Мядемина приходится по одному текийцу, хан. Если мы справимся, то справятся и наши женщины с четырьмя десятками детей.

В суматохе одна молодая мать перед тем, как передать своего ребенка Келхану, вынула грудь и стала кормить младенца. Келхан Кепеле возмутился:

— Хан, ты погляди на нее! Нашла время!

Молодая мать покраснела до ушей, спрятала грудь и передала свое чадо Келхану. Младенец, уже почувшавший запах молока, но не получив его, протянул ручонки к матери и расплакался. Каушут-хан стал успокаивать мать:

— Потерпи, не расстраивайся, разделаемся с врагом, тогда досыта накормишь своего джигита. Такая наша судьба, надо терпеть.

Мать покорно кивнула хану и удалилась. Келхан выбрался из корпечи, отряхнул от глины халат. Вслед за ним выскочил Курбан, помогавший внизу Келхану Кепеле. Юноша поздоровался с ханом, и лицо его расплылось в улыбке. Келхан, как бы извиняя Курбана, сказал:

— Молодой, что с него возьмешь? Улыбается, как будто время сейчас для улыбок.

— Пусть,— возразил Каушут-хан,— пусть среди нас будут и улыбающиеся.

У ворот, куда незаметно подошел Каушут-хан, толпились люди, выглядывая через решетку, забитую колючей дерезой. Кто-то, глядя в степь, на полчища врага, вдруг закричал:

— Люди, Каушут-хан с ума сошел! Разве можно устоять перед этой тьмой?! Он хочет, чтобы мы все положили свои головы! Надо было поладить с Мядемином. Глядите, люди, земля сдвинулась с места! Тут и сам Искандер¹ не смог бы устоять! А как нашего хана зовут? Не Искандер же!

Кричавшему парню никто не ответил. Каушут-хан также хотел было пройти мимо, но не удержался. Подошел к парню, потянул его за халат. Тот повернулся и как ни в чем не бывало расплылся в улыбке.

— Хан-ага, саламалейкум!

Хан слегка улыбнулся.

— Вaleyкум эссалам, сынок. Значит, ты не знаешь имени Каушут-хана?

— Я пошутил, хан-ага.

— Не время сейчас для таких шуток. Однако у твоего хана есть еще другое имя. Разве ты не слыхал?

— Нет, не слыхал.

— Так вот слушай, мое второе имя — Пилкус. Ты хоть знаешь, кто такой Пилкус?

— Нет, не знаю, хан-ага.

— Тогда знай. Пилкус — это отец Искандера. И еще прошу тебя запомнить. Если хочешь сражаться с врагом, напавшим на тебя, сражайся; если не хочешь, тогда лучше не болтай глупости от трусости. Придержи язык за зубами. Хочешь уйти, ребята откроют тебе ворота, уходи и стань на колени перед Мядемином.

Кто-то засмеялся и перебил хана:

— Хан-ага, он не успеет упасть на колени, если вы отпустите его, он простится с жизнью раньше, как предатель Кичи, едва только выберется из траншеи. Видите вон того человека?!

Каушут-хан посмотрел на северную стену, там, за черным пнем, лежал Тач-гок сердар. В каждой руке он держал по ружью.

Каушут по ступенькам поднялся наверх. Противник

¹ Искандер — Александр Македонский.

был виден отсюда как на ладони. Основные силы Мядемина двигались на крепость с северной стороны. С южной стороны войско было поменьше, но более грозное, тут были пушки. На белой лошади, выделяясь из свиты, вслед за пушками ехал сам Мядемин.

Каушут-хан спустился на ступеньку ниже и сказал толпившимся у ворот людям:

— Кто там полегче на ногу?! Быстро к южной стене, передайте приказ всем перейти на северную стену.

Несколько юношей бросились исполнять приказ Каушут-хана.

Снаряды Мядемина, пробивая крепостную стену, падали тут же, шага за три-четыре от стены, и Каушут сообразил, что, если люди перейдут в северную часть крепости, пушечный огонь не сможет причинить им никакого вреда.

Внизу собралась группа воинов с белыми повязками на рукавах. Во главе их был Непес-мулла. Он крикнул Каушуту:

— Хан, мы разделили людей на сотни и назначили сотников. Говори, что делать, мы готовы.

— Сколько подняли наверх? — спросил хан.

— Как ты велел, тысячу.

Каушут-хан, глядя на южную часть Мядеминова войска, взмахнул рукой:

— Поднимайтесь ко мне!

Когда все поднялись на стену, Каушут-хан протянул руку в сторону пушек.

— Видите, на сером коне сам Мядемин, а слева от него в черной папахе Бекмурад-теке.

— О! Как он охраняет тень Мядемина! — покачал головой Непес-мулла.

Каушут улыбнулся:

— Узнает об этом Тач-гок сердар, непременно вернется на южную стену.

— Почему, хан? — спросил Непес-мулла.

— Потому что Тач-гок только и мечтает увидеть Бекмурада. Он говорит, если не уложит этого шакала собственной рукой, будет считать свою жизнь напрасной.

Тем временем звуки зурны сменились громом пушечных выстрелов. Все смешалось в этом грохоте, крики женщин и плач детей. Ревели ишаки, испуганно ржали лошади, брехали взолощенные собаки, и какой-то пес,

задрав голову к небу, выл жутко и отчаянно. Во всей этой суматохе только мужчины были спокойны, каждый из них делал свое дело.

Снаряды заметно порушили часть южной стены, но и оттуда люди не уходили, даже раненные не оставляли своих ружей и вели огонь по наступающему врагу.

На северной стене шуму было не меньше, хотя стена тут стояла нетронутой. Были в тут раненные, враги достали их из ружей.

Каушут-хан следил за всем ходом сражения. Он заметил, что воины южной стены стали сдавать.

— Мулла! — крикнул хан, но никто ему не ответил, потому что Непес-мулла и Келхан Кепеле сами бросились на помощь дрогнувшим воинам.

У ворот люди не сделали еще ни одного выстрела, они ждали, когда враг подойдет поближе.

Северную стену охраняли Эсен Оглан Пальвая и джигиты Пенди-бая, их было свыше шестисот человек. Каушут решил перебросить их в южную часть крепости. Пенди-бай накрывал своим доном парня, лежавшего на краю стены.

— Что с ним? — спросил поднявшийся Каушут-хан.

— Пуля угодила ему в голову, хан.

— Бай, — сказал Каушут-хан, — веди своих парней на южную стену, там плохо.

— Иду, — ответил Пенди-бай.

Снова заговорили пушки, затихшие на короткое время. Снова поднялась суматоха, крики и стоны раненных. Когда хан проходил мимо корпечи, он услышал старческий голос Сейитмухамед-ишана:

— Хан, остановись!

— Слушаю вас, ишан-ага!

Сейитмухамед дрожал от страха. Он быстро-быстро говорил хану:

— Кажется, наступает конец света, хан. Неужели мы будем смотреть, как гибнет наш народ? Неужели нет никакого выхода? Нельзя ли все приостановить? Может, пойти на переговоры? Должны же они пожалеть хотя бы наших детей?

— Ишан-ага, мы должны выстоять, — проговорил хан и заспешил к южной стене. Пушечный снаряд пролетел мимо хана и попал в голову верблюда. Инер свалился на бок, вытянув длинные ноги. Но Каушут с любопытством посмотрел не на верблюда, а на ядро. Он

первый раз в жизни видел пушечный снаряд. Каушут подумал, что их делают из черного горного камня. Поднимаясь по ступенькам, он представлял себе дюжих людей, которые распиливали черный камень, а рядом уже лежала гора точно таких же ядер, которым был убит на его глазах верблюд.

На стене первым попался Каушут-хану Курбан. Он только, что выстрелил из ружья и, видно, попал в цель, потому что встал и улыбнулся хану.

Каушут увидел со стены, как спокойно пушкарни в третий раз заряжали свои пушки, и вот снова заревели орудия. Раненых стаскивали вниз, к подножью стены. Там с лекарской сумкой суетился Табиб Меледже.

Хан понимал, что положение становилось все тяжелее. За грохотом пушек не слышно было человеческого голоса, и хан, подобравшись к Непес-мулле, который лежал рядом с Курбаном, закричал ему в ухо:

— Что будем делать, мулла? Ребята начинают сдавать!

— Дать небольшой отдых, хан! — в ответ прокричал мулла.

Каушут-хан и сам подумал об этом. Его люди, никогда не видевшие пушек, как ни старались храбриться, все же робели перед пушками, надо сделать хотя бы короткую передышку, дать успокоиться воинам, прийти в себя.

Каушут-хан снял папаху и замахал ею, обратясь в ту сторону, где стоял Мядемин.

— Аха-ха-а-ав! Аха-ха-а-ав!

Крик Каушута утонул в грохоте. Но враг, хотя и не слышал голоса Каушут-хана, видел, как он размахивал папахой. Когда развеялся дым, показался высокий бунчук. Каушут снова повторил свое движение.

Грохот прекратился, пушки замолчали, и теперь стало видно, что они натворили. В руинах стонали раненые, плакали в голос родственники убитых.

— Ой, братишка!

— Вай, сыночек мой!

Повсюду раздавались возгласы несчастных.

Мядемин, как только увидел на стене Каушут-хана с поднятой шапкой в руке, решил, что тяжелые пушки сделали свое дело. Он подозвал сотника Мухамедемина,

велел откатить артиллерию, хорошо угостить пушкарей, сделать им богатый плов и отвести войско. Сам же, довольный сегодняшним днем, в хорошем расположении духа, прищипорил коня, направляясь к Аджигам-тепе. По дороге обратился к Мухамеду Якубу Мятеру:

— Не сразиться ли нам сегодня в шахматы?

Мятеру не хотелось портить настроение хану, и он сказал слова, которых тут же устыдился, потому что в душе у него не было этих слов:

— Хан-ага, еще не родился тот человек, который мог бы обыграть вас!

Мядемин от души рассмеялся.

— Не хочешь ли ты сказать, что, подобно Каушут-хану, после трех залпов из пушек мой противник начнет махать шапкой?

— Именно это я и хотел сказать, хан-ага.

Настроение Мядемина поднялось еще выше. Он взмахнул плетью с серебряной рукояткой.

— Эй, теке! — крикнул он Бекмураду. — Сегодня мы видели, как воюют текинцы, посмотреть бы, как они играют в шахматы!

Бекмурад-теке, хотя и грузен был, в одно мгновение оказался возле хана.

— Хан-ага, я не из тех текинцев. И зовут меня не Каушут-теке, а Бекмурад-теке.

— Говорят, большие и малые змен одинаково ядовиты. Ты не исключение. Если хочешь, поставим фигуры на доску!

Бекмурад угодливо потер руки.

— Ай, хан-ага, раз уж на то ваша воля, можно и поставить, хотя куда мне против вас.

— Это почему же?

— Весь Хорезм знает, как вы играете!

Настроение хана подскочило еще выше.

— Ну, коли так, занимайся своими делами. — Он положил руку на плечо Мухамеду Якубу Мятеру. — Как думаешь, Мятер, когда они приползут с повинной?

— Не сегодня, так завтра, — ответил Мятер, немного подумав для вида.

— Но почему завтра?

— Пока они приберут убитых и раненых, может пройти день.

— Гм. Значит, не так уж много убито у них? — Мят-

демин вдруг нахмурился, посерьезнел.— А как у нас, есть убитые?

Мухамед Якуб Мятер уже получил сведения. Он ответил сразу:

— Убитых тридцать семь. О раненых пока точно не известно.

— Тридцать семь? Кто посмел убить столько наших людей?

— У текинцев, хан-ага, тоже есть меткие стрелки.

Ответ разозлил Мядемину. Голос его изменился.

— Ты врешь, Мятер! У текинцев не может быть метких стрелков!

Мухамед Якуб, испугавшись ханского гнева, стал выкручиваться.

— Что поделаешь, хан-ага. Своим рабам аллах посылает разную смерть. Одним суждено умереть в Хорасане, другим в Серахсе.

Это немного успокоило Мядемину, и он вошел в свою походную палатку.

К одиннадцати часам утра семнадцатого марта стало известно, что из крепости едет к Мядемину посол от текинцев. Встретил его Мухамед Якуб Мятер, и они вместе отправились к хану. Войдя в палатку, Мятер начал докладывать, но хан выставленной ладонью подал знак: «Тише!» Его внимание было приковано к клетке с перепелкой. Он наслаждался верещанием перепелки. «Быт-был-лык, быт-был-лык»,— захлебывалась птица, и хан замирал от удовольствия. Обернувшись к послу, Мухамед Якуб Мятер прошептал:

— Немного подождите.

Сейитмухамед-ишан попятился к выходу и там, за пологом, стал терпеливо ждать приглашения. Лицо ишана, недосыпавшего много ночей, было бледным, воспаленные глаза глубоко запаля. Невдалеке от палатки нукер Мядемину держал под уздцы лошадь ишана. Вокруг сновали вооруженные люди, бегали повара, занятые приготовлением обеда для хана, и никто из них не обращал внимания на ишана. Сейитмухамед-ишан видел все. И здоровенных парней из личной охраны Мядемину, и его поваров, и гончих собак, слонявшихся по площадке, и даже кованые расписные сундуки возле палатки. Особенно его внимание привлекла желтая пушка

с черным дулом и круглые ядра возле нее. Ему показались эти ядра гораздо крупнее тех, что падали вчера в крепость. Пока он рассматривал эту пушку с ядрами, откуда-то явился толстобрюхий мужчина со смоляными усами. Краем глаза взглянул он на ишана и начал старой тряпкой протирать дуло пушки. Движения его были неторопливыми, и толстое брюхо явно свидетельствовало о том, что он презирает всякую работу. И говорил толстяк с каким-то пренебрежением, в нос.

— Эй, теке, что ты тут выставился?

Хотя это был лагерь врага, который пришел уничтожить крепость Серахс вместе с людьми, но Сейитмухамед не мог и во вражеском лагере позволить подобное к себе обращение. Он сказал:

— Я отвечу тебе, ленивец. Мы не «эй». Мы — ишан текинцев, и мы — не теке, а эрсары¹, и потом, если посчитать годы, твой отец может оказаться моложе меня.

Сказавши все это, Сейитмухамед-ишан был уверен, что чистивший пушку человек тотчас же извинится и скажет: «Ишан-ага, я не знал, простите меня». Однако черноусый пузан рассмеялся.

— Для этой желтой пушки, старик, все равны. И ишаны, и муллы. Если поставить перед ней самого пророка и выстрелить, она и пророка разнесет в клочья.

— Эстгапыралла! Эстгапыралла!² — невольно вырвалось у Сейитмухамеда-ишана. — Не богохульствуй, хан. Великий аллах может так сделать, что твоя желтая пушка заглохнет навсегда.

— Эта не заглохнет, — отмахнулся толстяк. — Это царская пушка. Не из тех, что били вчера по вашей крепости. Ей не надо ходить к стене, она и отсюда достанет.

Сейитмухамед-ишан потер пальцы, кашлянул и отвернулся от царской пушки. Он долго смотрел на север. А когда снова повернулся к пушке, там стоял с ветошью в руках уже другой нукер, такой же толстяк, как и первый.

— Теке, — сказал он, — считайте, что вы ничего не слышали, когда говорил вам этот Махмуд. Махмуд — просто враль и болтун. Эта царская пушка ничем не

¹ Эрсары — одно из туркменских племен.

² Эстгапыралла — О мой аллах!

отличается от других. Если выстрелить из нее, ядро не пролетит и половины пути до вашей крепости.

Нукер еще хотел что-то сказать, но тут откинулся полог палатки и вышел Мухамед Якуб Мятер.

— Ишан, они разрешают, входите.

— Саламалейкум! — сказал Сейитмухамед-ишан, войдя вслед за Мятером в палатку.

Скрестив ноги, Мядемин сидел посередине палатки на перине. Несмотря на то что он был моложе ишана чуть ли не на два десятка лет, он не только не поздоровался с Сейитмухамед-ишаном, но даже не ответил на его приветствие. На левом колене хана стояла уже знакомая ишану клетка. Перепелка не пела уже, но хан держал клетку, чтобы выразить полное равнодушие к послу.

Сейитмухамед стоял у самого входа, не смея пройти дальше, и был похож на провинившегося мальчишку. На помощь ему пришел советник, у которого еще теплилось что-то от человеческой доброты.

— Ишан-ага, не стойте у двери, проходите, — пригласил он.

Это не понравилось, однако, самому Мядемину. Он посмотрел поверх головы Мухамеда Якуба и надменно спросил:

— Мятер, ты говорил, что я сегодня буду есть плов?

Ни вчера, ни сегодня хан даже не намекал своему советнику, что хочет плова. И у самого хана не было и в мыслях никакого плова. Его вопрос надо было понимать как намек на то, чтобы Мятер оставил его наедине с послом. Мятер понял этот намек. Сейитмухамед-ишан, оставшись один на один с ханом, как непринятый гость, присел прямо на том месте, на котором стоял. Стал ждать, когда заговорит хан. Однако не было никаких признаков, что тот собирается говорить. И тогда сказал первые слова ишан:

— Хан-ага, нас направили к вам. . .

Мядемин, не отрывая глаз от перепелки, ответил:

— Оказывается, вы и без приглашения ходите в гости.

Сейитмухамед-ишану ничего не оставалось, как проглотить унижение.

— Нас привели к вам, — сказал он, — слезы наших детей, хан-ага.

Мядемин покосился на посла:

— А пять дней назад вы не знали, что у вас есть дети?

— Знали, но не думали, что могучий хан может подвергнуть нас такому ужасному обстрелу.

— Может, вы и того не знали, что Мядемин является потомком Чингисхана? ¹

— Хотя мы и знали, но никогда не думали, что мусульмане могут нападать на мусульман.

— Текинцы не могут быть мусульманами, ишан. Когда текинцы чувствуют свою силу, они становятся хуже капыра ². Надеюсь на Насреддина, вы плюнули в лицо Хиве.

— Нет, хан-ага, мы не плевали в лицо Хиве и хотели бы жить с ней в ладу.

— А коль собираешься жить, ишан, то и говори свои условия. У меня нет времени препираться с вами.

— Наше предложение, хан-ага, будет таким: если уберете свои пушки и уйдете в Караяб, спасете от гибели наших детей, Каушут-хан согласен платить вам сороковую часть от скота и урожая.

Мядемин понизил голос:

— А в Мары не согласны переехать?

— В Мары не согласны. Причина в том...

— Я не хочу знать причины, ишан. Не переберетесь в Мары, не внесете залог, я залью кровью крепость Каушут-хана. Это и передайте ему.

Мядемин говорил решительно, Сейитмухамед понял, что умолять его бесполезно, и тем не менее спросил:

— Хан-ага, вчера у нас погибло сто тринадцать человек. Ради милости аллаха дайте возможность отнести их на кладбище и по-человечески похоронить.

Мядемин кивнул головой. И вдруг ехидно улыбнулся, словно бы пожалел о своем согласии.

— Ишан,— сказал он,— неужели и Каушут-хан пойдет на кладбище хоронить погибших по его собственной вине?

— Этого я не знаю, хан-ага. Видно, пойдет.

— Хоп! Хорошо! И еще условие. Похоронная процессия пойдет без оружия. Если хоть один нарушит это условие, никто не вернется с кладбища живым. Придется рыть могилы и для себя.

¹ Мядемин сам придумал эту легенду и часто повторял ее.

² Капыр — иноверец.

Сейитмухамед принял это условие. Но Мядемин продолжал говорить:

— И вообще, ишан, если не захотите перебираться в Мары, можете сразу же отправляться на кладбище, все до одного. Завтра я пойду на вашу крепость в последний раз. И если сами, своими ногами не отправитесь на кладбище, хоронить вас будет некому.

Кровь ударила в голову Сейитмухамеду. Про себя он подумал: «О аллах! Пошли нам умных и мудрых соседей, избавь от таких, как эти!» Ему хотелось сказать вслух что-нибудь в этом роде, но он сдержался, вспомнив совет Каушут-хана: «Ишан-ага, что бы там ни было, а посол не должен горячиться».

— Хан-ага, если аллах с нами, он не отдаст на погребель наших детей,— только и вымолвил ишан.

Мядемин снова улыбнулся с ехидцей:

— Пускай с вами аллах, если ему так хочется,— и, махнув рукой, прибавил: — Но и кладбище «Верблюжья шея» тоже будет с вами.

Сейитмухамед подумал, что теперь орудия Мядемина не будут стрелять по крепости, а если и будут, то снаряды полетят в них самих, если они посмели оскорбить и аллаха, и кладбище «Верблюжья шея».

— Хан-ага, если позволите я уйду,— сказал ишан.

— Иди, ишан. И передай Каушут-хану, попадется мне в руки, я зарюю его в землю живым.

Сейитмухамед молча встал с места. Когда он дошел до порога палатки, услышал властный окрик хана:

— Остановись!

Обернувшись, ишан увидел улыбающегося Мядемина. В его душе мелькнула надежда, что хан подумал о детях и сжалился над ними.

— Ишан, у меня есть еще один разговор. Если текинцы пойдут навстречу, я спасу их от гибели.

Сейитмухамед ничего хорошего не мог ждать от Мядемина, тем не менее согласился выслушать.

— Говорите, будем слушать.

— Пусть Каушут-хан принесет нам сорок белых кибиток.

Ишан согласно кивнул головой:

— Каушут-хан выполнит это условие.

— А в каждой белой кибитке по одной шестнадцатилетней текинской девушке.

Мороз прошел по коже ишана,

— Хан, я не смогу передать это Каушут-хану. Разрешите мне уйти.

— Разрешаю, ишан, разрешаю. Подумайте над моим предложением.

Ярко светило солнце. Перед Сейитмухамедом-ишаном, который стоял на вершине Аджигам-тепе, Серахская равнина лежала как на ладони. И горько было думать, что вся она теперь занята войсками Мядемина. По ней то и дело проносились чужие всадники, клубились чужие дымки над очагами. Вдали, как бы прижимаясь к этой равнине, лежала в развалинах старая крепость. Вокруг нее все было мертво. Только за полуразрушенными стенами поднимались к небу дымы. И это говорило о том, что в крепости были люди.

Ишан подошел к нукерам, прислуживающим хану в палатке. Ему хотелось перед уходом повидаться с Мухамедом Якубом Мятером, чтобы попросить у него сопровождающего.

— Люди,— обратился он к слугам,— помогите мне найти Мухамеда Якуба Мятера.

— Видите толпу? — сказал один из слуг хана, показав на собравшихся людей у подножия Аджигам-тепе.— Идите, он там.

— Можно ли нам пройти туда? — спросил ишан.

Слуга понял, что хотел сказать ишан.

— У нас все знают, что вы прибыли послом. Идите, никто не тронет вас.

С вязанкой хвороста мимо проходил уже знакомый ишану усатый толстяк.

— Эй, хаммал!¹ Проводи этого человека к Мятеру! — крикнул старший над слугами.

Хаммал отнес хворост к очагу, вырытому позади ханской палатки, вернулся, склонил голову перед приказавшим и молча шагнул к ишану. Он шел впереди Сейитмухамеда по склону холма и без умолку болтал, выхваляясь перед послом текинцев. Он говорил о бесконечных праздниках, которые сопровождали их в походе от самой Хивы до Серахса, о том, что в каждом ауле он проводил время в обществе молоденьких девушек, что Мядемин назначил его к поварам не хаммалом, а самым доверенным лицом, которое должно следить, чтобы

¹ Х а м м а л — слуга, лакей.

не отравили обед хану, и что вообще ничего нет лучше, как находиться в войсках Мядемина, где каждый день происходит что-нибудь интересное, и вот сегодня они идут как раз туда, где можно будет посмотреть на интересное зрелище, сейчас там будут травить собаками ослушника, который обматерил самого Мядемина.

Ишан слушал и не верил своим ушам.

— Сынок, неужели ты говоришь правду? Разве можно отдать человека на растерзание собакам? Разве это предусмотрено шариадом?

Хаммал прямо-таки удивился.

— А разве, — сказал он, — бросать оскорбление матери такого великого хана, как Мядемин, влезает в рамки шариада?

— Если человек допустил это, он будет наказан на том свете.

— Верно говоришь, теке. Он понесет наказание на том свете, но и на этом свете он должен получить свою долю.

— Не знаю, сынок, что и сказать на это.

— Зато мы знаем, если вы не знаете, — уверенно сказал хаммал. — Надо шкуру снимать с того, кто осмеливается задевать честь хана.

Когда они дошли до толпы, Сейитмухамед-ишан вочию убедился, что хаммал говорил правду. Посреди толпы стоял раздетый догола мужчина, еще совсем не старый. К нему вышел крепыш с отвислыми усами и заорал во всю глотку:

— Тогто Абдулла оглы отдается собакам за то, что грязными словами обозвал нашего мудрейшего и величайшего хана Мядемина. И это будет с каждым, кто осмелится поднять хотя бы язык свой на великого Мядемина!

Человек, прочитавший эти слова с листа, вернулся на свое место, и в ту же минуту были спущены полдесятка огромных собак. С диким рычанием они бросились на несчастного. То ли сам человек упал, то ли сбили его разъяренные псы, но он вмиг оказался распластанным на земле, и собаки уже рвали его тело клыками, подстегиваемые душераздирающими криками несчастного. Человек кричал из последних сил, но собаки беспощадно делали свое дело. Одна из них впилась в его щеку и вырвала половину лица. Через несколько минут окровавленный мужчина затих. Собаки катали по

земле истерзанное тело, в котором уже нельзя было узнать человека.

У Сейитмухамеда потемнело в глазах, голова закружилась, и он опустился на землю. Ишан теперь окончательно понял, что никакие дети не могут разжалобить Мядемина, пощады от него ждать глупо и бесполезно. Он протянул с трудом руку, потеревил край халата стоявшего перед ним юноши.

— Сынок,— попросил он,— поищи-ка Якуба Мятера.

Сейитмухамед-ишан к полудню вернулся в крепость. Люди дожидались его, нетерпеливо выглядывая на дорогу. Вид у ишана был такой горестный и несчастный, что Каушут-хан без слов понял, что переговоры ничего хорошего не дали, и попытался немного утешить старика. Он вымученно улыбнулся и сказал:

— Ишан-ага, видно, никогда нам не договориться с Мядемином. Потерпим. Посмотрим, что будет дальше.

Сейитмухамед вошел в кибитку, за ним последовали Каушут-хан, Тач-гок сердар и Непес-мулла.

Ишан-ага сел на ковровую подушку, ладонями стиснул голову и не мог вымолвить ни слова. Непес-мулла прервал молчание.

— Ишан-ага,— спросил он,— не передавал ли нам привет Бекмурад-теке?

Сейитмухамед-ишан не в состоянии был воспринять шутку Непес-моллы. Он ответил вполне серьезно:

— Бекмурада-теке я не видел, мулла, но видел, как за малую провинность Мядемин отдал человека на растерзание собакам.

Ишан подробно рассказал обо всем, что видел. Но слушавшие его были заняты другими мыслями, и их почти не задевал рассказ о царской пушке и даже о травле человека собаками. И тогда ишан закончил такими словами:

— Если аллах постоит за нас и за нами будет стоять кладбище «Верблюжья шея», мы не умрем под копытами конницы Мядемина.

— Это верно,— тяжело вздохнул Каушут-хан.— А что скажет нам ишан-ага по поводу похорон наших людей на кладбище?

Сейитмухамед-ишан пристально посмотрел на Каушута.

— Хан, если вы позволите, я выскажу вам свое мнение.— И не дожидаясь ответа, продолжал: — Люди поймут вас и не обидятся, но вам и всем здесь сидящим нельзя быть на кладбище. Сердце мое чувствует, что Мядемин задумал недоброе.

Совет ишана был принят, на прощанье он сказал:

— Аллах за вас, теперь сами решайте, что вам делать дальше.

«Завтра я пойду на вашу крепость в последний раз»,— сказал тогда Мядемин. И восемнадцатого марта, рано утром, он действительно выступил, чтобы окончательно разрушить крепость и уничтожить ее защитников. На этот раз Мядемин не стал делить войско на части, а пошел всеми силами со всех сторон одновременно.

Минувшей ночью Каушут-хан не спал вовсе. Может быть, его и сломил бы сон, но в самый глухой час вернулся из Ирана Сахит-хан. Он привез добрую весть. Но эта добрая весть пока еще оставалась только вестью. Двадцать тысяч хорошо вооруженных воинов шаха под предводительством Ферудина Мирзы должны были, согласно обещанию хана, достигнуть крепости еще до восхода солнца. Каушут-хан остаток ночи провел в ожидании, прислушивался к каждому звуку, но вот и солнце взошло над Серахсом, а на иранской стороне по-прежнему было тихо.

Вместо подкрепления из Ирана на крепость двинулись войска Мядемина. Снова внутри крепости засуетилось, задвигалось, детей укрывали в корпечи, женщины и ребятишки повзрослей прятались в кибитках, воины занимали свои места, лекари готовили свои лекарства.

И снова шум и грохот оглашали крепость. Но теперь ружейный огонь был сильнее, чем в прошлые дни. Защитники отстреливались со стен, там же оставались лежать убитые и раненые, не управлялись стаскивать их на крепостной двор. Каушут-хан понимал, что его сидение в запертых стенах только придает храбрости врагу, но у защитников крепости не было возможности выйти из ворот и сражаться с Мядемином открыто, баш на баш. В душе Каушут-хан надеялся отыскать слабое место во вражеском строю, прорваться сквозь него на простор. Он наблюдал за вражеским войском из укры-

того места. Пушки Мядемина, а за ними и сам Мядемин подтягивались к своей вчерашней позиции. После двух залпов в расположении артиллеристов возникло какое-то замешательство. К орудиям подвели пять-шесть новых лошадей. Каушут-хан решил, что противник намеревается подтянуть тяжелые орудия поближе к стенам, но лошади потащили две пушки куда-то в сторону. Вскоре их установили перед западной стеной. Туда же переместилось до пятисот воинов на конях.

Каушут-хан кликнул к себе Непес-муллу, ишана и Тач-гок сердара.

— Ишан-ага,— обратился он к Сейитмухамеду,— благословите нас, мы выйдем из крепости.

Ишан протянул дрожащие руки и прочитал молитву. Каушут-хан после этого сказал сердару и Непес-мулле:

— А вы, мой друг сердар и мой друг мулла, простите меня, если что было не так между нами, если же мы не вернемся, возьмете на себя нужды людей.

Тач-гок сердар и Непес-мулла не обиделись на хана, который не брал их с собой, они понимали, что Каушут надеется на них и оказывает им большое доверие.

Две сотни конников, подобранных заранее Каушут-ханом, выстроились перед воротами.

Сейитмухамед-ишан протянул к ним руку и сказал:

— Эншалла, благополучно вернетесь назад, с нами аллах и священные могилы наших предков!

— Ворота! — крикнул Каушут-хан и легко взлетел на коня.

Две сотни застоявшихся в крепости коней одним порывом вылетели за ворота. Сверкнули обнаженные сабли. Лошади, словно выпущенные для скачек, опережая друг друга, устремились к тем двум пушкам, которые были установлены у западной стены. Не успели закрыться ворота, как передовые всадники уже достигли цели.

За орудиями стоял командир артиллеристов Эмир Мухамед-хан. Он выхватил из ножен саблю и отдал приказ задержать текинцев, не допустить их до пушек. С Мухамед-ханом был и Бекмурад-теке.

Еще на подходе Каушут заметил его и крикнул скакавшему рядом Пенди-баю:

— Бай-ага, видишь Бекмурада?!

— Вижу шакала! — крикнул в ответ Пенди-бай.

Словно в ответ ему, мимо уха Каушут-хана про-

свистела пуля, и тут же кто-то сзади вскрикнул. Каушут оглянулся и увидел, как один из его парней сорвался с лошади.

Конники Мядемина и Каушут-хана врезались друг в друга, стрелять было невозможно, в ход пошли сабли. Раздались первые крики раненых, звон сабель и ржание разгоряченных лошадей. Каушут не спускал глаз с двух человек — Эмира Мухамед-хана и Бекмурада-теке. Он подлетел к Мухамед-хану и занес шашку над его головой, но опустить ее не успел. Голова эмира вдруг дернулась и сорвалась с туловища. Каушут не успел заметить, кто опередил его, сразив Мухамед-хана.

Бекмурад-теке рубился в стороне. Каушут рванулся к нему. Когда расстояние между ними уменьшилось до пяти-шести шагов, Каушута ослепил блеск вражеской сабли, и ему показалось, что удар пришелся в ногу и ноги у него уже нет. Он не сразу понял, что произошло, когда обнаружил себя лежащим на земле. Нет, он был цел и невредим, это лошадь его с разрубленной ногой свалилась на бок.

— Хан, поднимайся! — крикнул с седла Пенди-бай. Каушута поразило лицо бая, залитое кровью.

Нукеры, узнавшие о том, что их предводитель Мухамед-хан убит, стали удирать с поля боя. Вскочив на ноги, Каушут-хан успел настигнуть Бекмурада-теке и, размахнувшись, разрубил ему правую руку. Сабля Бекмурада, падая на землю, задела Каушута и оставила заметный след на его лбу. Но в горячах хан ничего не почувствовал. Он занес саблю над свалившимся с лошади Бекмурадом и крикнул:

— Молись аллаху или садись в седло!

Бекмурад, боясь тут же лишиться головы, забыл даже о своей руке.

— Я сейчас, сейчас, хан-ага, — лепетал Бекмурад, цепляясь одной рукой за седло своей лошади, которая стояла как вкопанная на месте.

Текинцы гнали впереди себя полсотни обезоруженных нукеров, тащили на лошадях отбитые пушки. Они не успели собрать погибших в бою, оставили их среди валявшихся вражеских трупов. Каушут-хан знал, что Мядемин немедленно бросит на выручку своим нукерам новые силы. И поэтому приказал торопиться. Помощь Мядемина не успела прибыть к месту, как ворота крепости еще раз открылись и еще раз снова закрылись.

Хотя Каушут-хан потерял около семи десятков своих парней, цель свою он считал достигнутой. Он хотел получить пушки. Они теперь были у него. И вторым, главным его желанием было ободрить, поднять дух отчаявшихся в крепости людей. К тому же, захватив в плен близких к Мядемину людей, Каушут мог рассчитывать на большую покладистость его при возможных переговорах.

Как только вступили в крепость, навстречу бросились лекари, стали принимать раненых. Вокруг пушек сразу образовалась толпа. Трогали еще не успевшие остыть стволы. Кто-то кричал:

— Не трогай, выстрелит! — И люди испуганно отдергивали руки.

Каушут подошел к Пенди-баю, который сидел в стороне и ковырял щелкой землю. Голова его была перевязана.

— Куда ранен, бай-ага? — спросил он.

Налитые кровью глаза бая прослезились.

— Они отняли у меня левое ухо, шакалы.

Откуда-то взялась старуха, вцепилась в полу халата.

— Где мой сын? Там оставил сына моего, ха-ан! Оста-а-вил!

Каушут не знал, что ответить старухе, молча опустил голову. Ему некуда было деться от людского горя. Куда бы он ни шел, всюду слышалось: «Ты сына моего оставил, ха-ан». Да, за стенами крепости оставались лежать неподобранные трупы убитых текинцев.

Табибы перевязали руку Бекмураду-теке, и он был выставлен перед народом посреди крепостного двора. Но в толпе еще ходили слухи, что в плен захвачен сам Мядемин и сейчас начнется его казнь. Для многих текинцев пленение Бекмурада было не меньшим событием, чем если бы в плен был захвачен Мядемин-хан. Знавшие Бекмурада ненавидели его больше, чем Мядемина.

Бекмурад сидел в окружении толпы, опустив голову. Он знал, что будет жестоко наказан, но не верил в свою немедленную смерть, не допускал мысли, что туркмены могут убить его, потому что сам он был туркменом.

Каушут-хан обратился к толпе, но его голос был услышан немногими из-за возбужденного людского гомона. Хан говорил текинцам о предателе Бекмураде, причинившем много зла своему народу. Когда закончил

свою речь и отошел в сторону, на середину вышел Тач-ток сердар.

— Люди! — зычно крикнул он. — Люди, я никогда не был головорезом, но эту голову, — он показал на сидевшего Бекмурада, — я срублю без всяких колебаний. — И обнажил саблю. Но не успел занести ее над головой предателя, как хлопнул выстрел, и Бекмурад завалился на бок. С его лба хлестала кровь. Тач-ток сердар огляделся вокруг себя и заметил, как Сахит-хан опустил ружье вниз стволом, из которого тоненько струился дымок.

— Сердар, — сказал Сахитнияз-хан, — прости мою вину, я, кажется, опередил тебя.

Сердар вложил саблю в ножны.

— Эх, Сахитнияз, ты оставил в сердце моем рану незакрытой.

Смерть Бекмурада никого не поразила, люди понагляделись за эти дни всякого и поэтому быстро разошлись по своим местам.

Каушут-хан подошел к группе молодых парней. Они дружно, в один голос поприветствовали его и, думая, что хан подошел к ним неспроста, ждали слов. Каушут улыбнулся, любуясь бравым видом парней.

— Ребята, — сказал он, — кто бы из вас решился пойти сейчас к Мядемину? Поздороваться с ним.

Самый бойкий из парней округлил от удивления глаза и спросил:

— Как? Одному идти?

— Да, — ответил хан. — Идти послом.

Парень весело рассмеялся:

— Какие же из нас послы?

— Мы-то считали, — сказал другой, — что послами могут быть только бородатые старики.

— Вот мы и решили изменить правилу и послать безбородого посла.

Ребята призадумались. Никто не решился в первую минуту вызваться на такое необычное для них дело. Наконец выступил вперед высокий худощавый юноша.

— Хан-ага, может, мне доверите? Говорите, я слушаю.

Каушут-хан осмотрел юношу с головы до ног.

— Сынок, ты кто будешь?

— Сапармамед, родом из Амаши, хан-ага.

— Тогда идем со мной, а вы, ребята, пошлите Непес-мудлу к Сейитмухамед-ишану.

В кибитке было много народу. Родственники погибших пришли просить, чтобы тот прочитал аят по покойникам. Были тут и Пенди-бай с Оразом-яглы. Посередине кибитки на коленях стоял Сейитмухамед-ишан и читал молитву.

— . . . Аллхам рахим! — закончил ишан.

Каушут-хан, присевший у порога, вместе со всеми воздел руки горé. Ораз-яглы оглядел всех и сказал:

— Люди, по велению бога наши ребята полегли в этом бою. Но вместе с умершими нельзя умирать всем. Будьте мужественными до конца!

Сейитмухамед-ишан согласно покачал головой:

— Говорят, смерть никого не минует. И лить напрасные слезы не надо, крепитесь душой, люди. А те, кто умер не своей смертью, обретут счастье в раю.

Люди начали расходиться. Остались двое — Сейитмухамед-ишан и Ораз-яглы. Тогда Каушут-хан перешел на кошму к ишану.

— Хан, — спросил Ораз-яглы, — с кем собираешься вести переговоры?

— А с кем еще, кроме Мухамеда Якуба Мятера, можно из них разговаривать? — ответил хан вопросом на вопрос.

Вошли Непес-мудла с Сапармамедом. Каушут ответил на приветствие поэта, спросил ишана:

— Что будем писать Мядемину, ишан-ага?

— Хан, мы затрудняемся сказать, как лучше писать этому человеку. Он коварен и странно ведет себя в разговоре. Другое дело, если бы сила была на нашей стороне.

— Мне кажется, — вмешался Ораз-яглы, — будет лучше, если мы прикинемся простачками, хан, наивными людьми. Во всяком случае, нам надо помнить об учтивости.

Сейитмухамед-ишан открыл свой сундучок, достал оттуда перо и лист бумаги и протянул Непес-мудле.

— Мудла, ты уж постарайся написать по красивее. Пиши, — сказал Каушут-хан. — «Эй, Мядемин-хан, от нас вам привет! У нас две ваши пушки и много ваших людей в плену. Просим вас направить к нам для переговоров умного визиря Мухамеда Якуба Мятера. Клянем-

ся солью, что посол ваш будет возвращен вам в полном здравии. Текинский хан Каушут-хан».

Каушут-хан взял из рук муллы письмо, пробежал его глазами и протянул обеими руками Сапармамеду.

— Иди, сынок, пусть светлым будет твой путь! Если согласится, спроси, когда ждать посла.

Встреча была назначена на четверг, в одиннадцать утра. Мядемин приказал Мухамеду Якубу Мятеру выйти к старому арыку у западной стены крепости и там ждать Каушут-хана. Хотя туркмены и поклялись солью, Мядемин запретил своему советнику идти прямо в крепость.

В назначенный час сторожевые заметили спускавшегося с Аджигам-тепе человека, он шел к западной стене.

Каушут-хан от Сейитмухамед-ишана отправился к воротам. По пути встретил Келхана Кепеле, опухшего, но бодрого и даже веселого.

— Что с тобой, Келхан? Лицо опухло, а сам сияешь, как молодой месяц? Не курил ли ты анашу?

— Хан,— весело сказал Келхан Кепеле,— трое суток я не смыкал глаз, а сегодня отоспался за все. И сон же мне приснился!

— Голодной куме всё пироги на уме! Хочешь, рас-толкую твой сон?

— Нет, хан, не трудись зря. Три человека уже ска-зали, что сон мой к женитьбе.

— Я сказал бы то же самое. Ты бы хоть помылся по этому случаю, или только радуешься своему сну, как нищий, который нашел золото?

Келхан стыдливо опустил голову:

— Нет, хан, не получается у меня с этим делом.

— Успокойся, все будет так, как я говорю.

— Да услышит аллах твои слова, хан.

— Считай, что он уже их услышал. Эншалла, только вот покончим с врагом. Я сам позабочусь о твоей же-нитьбе.

Келхан заулыбался. Он уже видел себя в объятиях молодой вдовы, глаза его засветились счастьем.

Каушут при виде сияющего Келхана вспомнил по-словицу:

— Все ты умираешь, все умираешь, а скажи тебе о женитьбе, сразу оживаешь.

— Что же, хан, ты считаешь меня умирающим? А мне ведь только пятьдесят.

— Ай Келхан, не время сейчас думать о возрасте.

Каушут-хан хотел отшутиться, но Келхан Кепеле, у которого бродили кое-какие мысли, принимал слова хана за чистую монету. Он посмотрел на Каушута, и взгляд его задержался на кушаке, за которым прятался нож.

— Это в подарок послу,— сказал Каушут.— Из дамасской стали.

— Не надо думать так, хан. Ты еще договоришься с Мядемином. Мы везучие. И потом, говорят что доброе намерение — уже половина дела.

— Также верно, Келхан. Вот я и отправляюсь к Якубу Мятеру с добрыми намерениями.

Сказав это, Каушут зашагал к воротам. Келхан Кепеле крикнул вдогонку:

— Желаю удачи, хан!

— Молись, и бог даст!

Почти перед самыми воротами, в песке, валялись брошенные кем-то кривые сабли и ружья. Их было так много, что сразу и не пересчитать. Хан с удивлением остановился перед брошенным оружием, задавал себе вопросы и не мог найти ответа.

— Хан-ага! — крикнул караульный.— Посол подходит к старому арыку!

— Сейчас выхожу! — ответил Каушут, не отрывая глаз от этих сабель и ружей в песке.— Что тут творится? Почему не подберете, у нас же не хватает оружия!

Ответ караульного был прямым:

— Если бы оружия не хватало, хан-ага, его не побросали бы в песок.

Каушут-хан не поверил своим ушам.

— Что ты сказал, парень? Побросали и ушли?

— Так, хан-ага. Побросали и ушли. Люди Горгора сговорились не ходить больше в бой, Каушут-хан, говорят, толкает нас на верную смерть. Хотят послать к вам аксакала, хотят открыть ворота, идти на поклон к Мядемину.— Караульный проговорил все это и отвернулся к старому арыку, как будто был и сам обижен на хана.

Все было ясно без дальнейших расспросов, Каушут тяжело вздохнул и заспешил к дарням, стоявшим на охране ворот, приказал немедленно собрать оружие и вышел из крепости.

«Алла-хи акбер! Алла-хи акбер!»

Этот тревожный день двадцать девятого марта тысяча восемьсот пятьдесят пятого года начинался в осажденной крепости Серахс точно так же, как и все предшествующие. Но закончиться должен был совсем по-другому. Возможно, что текинцы уже не увидят начала следующего дня, не услышат больше звуков утреннего азана и новое солнце взойдет уже без них. Попытка переговоров Каушут-хана с Мухамедом Якубом Мятером ни к чему не привела. Мядемин настаивал на своих условиях. И двадцать девятого марта выступил в последний бой. По его расчетам, штурм должен был закончиться к полудню. Войско готовилось смешать крепость с землей и отобедать после полного разгрома текинцев.

Мядемин неспроста считал этот бой последним. Войска под предводительством Эрниязы Махрема и Довлет-нияз-аталыка благополучно вернулись из Кызыл-Кая и Акдербента вечером минувшего дня, они привели пленников и много скота.

Накануне вечером сумел пробиться в крепость с неполной сотней гаджар Сафарак. Он сообщил, что двенадцать тысяч воинов Ферудина Мирзы остановились в Акдербенте и ждут там боя.

Каушут-хан ничего не сказал Сафарaku. Он понимал теперь, как Иран собирается помочь текинцам. Вместо обещанных двадцати тысяч шах послал двенадцать, да и те стоят в Акдербенте, далеко от Серахса, и могут поспеть в крепость после полного ее разгрома.

Уже вечером, накануне последнего боя, Каушут-хан ясно представлял себе безвыходность своего положения. Он ходил из стороны в сторону по крепостному двору и мучительно искал выхода из сложившейся обстановки. Час сна еще не наступил, но в крепости стояла какая-то странная тишина, и это еще больше тревожило хана. Ему казалось, что люди молча раздумывают сейчас о приближающейся смерти. Иранский шах предал их, и ждать от него помощи было бесполезно. Напрасно ждать ее и от Ахала. Каушут подумал было послать еще одного гонца в Ахал, но тут же отказался от этой мысли. Было поздно. Оставалось рассчитывать только на свои силы. А их было так мало, что серьезно думать о спасении людей от неминуемой гибели уже не приходилось. Но вставать перед Мядемином на колени тоже не хотелось, к тому же и в этом случае конец будет только один — смерть.

Среди тысячи мучивших Каушут-хана мыслей мелькнула и задержалась в голове еще одна. Пойти на хитрость. А вдруг повезет?! Он послал за Курбаном. Тот незамедлительно явился.

— Вы звали, хан-ага?

— Да,— сказал Каушут, кладя руку на плечо юноши.— Ты уже оказал своему народу великую услугу, сынок. Об этом знает весь Серахс. Пришел час для новой услуги.

— Говорите, хан-ага. Говорите, если я гожусь на что-то.

— Сейчас скажу, Курбан.— Хан убрал руку и стал говорить.

Еще до того, как люди отойдут ко сну, Курбан должен был отправиться к Мядемину. О тайном замысле не должен знать никто, кроме двух человек, идущего и посылающего. Но Курбан не мог покинуть крепость, не поделившись своей тайной с третьим человеком, с Каркарой.

Девушка еще не спала. Она вспоминала дни тяжелых испытаний, которые обрушила на нее судьба. И в страшной веренице дней был один-единственный светлый лучик, это — Курбан. Она повторяла слова, которые когда-то у реки проронил Курбан, и надежда снова затеплилась в ее душе.

Девушка все эти дни не переставала думать о Курбане, об их возможном счастье, потому что всем сердцем любила его, но, привыкшая с рождения видеть одни преграды и страдания, плохо верила в благополучный исход своих мечтаний. А теперь, когда крепость обступали враги, она и вовсе потеряла всякую надежду.

Погруженная в эти размышления, Каркара вздрогнула, услышав свое имя. Она узнала голос Курбана. И в эту минуту уже не помнила ни опасности, нависавшей над крепостью, ни о тех бедствиях, которые угнетали всех и днем и ночью. Курбан был для нее тем отважным молодцем, о которых она знала только по сказкам. Ведь о нем говорили люди повсюду после возвращения из Ахала. И в этот тяжелый час он не забыл о ней, вспомнил, пришел, ведь это же его голос слышит она сейчас. На людях Каркара, гордясь Курбаном, старалась скрыть от других свою радость, но от себя скрыть не могла. Она думала о нем постоянно, он снился ей во сне. Когда она первый раз услышала рассказ о подви-

ге Курбана, он приснился ей, но не в бедном своем одеянии, а в дорогом убранстве, что привозят из Хивы да Ирана, на прекрасном, богато убранном скакуне, в седле, напоминавшем крылья ласточки. Вокруг него много людей, но он, сойдя с коня, подходит именно к ней, стоящей в кругу девушек, и два раза целует ее в щеку.

На цыпочках, чтобы не разбудить спящих, Каркара вышла из кибитки и, увидев Курбана, который держал в поводу заседланную лошадь, почувствовала тревогу. Смутившись, тут же подумала, что не время сейчас для стеснения, и первый раз после встречи у реки заговорила спокойно:

— Ты, Курбан? Куда собрался на ночь?

Курбан ответил шепотом:

— Этого не должен знать никто, кроме нас с тобой, Каркара. Хан посылает меня к Мядемину.

«Кроме нас двоих»,— сказал Курбан. Значит, для него нет никого ближе во всем Серахсе. Сердце ее сжалось от счастья и от тревоги за любимого человека, который глухой ночью отправляется в логово врага.

— К страшному врагу? Зачем, Курбан?

Курбан ответил с достоинством человека, которому оказал такое доверие хан:

— Потом узнаешь, Каркара.

— Не дай бог,— сказала девушка и прикусила язык, как будто он отнялся у нее от страха.

— Ничего со мной не случится,— успокоил он Каркару.— Просто я зашел повидаться с тобой перед дорогой.

Не видевшая уже много дней Курбана, Каркара хотела сказать ему, что она тоже соскучилась по нем, но только начала говорить и тут же остановилась, не в силах была продолжать дальше.

— Я тоже...

— Просто я решил повидаться с тобой перед дорогой,— повторил Курбан, закладывая ногу в стремя.

— Возвращайся целым и поскорей,— сказала Каркара.

Поднявшись в седло, Курбан скоро растворился со своей черной лошадью в темноте. Уже не было видно его, а Каркара все смотрела во тьму.

У ворот его встретил Каушут-хан. Взявшись за луку седла, он напутствовал Курбана:

— Держись, сынок. Если удастся наша затея, мы не

будем растоптаны чужими копытами. Да поможет нам аллах!

Открыли ворота. Курбан стегнул своего коня и скрылся в ночи.

До Аджигам-тепе Курбан добрался без всяких препятствий, но был схвачен караульными, как только поднялся на холм. Нукерам он ничего не сказал. Схвативший Курбана подумал, что парень неспроста покинул крепость в такой неурочный час, и бегом кинулся к палатке хана.

Мядемин не спал еще, сидел в кругу своих советников. Не сомневаясь в своей завтрашней победе, они говорили о том, как им не упустить Каушут-хана и взять его живым.

Мядемин был в приподнятом настроении, потому что оставалось немного часов, когда над развалинами крепости взвосьется его знамя. Толком не дослушав караульного, он коротко приказал:

— Пусть войдет!

Курбан вошел в палатку, поздоровался сквозь слезы и опустил голову.

Мухамед Якуб Мятер спросил:

— Говори нам, что тебя привело сюда, парень?

Курбан сжал со всей силой камчу.

— Мои старшие братья, — сказал он. — Я пришел к вам просить защиты. Отомстите за меня.

И снова спросил вместо хана советник:

— За что мы должны мстить и кому?

— Каушут-хан отнял у меня нареченную и собирается на ней жениться. Завтра собирается играть свадьбу. Я сирота, у меня нет ни одного родича.

Сидевшие переглянулись. Наконец подал голос Мядемин. Он сказал:

— Разве Каушут-хан не знает, что завтра он будет лежать не в объятиях молодой девушки, а в развалинах своей крепости?

Курбан стал говорить увереннее:

— Нет, хан-ага. Он думает только о своей свадьбе, об остальном ничего не хочет знать.

Мядемин удивился:

— Что же, он ум потерял?

Сообщением Курбана заинтересовались, и он окончательно успокоился.

— Только что из Тегерана, — сказал он, — прибыли гонцы, сотня верховых. Насреддин-шах послал на помощь Каушут-хану двадцать пять тысяч воинов, они стоят уже в Кызыл-Кая. К полудню обещали быть в Серахсе.

Мядемин не хотел верить своим ушам, вопросительно посмотрел на Мухамеда Якуба Мятера. Мятер хлопнул в ладоши. В палатку вошел нукер.

— Позвать разведчика!

В один миг высокий худощавый нукер был вызван и уже стоял перед советниками и ханом. Вид его был испуганным.

— Сколько ты насчитал нукеров, которые прошли в крепость? — спросил Мятер.

Вопрос не таил никакой опасности и разведчик просветлел лицом.

— В темноте, — сказал он, — не так хорошо видно, но, по-моему, их было от восьми до девяти десятков.

Якуб Мятер обменялся взглядом с Мядемином и отпустил разведчика. Мядемин обратился к Курбану:

— Ты, парень, можешь спокойно жить среди моих воинов. Завтра к вечеру твоя нареченная будет с тобой. А мы накажем Каушут-хана. Ты не первый текинец, кто жаждет крови Каушут-хана. Ходжам Шукур только и мечтает об этом.

Курбан, как учил его Каушут, низко поклонился и вышел из палатки.

На рассвете караульный спешно подошел к расхаживавшему в одиночестве Каушут-хану и стал что-то шептать ему на ухо. Хан быстрым шагом направился к воротам. Поднявшись на ступеньки, Каушут-хан не поверил своим глазам. В предрассветной мгле, напоминая стадо баранов, непрерывным потоком продвигались на юг хивинские войска.

Как ни хорохорился Мядемин-хан, все же он побаивался иранского шаха. Оставив при себе войско, достаточное, по его расчетам, для разгрома крепости, остальные силы он направил в Кызыл-Кая, чтобы задержать там и уничтожить шахский отряд, посланный на помощь текинцам.

Радости Каушута не было предела. Пусть впереди еще тяжелые бои, но он считал, что уже победил Мядемина. Каушут спустился вниз, хотел было на радостях

разбудить Ораза-яглы и Непес-муллу, но раздумал, люди устали, пусть отдохнут как следует, Он снова поднялся на ступени ворот.

Вражеское войско поспешно уходило на юг. Последние всадники пронеслись мимо крепости. Теперь можно было поднять на ноги своих помощников. Только подумал об этом, как увидел новый конный отряд, человек в пятьсот, который спускался с холма Аджигам-тепе. Они, должно быть, отстали от основного войска и теперь должны были нагнать его. Но всадники, вдруг развернувшись, пошли прямо на крепость, к крепостным воротам.

— Приготовить оружие! — крикнул Каушут, оглянувшись во двор.

Под западной стеной стояли возле своих коней вооруженные защитники крепости и ждали приказа Каушут-хана. Они были готовы вступить в бой. Тем временем пятьсот всадников на всем скаку приближались к крепости. Вот они остановились недалеко, один из них отделился и подъехал к самым воротам. Каушут-хан узнал в нем Курбана.

— Откройте ворота и позовите хана-ага! — крикнул Курбан.

Каушут вышел из крепости.

— Что за всадники, сынок? — спросил он юношу. Курбан спрыгнул с лошади.

— Каушут-ага, это люди Ходжама Шукура. Они не хотят выступать против нас, своих братьев, сговорились и удрали. Разрешите им войти в крепость.

Каушут похлопал Курбана по спине, потом помахал палахой стоявшим в стороне всадникам. Пришпорив лошадей, они влились в открытые ворота.

До восхода солнца Каушут-хан успел сделать обход крепости. Картина была безрадостной. Переполненные отхожие ямы, конский навоз, моча, пищевые отбросы распространяли трудно переносимую вонь. Запас питьевой воды был на исходе. Люди, а их насчитывались здесь тысячи, могли продержаться в крепости не больше трех дней. Слабые духом впадали в панику и нытье. Все больше появлялось людей, которые вслух обвиняли Каушута. Умножались сторонники жителей аула Горгор, которые отказывались выступать против Мядемина,

собирались идти к нему на поклон, что особенно беспо-
койло Каушут-хана. Как только взошло солнце, он со-
звал своих ближайших помощников в кибитке Сейитму-
хамед-ишана.

— Люди,— обратился к собравшимся ишан,— от нас
с вами зависит судьба нашего народа. Соберите все
свое мужество и свой разум, мы ждем вашего слова.
Говорите.

Люди молчали. Что они могли сказать? Либо встать
на колени перед Мядемином и просить пощады, либо
сражаться до конца. Третьего не дано.

Ишан окинул всех взглядом, но увидел только опу-
щенные головы. И тогда прервал тягостное молчание
Непес-мулла. Он сказал:

— Ишан-ага, хотелось бы услышать ваше мнение.

Сейитмухамед-ишан, как от внезапного резкого све-
та, заморгал глазами. Четки в его сухих пальцах издали
нервный треск.

— Мулла,— сказал он,— есть ханы, есть мергены,
наше мнение совпадает с их мнением.

— И все же нам хотелось бы услышать ваше,— под-
держал Непес-мулла Ораз-яглы.

— Ну, если сказать, люди, то мы считаем, что лучше
не проливать зря людскую кровь, а снова послать по-
слов к Мядемину и просить милости. Все равно нам не
одолеть его.

— Но ведь мы уже просили, ишан-ага,— возразил
Непес-мулла.— Ничего не вышло, а пойти на условия
Мядемина мы не пойдем.

— Что делать, мулла, если нет другого выхода.

Каушут-хан не согласился с этим.

— Ишан-ага, этот совет ваш мы не можем принять.
Если мы снова пойдем к Мядемину, он поймет, что те-
кинцы уже сдаются, и поставит новые условия, еще бо-
лее трудные. Хватит ли совести жить, если собственны-
ми руками отдадим наших девушек в объятья Мядеми-
ну, а наш народ ему в рабство? Лучше умереть, я
считаю.

— Умрете вы или нет, хан, дурной человек все равно
не откажется от своих дурных намерений.

— Если мы умрем в бою, мы будем счастливы,
ишан-ага,— сказал Непес-мулла.

Ишан зло сверкнул глазами в сторону муллы.

— И все же, мулла, нельзя поступать по пословице:

«Лишь бы глаза мои не видели, и пусть волки едят мой зад».

Каушут-хан принял решительный вид и уже не думал, что может обидеть ишана.

— К тому же,— сказал Непес-мулла,— и туркмены, и Мядемин созданы одним аллахом. И если аллах поможет нам, то победит не численность войск, а отвага.

Эти слова пришлись по душе Каушут-хану, и он решил не затягивать разговор.

— Ишан-ага, не обижайтесь на нас, а лучше благословите перед боем. Тем более что много войск Мядемина ушло в Кызыл-Кай.

Сейитмухамед-ишан собрался было сказать что-то в ответ, но ему помешал вошедший воин.

— Хан-ага,— обратился он к Каушуту,— Мядемин со всем войском идет на крепость!

— Со всем войском он не может идти,— сказал Каушут-хан.— Его десять тысяч ушли в горы. А с остатком мы попробуем справиться.

Каушут-хан улыбнулся. И все почувствовали некоторое облегчение.

Как только человек вышел, тут же откинулся полог и вслед за тем вошли шесть седобородых аксакалов. Самый крепкий из них нашел глазами Каушута.

— Хан,— сказал он,— мы пришли к тебе.

— Это хорошо, что вы пришли ко мне. Проходите, садитесь.

— Нет, хан, мы не будем садиться.

— Тогда говорите, с чем пришли.

— Мы, хан, люди Горгора. Пришли от имени своих людей. Из нашего аула уже погибло двадцать человек.

— Никто, отец, не вышел из воды сухим. Когда нападает враг, приходится и убивать, и самому умирать в бою.

— Хан, нам не хочется, вслед за тобой, отдавать свои головы, открой нам ворота, мы вернемся в аул.

В разговор вмешался Непес-мулла:

— Если хан и разрешит вам открыть ворота, как вы пройдете через войско-врага?

Яшули решительно возразил:

— Если не наступать на хвост лежащей собаки, она не укусит, мулла. Мы найдем общий язык с Мядемином. Он тоже человек. А человек поймет язык другого человека. Мы хотим жить с ним в ладу.

Сейитмухамед-ишан несколько раз выразительно посмотрел на Каушут-хана, как бы говоря: «Вот видишь, хан, есть и другие люди, которые не хотят воевать».

Яшули ждал ответа от хана. Однако Каушут молчал, он не знал, что сказать аксакалам.

— Хан, говори что хочешь, только не томи людей,— сказал Ораз-яглы.

Каушут сурово взглянул на аксакалов:

— Вы все из Горгора?

Старики вразнобой закивали головами.

— Мы все из одного аула,— ответил самый крепкий из них.

— Если это так,— сказал Каушут-хан, вставая с кошмы,— я отпускаю всех шестерых. Светлый путь, можете идти!

— Нет, хан, мы не собираемся идти вшестером. Мы хотим увести из крепости всех жителей Горгора.

— С ними я буду сам говорить,— ответил хан, направляясь к выходу.— Если они захотят последовать за вами, я отпущу их. Мы не будем задерживать тех, кто хочет покинуть нас.

Каушут вышел из кибитки. Там стояли в ожидании еще несколько человек, пришедших с аксакалами. Хан не остановился перед ними и, не сказав ни слова, направился к воротам. Еще на подходе он увидел через решетку надвигавшегося врага. Взбираясь по ступенькам, Каушут громко сказал, чтобы подбодрить защитников крепости:

— Пускай идут! С нами аллах!

Хотя враг был еще не так близко, Каушут заметил, что на последний штурм Мядемин собрал все, что оставалось у него в лагере. На вершине Аджигам-тепе, кроме палатки хана, не видно было никого. Все живое двигалось в сторону крепости.

Каушут спустился вниз и спокойно, как будто ничего особенного не происходило, осмотрелся вокруг и загадочно, как бы отвечая на какие-то свои мысли, улыбнулся.

— Ребята,— обратился он к защитникам крепостных ворот,— если я открою вход в крепость, сможете устоять перед псами Мядемина?

— Устоим, хан-ага!

— Мы горло им перегрызем!

— За голову голову снимем, хан-ага!

— Надеюсь на вас,— сказал хан.— Даст аллах, мы подвесим сегодня на воротах голову Мядемина.

Обходя крепость, Каушут-хан заметил шумную толпу женщин и подошел к ним. Обычно в присутствии мужчин они говорили только шепотом. На этот раз, несмотря на то что среди них находилось несколько мужчин и даже несмотря на то, что к ним подошел хан, они продолжали говорить полным голосом и даже перебрасываться шутками. Одни тащили откуда-то длинные шести, другие к этим шестам приматывали шерстяной пряжей овечьи ножницы. Ба! Да это же пики, настоящие пики! Каушут взял одну из этих самодельных пик, подергал за пружинное кольцо ножниц, и они легко сорвались с места, сползли вниз по шести. Полная сорокалетняя женщина, стоявшая возле хана и наблюдавшая за ним, густо покраснела.

— Таким оружием много не навоюешь,— сказал хан, и женщина покраснела еще сильнее.

Не глядя на нее, Каушут протянул руку:

— Подай гарус.

Женщина подала хану моток пряжи, и он сам принялся закреплять ножницы. Примотал их не в двух местах, а в трех. Попробовал. Ножницы держались крепко. Каушут поднял копьё в боевой изготовке и улыбнулся. Душа его переполнилась нежностью к своим соотечественницам.

— Вот так надо, славные мои воины! Перевязывайте в трех местах.— И протянул женщине пику-самodelку.

— Спасибо, хан-ага,— сказала она со странным и сложным чувством благодарности и незнакомой радости оттого, что первый раз в жизни стоит перед чужим мужчиной, перед самим ханом, без паранджи и даже разговаривает с ним. А он, как свой, как близкий человек, совсем не замечает этого.

Совсем уже осмелев, она сказала:

— Хан-ага, разрешите и нам выйти за ворота. Стрелять мы не умеем, но руки наши могут держать вот это,— она также подняла пику над собой.— Есть и такие среди нас, что могут и коня оседлать. Разрешите...

Каушут колебался минуту, потом ответил:

— Я пошлю к вам Непес-муллу. Что он скажет, то и будете делать.— Каушут повернулся и ушел прочь.

Он шел по крепости, слушал возбужденные перед скорым боем голоса, лязг и бряцанье оружия, топот ног,

какие-то удары и стуки, но думал о женщинах. Впервые он думал о них не так, как привык думать всегда. Что-то незнакомое и неожиданное открыла ему эта полная с милым лицом и западающими в душу глазами женщина, затея с самодельными пиками, желание выйти рядом с мужчинами в бой на врага. От этих мыслей отвлекло его брошенное и собранное теперь в одну кучу оружие.

Он вспомнил об аксакалах из аула Горгор, и брови его нахмурились. Старики и сопровождавшие их аульчане все еще стояли перед кибиткой Сейитмухамед-ишана в ожидании хана.

Каушут подошел к ним и сказал с вызовом:

— Если есть среди вас мужчины, пусть соберутся возле брошенного оружия!

Крепкий аксакал, что разговаривал с ханом, с обидой в голосе ответил:

— Ты, хан, не зови наших мужчин к оружию, нам оно ни к чему, ты лучше открой ворота, и мы уйдем.

Каушуту пришлось повысить голос.

— Пока не соберете оружие, ворота будут закрыты!

Старики вынуждены были повиноваться и уйти, чтобы выполнить приказ.

— Келхан! Собери сюда женщин и девушек! — крикнул все тем же рассерженным голосом.

— Зачем они понадобились тебе, хан?

— Поменьше спрашивай, Келхан, делай, что сказано.

Пока собирались женщины, подошли и собранные стариками люди из Горгора. Большинство из них были крепкими молодыми парнями. Вслед за ними уже знакомый седобородый яшули привел сюда же своих женщин и девушек.

— Хан, — сказал старик, — это наши жены и дочери.

— Пусть они встанут к ним, — приказал Каушут, кивнув в сторону других женщин.

Люди стояли в ожидании чего-то необычного и даже на минуту забыли о том, что враг вот-вот подойдет к самой крепости.

Каушут-хан заговорил громко, чтобы слышали все.

— Народ! — возвысил он голос до крика. — Наступил тяжкий час, за нашими воротами смертельный враг! Мядемин пришел, чтобы опорочить наших жен и дочерей. Кто не хочет этого позора, пусть берет в руки оружие и следует за мной. А эти вот парни из Горгора

хотят покинуть нас, сохранить свои головы в обмен на наших сестер, жен и дочерей.

И крик из толпы:

— Врешь, хан-ага!

Каушут повернулся на голос. Вперед выступил высокий парень.

— Хан-ага,— сказал он,— нашу честь порочит не Мядемин, а ты, хан!

— Чем же я опорочил вашу честь? Говори!

Парень взглянул на женщин и опустил голову.

— Ты опозорил нас перед женщинами.

На помощь первому выступил второй парень:

— Хан-ага, не считай нас трусами. За свою честь мы положим свои головы.

Женщины из Горгора зашептались между собой. Каушут насмешливо улыбнулся:

— Тогда скажите, отважные парни, кто же это побросал вон то оружие?

В считанные минуты на земле не осталось ни одного ружья, ни одной сабли. Горгорцы бросились к своим коням. Каушут поискал глазами аксакалов, но их и след простыл, они растворились в толпе, подальше от глаз Каушута.

Келхан Кепеле подошел к хану и потянулся к его уху:

— Если не веришь, пойдем со мной, хан-ага.

— Потерпи, Келхан, я сам проверю.

— Один?

— Зачем? С Пенди-баем. Бай-ага! — крикнул Каушут. — Теперь к тебе дело. Аксакалы! Приглашаю на интересное представление!

Пенди-бай был так удивлен, что ни о чем не спросил хана, а молча последовал за ним.

У кибитки сидели Огултач-эдже, Язсолтан, невестка Огултач-эдже и четвертая женщина в парандже.

Язсолтан заволновалась перед входящим мужем и сопровождавшими его людьми. Растерялась и Огултач-эдже, заметив среди вошедших самого Сейитмухамед-ишана.

Каушут-хан с нахмуренным лицом подошел к невесткам, вернее, к той, которая казалась здоровее и покрепче телом, и, не говоря ни слова, сорвал с нее паранджу. Вместе с головным убором она отлетела в сторону. И все ахнули. Здоровой невесткой оказался сын Пенди-

бая Мялик. Перерядившись в женскую одежду, он хотел отсидеться здесь, когда мужчины отправятся в бой. Знали об этом только жена Мялика и его мать Огултач-эдже. Она хотела спасти единственного сына от смерти, не могла себе представить, как труп его принесут в крепость, завернутый в кошму. Боясь гнева Пенди-бая, она даже ему не сказала о своем намерении спасти сына.

У Пенди-бая, как только была сорвана с сына паранджа, потемнело в глазах, на лбу выступил от стыда холодный пот. Он схватился за рукоятку кинжала, выхватил его из ножен и бросился на сына. Мялик с ужасом закрыл лицо руками. Каушут-хан успел схватить за руку Пенди-бая. Тот был старше хана лет на пятнадцать, но в эту минуту с налитыми кровью глазами обратился к Каушуту, как к старшему:

— Хан-ага! Ты хоть не держи меня!

Каушут не пожалел Пенди-бая, вывернул ему руку и отнял кинжал.

— Убивать мертвого — слабость, бай.

Эти слова еще больнее задели Пенди-бая, чем предательство сына. Он заплакал, слезы позора падали на его седую бороду. Словно увидев уже труп сына, бай обхватил руками голову и взвыл.

— Охо-хо-ов! — И упал в ноги Каушут-хану...

Первые выстрелы пушек Мядемина уже сотрясали воздух. Люди успели привыкнуть к орудийным залпам и теперь уже не так болезненно отзывались на эту пальбу. Непес-мулла выстраивал свое воинство с пиками-самоделками. Под его началом было более двухсот женщин.

Каушут, оставив на стене Тач-гок сердара и Келхана Кепеле, спустился вниз к Оразу-яглы, у которого уже не было сил для нового боя, но его сабля была при нем.

— Что это вид у тебя невеселый, хан? — спросил Ораз-яглы.

— А ты не видишь, какая сила идет на нас?!

— У тебя, хан, тоже немало парней, слава аллаху, — Ораз-яглы окинул взглядом крепость. — И эти еще, иранцы. — Ораз-яглы показал на группу верховых, выделявшихся своей особой одеждой.

— Да, — отозвался Каушут.

— Хорошо хоть, этих послал, и на том спасибо. Но сирота, говорят, сам себе перерезает пуповину. Нечего надеяться на других. Крепко держи свою кривую саблю и призывай на помощь аллаха.

Спустившийся со стены Тач-гок сердар обратился к Оразу-яглы:

— Я считаю, хан-ага, Каушут-хан прав, а каков будет ваш совет?

— Что-то, мерген, я не пойму, о чем ты говоришь.

— Каушут-хан вот что говорит. Надо открыть ворота и пустить на Мядемина пять-шесть сотен всадников. Потом еще один отряд.

Ораз-яглы, только теперь понявший замысел Каушута, ответил с достоинством:

— Ты правильно понял, сердар. Но если пойдет на Мядемина только два отряда, враг может подумать, что больше у нас нет сил, и будет лезть напролом. Надо через какое-то время выпустить еще два отряда, один послать на левый край, другой — на правый, в обхват. И тогда враг не устоит.

Каушут-хан согласился с Оразом-яглы. Времени для разговоров не оставалось, перестрелка за стенами усилилась, и Каушут быстрым шагом направился к своему войску.

Первую группу в пятьсот сабель возглавил Тач-гок сердар, вторую, такой же численности, — Каушут-хан. Конники столпились у ворот. Непес-мулла подъехал к Каушуту и доложил, что его воинство готово к сражению. Сотня женщин уже сидела на конях, и тьма пеших стояла за всадниками с поднятыми пиками, а кому не хватило овечьих ножиц, держали в руках косы, вилы и грабли.

— Хорошо, мулла. Только не лезь на рожон, а заходи двумя группами слева и справа, — второпях ответил Каушут.

Лошадь под Непес-муллой дико заржала и встала на дыбы. Мулла стукнул ее по шее.

— Потерпи, милая, потерпи.

Каушут-хан крикнул вышедшему на порог кибитки Сейитмухамед-ишану:

— Ишан-ага! Если можете, благословите нас!

Ишану не понравились женщины с овечьими ножицами на концах шестов! О аллах, и они туда же! Но ишан понимал, что, если он не даст благословения, все равно все уйдут и без его молитвы. Его слова: «Светлый путь! Пусть каждый из вас стоит тысячи!» — потонули в общем шуме. Ворота медленно раскрылись.

— О аллах!

- Будьте мужественны!
- За голову — голову!
- Чув!

Ржали кони. Ножницы, сталкиваясь с ножницами над головами женщин, издавали странный звон. Пыль тучами поднималась к небу.

Ничего подобного не ожидали ни Мядемин, ни его военачальники, ни их нукеры. Да и все они были уже не те, что в первые дни, когда двумя пушечными выстрелами приводили в ужас текинцев. И все-таки они ломились вперед в полной уверенности, что крепость сегодня падет перед их натиском. Уверенно шли кони под ними, пронзительней, чем прежде, пела зурна.

Каушут-хан с полусотней верных джигитов тронулся к востоку. И в ту же минуту показались из-за холма нукеры Мядемина. На рысях мчались они, размахивая саблями, навстречу. Во главе полусотни сарыков, ехавших с Каушут-ханом, был Арнакурбан, прибывший из Мары и сегодня впервые вступающий в бой. Он низко склонился к гриве, положив между ушами лошади длинный лук. Распластавшись над конской гривой, Арнакурбан то и дело повторял со вздохом: «О, аллах! За голову — по голове!»

Лошади противников, как стрелы, летели друг другу навстречу. Тревожно всхрапывали, чуя близкую смерть, и перед смычкой замедляли бег. Как и людям, сидевшим в седлах, им не хотелось торопиться к смерти, то одна, то другая тяжело вскидывались, вставали на дыбы, как бы готовясь повернуть назад.

Наконец столкнулись кони с конями, и вот уже утробное ржание слилось с холодным лязгом скрещенных сабель. В эти звуки вплетались первые стоны раненых и разгоряченные боем голоса: «Ийя, аллах, ийя, Шахимердан!» Кто-то кричал:

— Справа заходи, справа!

Кто-то подбадривал друга гортанными криками. Но никто ничего не слышал и не обращал внимания на слова и крики. Слышал только сам говоривший или кричавший. Каждый был занят своим делом, не думал ни о страхе, ни о смерти. Рубили друг друга, кололи саблями, сбрасывали с седел на землю. Люди напоминали диких зверей в смертельной схватке.

Бой понемногу стал затихать, и можно было уже оглядеться по сторонам.

Арнакурбан не давал отдыха своему луку. Пущенная сарыком стрела вошла в живот налетевшему на него нукеру. Тот обнял ее руками и свалился с лошади. Арнакурбан и не подумал вырвать стрелу обратно, резко свернул коня и схватился за саблю.

Лошади, потерявшие всадников, носились по полю без всякой цели. Их становилось все больше и больше.

Каушут-хан со своей группой сражался на левом фланге и никак не мог понять, в чью пользу разворачивается бой. Он должен был встретиться с группой Келхана Кепеле, рубившейся справа. Но время шло, а Келхан все еще не выходил на соединение. Зато Каушут пробился к бойцам Непес-муллы, которые вместе с сарыками действовали в центре.

Скопление всадников заметно стало редеть, но не потому, что многие были убиты, а потому, что войско рассредоточилось по всему полю. Теперь уже противникам надо было гоняться друг за другом. Но кто за кем гонялся, все еще нельзя было разобрать.

Каушут приметил мечущегося Арнакурбана.

— Держись, сарык! Аллах на нашей стороне! — крикнул он храброму сарыку.

— Хорошо, хан-ага! Теперь я могу и умереть спокойно, — отозвался Арнакурбан.

Когда всадники Каушут-хана сошлись наконец со всадниками Келхана Кепеле, обстановка изменилась еще сильнее. Хивинский отряд был рассечен на две половины, и можно было увидеть самого Мядемина, который сидел на своем сером коне позади своих нукеров и наблюдал за ходом боя.

Арнакурбан стремительно преследовал убежавшего воина и не видел, как за его спиной неслись два хивинца. Но Каушут заметил это и бросился наметом выручать храброго сарыка. Не успел он настигнуть врага, как над головой Арнакурбана взблеснула сабля нукера.

— Арнакурбан! — крикнул Каушут-хан. Но сарык, увлеченный преследованием врага, не расслышал. Сабля понграла над его головой, но, не успев свершить свое страшное дело, отлетела в сторону, а безрукий нукер вслед за саблей вылетел из седла. Второй нукер испуганно повернул своего коня назад. Только тут Каушут

заметил юного Курбана, который в общей суматохе успел вымахнуть наперерез скакавшим нукерам и спасти от верной смерти Арнакурбана.

Воинам Мядемина казалось, что потоку текинцев, вырвавшихся из крепостных ворот, не будет конца. Сначала бросились им навстречу два отряда конницы, потом еще отряд. Первые две группы ударились в сторону Аджигам-тепе, где Мядемин оставил всего лишь одну свою сотню. Стремительный бег ахалтекинских коней поразил хивинцев.

Прошло какое-то время, и из ворот выступили женщины. Сначала на конях, потом пешим с пиками, вслед за ними с вилами и серпами.

Вся эта туча, гремящая ножницами, сразу же начала раздваиваться, одна часть заходила на левый край, другая — на правый.

Первым прорвался сквозь вражеское скопление Тачгок сердар и устремился к Аджигам-тепе. Каушуту со своей группой было легче пройти через образовавшийся пролом. Сквозь шум боя он слышал стон раненых, выброшенных из седла. Но он весь был собран для броска к Аджигам-тепе, молил бога, чтобы не слететь с коня раньше, чем он настигнет самого Мядемина. Ему и в голову не приходило, что его могут опередить, что другие так же, как и он, жаждали крови этого человека.

Для Ходжама Шукура, который по утрам приходил приветствовать хана, наступил сегодня конец света. Он только утром узнал, что его нукеры, в том числе и ближайшие родственники, предали его и присоединились к Каушуту. Когда он узнал об этом, за минуту перед утренним посещением хана, сердце его остановилось. Он опустил голову, стыдясь перед человеком, принесшим страшную весть, собрал в пучок редкую бороденку, сунул ее в рот и стал жевать. Чувство заброшенности и одиночества сковало его. И все же он не мог отказаться от своей мечты отомстить ненавистному Каушут-хану, а заодно теперь и тем, кто предал его. Жуя жалкую свою бороденку, он думал о том, что после падения крепости текинцы, оставшиеся в живых, должны будут покинуть родные края, они построят новую крепость на берегу Мургаба. Он назовет ее Ходжамкада и станет в ней ханом, единственным повелителем. Вот когда он заплатит нечестивцам за все и сполна.

Изгнанный когда-то из Серахса хан вынул изо рта бороду и поднял голову. Все поле перед крепостью занимали войска Мядемина. А там вернуться с победой те, кто сражается сейчас под Кизыл-Кая, и войску Мядемина не будет числа. Сердце Ходжама Шукура понемногу успокоилось. Ведь войско Мядемина было его войском, потому что у них был один общий враг — Каушут-хан.

Окинув взглядом тучу Мядеминовых воинов, Ходжам Шукур уже не так переживал предательство. Были с ним его нукеры или их не было сейчас — какая разница! Все равно сегодня хивинцы снесут голову Каушуту. А больше Ходжаму Шукуру ничего и не нужно. К тому же вряд ли Мядемин знает о бегстве его людей, а если и знает уже, то пять-шесть сотен нукеров не могут изменить исход боя.

Вырядив себя и своего коня, Мядемин последовал за своим войском. Его сопровождали шестьсот отборных воинов. Каждый из них заглядывал в рот Мядемину, чтобы немедленно броситься исполнять любое его повеление.

Хан заметил Ходжама Шукура в общем воинском строю. Он взмахнул плетью и дал знак приблизиться. Беспокойство охватило Ходжама Шукура. Бешено работала его мысль. Он отыскивал слова, которыми ответит на вопрос хана: «Так-то отважные твои парни защищают Мядемин-хана?»

Ответив на приветствие Ходжама Шукура, хан не задал ожидаемого вопроса, а сказал:

— Не на своем месте идешь, хан.

Голос Ходжама Шукура стал писклявым.

— Разве место воина не в общем строю, хан-ага?

— Твое место, хан, среди вождей.

У Ходжама Шукура чуть не выросли крылья за спиной. Он так растерялся от радости, что забыл поблагодарить хана и стегнул лошадь плетью. Конь рванулся в ту сторону, где находились предводители войск.

Заговорили пушки, и над ними поднялись черные клубочки дыма. Потом в закипевшем шуме сражения все настойчивей стали выделяться воинственные звуки зурны. Напряжение боя усиливалось.

В задних рядах войска трудно было разобраться, что происходит в передних. Однако Ходжам Шукур почувствовал, что в крепости произошли какие-то перемены. Он не предполагал, что крепостные ворота могут от-

крыться и оттуда хлынут боевые отряды текинцев, но на всякий случай вынул из ножен свою саблю. И тут же заметил, как из открытых ворот начали выступать отряд за отрядом конники Каушут-хана. По спине Ходжама прошел мороз. Предводители войск засуетились. Они бросились в разные стороны, поближе к своим подразделениям, но, возможно, и для того, чтобы лучше определиться в случае преследования противника, а также и в случае бегства от него.

Нукеры, окружавшие предводителей войск, были самыми верными и отважными воинами и конниками Каушута, не легко было сломить их сопротивление. Прорубившись сквозь строй нукеров, Каушут заметил Ходжама Шукура.

— За мной, ребята! — крикнул он и повернул коня в сторону хивинских военачальников, не успевших рассредоточиться.

Ходжам Шукур тоже узнал в переднем всаднике Каушут-хана и вылетел ему навстречу. Он первым занес саблю над Каушутом, но тот ловко отбил удар и грозно закричал:

— Проси о милости, хан!

Ходжам Шукур взвизгнул:

— Йи-и! От сукина сына милости?! Ввот! — И снова скрестил свою саблю с саблей Каушута, но, как и в первый раз, был отброшен назад.

Каушут поднялся на стремянах, с занесенной саблей навис над Ходжамом.

— Проси о милости, хан!

И снова их сабли скрестились со звоном. Это повторилось еще и еще раз.

Кто-то из текинцев крикнул над ухом:

— Хан-ага, они удирают!

Каушут-хан, не видевший и не замечавший, кто убил и кого убивают, слышал этот крик, но не придавал ему никакого значения. Лошадь Ходжама Шукура встала свечой и отчаянно заржала. Ее передние ноги еще были в воздухе, когда Каушут, приподнявшись на стремянах, занес свою саблю для нового удара. Он не заметил, куда пришелся его удар, но тотчас же лошадь противника подломила ноги и рухнула мордой в землю. Через ее голову перевалился Ходжам и отскочил в сторону. Быстро подобрал выпавшую саблю и встал на ноги.

— Последний раз говорю, проси пощады!

Ходжам Шукур бросился на Каушута.

— Не дождешься, гяур!

Каушут схватился за луку седла и поднял саблю.

— Ну, тогда прощайся с жизнью, хан!

— И-ах! — вскрикнул Ходжам Шукур и вмиг оказался распластанным на земле. Его сабля, еще не успевшая омыться кровью, лежала рядом. Рот поверженного оставался открытым, не успев выкрикнуть последнего слова. А глаза, которые так жаждали увидеть в развалинах крепость Серахс, так и остались смотреть в бездонное голубое небо.

Каушут-хан осмотрелся по сторонам, рядом не было ни его людей, ни нукеров Мядемина. На самой вершине Аджигам-тепе кипел бой. Каушут подумал, что это его парни сражаются с охранниками Мядемина, и бросился туда. Уже на самом подходе на него налетели шестеро нукеров. Они окружили хана со всех сторон и сабли их замахивались на него то слева, то справа. Каушут думал только о том, чтобы не вылететь из седла, не расстаться с жизнью до срока, ведь он не встретился еще с главным своим врагом, с Мядемином. И, призвав на помощь аллаха, изо всех сил прищипорил коня. Лошадь вынесла его из кольца обступивших его нукеров. Но кто-то уже обходил его, вот уже вырвался вперед и преградил дорогу. Каушут уперся глазами в ожесточенное лицо с черными пышными усами. В один миг грузный усач рванул повод и налетел на выброшенную вперед саблю Каушута. Нукер тяжело сполз с седла. Не взглянув на свалившегося нукера, Каушут понесся к походной палатке Мядемина. Но Мядемин был уже далеко от своего стана. С полсотней телохранителей, со своими приближенными, среди которых были Мухамед Якуб Мятер, Хорезм Казы, Абдулла Махрем и Бегджан Дивана-беги, он спускался с холма и, не веря своим глазам, смотрел на беспорядочно отступавшее войско.

— Кто объяснит мне, что это значит?! — зло спросил Мядемин-хан.

— Наши бегут, — не постеснялся ответить Якуб Мятер.

Мядемин выхватил саблю с серебряным эфесом и зарорал во всю глотку:

— Остановитесь! Повернуть назад!

Нукеры бросились было исполнять приказ хана, но в это время наперерез Мядемину зашли текинцы во гла-

ве с Тач-гок сердаром и нукеры вернулись спасать повелителя. А Мядемин, развернув коня, устремился назад, к своей палатке.

Предводитель иранской группы гаджар Сафарак заметил удирающего Мядемина, решил собственноручно схватить его и таким образом выйти в герои.

— Джигиты! — крикнул Тач-гок сердар. — Опередить его!

Курбан и Сахитнияз вырвались вперед.

Мядемин-хан, надеясь на свою силу, повторил приказ нукерам, и те ушли останавливать бегущих. Вместо них вывернулись из-за холма около трех сотен хивинских всадников и встали на защиту своего хана. На самой вершине холма началась сеча. Сотни сабель схлестнулись с невиданным ожесточением из-за одной ханской головы. Гаджар Сафарак пробился к Мядемину, и хан, увидев перед собой его озверевшее лицо, испуганно заредел:

— Уберите этого капыра!

Но тут со стороны зашел Курбан. Приподнявшись на стременах, он с криком «О аллах!» полоснул саблей по лицу Мядемина, раздробив ему челюсть. Резкая боль достала до самого сердца, и Мядемин вывалился из седла.

Нукеры, увидев, как на их глазах рухнул повелитель, бросились врассыпную спасать собственные головы. Текинцы с Тач-гок сердаром на разгоряченных конях ушли преследовать бегущих. Но Сахитнияз спрыгнул с лошади, подошел к умирающему Мядемину, с размаху опустил саблю. И голова кровожадного хана отделилась от туловища. Гаджар Сафарак, не долго раздумывая, поднял ханскую голову и ускакал с нею в крепость.

Голова Мядемина, еще час тому назад пытавшегося поставить на колени туркмен, навести страх на весь Хорасан, принесла тысячам людей, ожидавшим смерти в крепости Серахс, долгожданную свободу.

— Алла-хи акбер! Алла-хи акбер!

Начинался день тридцатого марта 1855 года, который, по замыслам обезглавленного теперь Мядемина, не должен был начаться для жителей крепости Серахс. Тот же голос, что и прежде, будил их к утренней молитве, но сегодня те, что остались живы, совершали азан и встречали солнце свободными.

Каушут-хан стоял у открытых ворот крепости и со смешанным чувством радости и печали смотрел на поле брани, покинутое минувшей ночью отказавшимися от своих злых намерений хивинцами.

Новый хан, заменивший Мядемина, направил в крепость письмо. Каушут пробежал его глазами, сдержанно улыбнулся.

«Каушут-хану, туркменскому хану!

От имени повергнутых войск Хивы я направляю вам это прошение. Если будет на то ваша воля, мы останемся здесь до утреннего азана и вместе с тем заверяем вас, что на рассвете, после молитвы, еще до восхода солнца мы покидаем вашу землю и оставляем вам все наши богатства.

С почтением — внук Абдыллы-хана Гул Мурат».

Вокруг Каушута собрались его помощники и боевые соратники.

— Не скажете ли вы, люди, что мы обманулись? — не без ехидства спросил хан.

Непес-мулла с перевязанной куском бязи головой улыбнулся.

— Хан, — сказал он, — пусть мы всегда будем обманываться так, как в этот раз...

Весна только начиналась, но солнце уже палило с самого утра. Люди, измученные долгими днями осады и жаждой, поднимались на ноги. Женщины и девушки с кувшинами в руках выходили из крепости и направлялись к реке Теджен. Курбан приметил среди девушек Каркару, и сердце его забилося от радости. Ему казалось, что они не виделись много лет. Преодолевая смущение, он остановил ее и сказал:

— Каркара, разве думали мы, что доживем до этого дня? Вот и на Теджен можно сходить и никого не бояться.

Каушут-хан услышал слова Курбана, повернулся к нему, посмотрел на повеселевших женщин и тяжело вздохнул.

— Это не все, сынок, — сказал он, положив руку на плечо Курбану. — Пока еще ни реку Теджен, ни туркмен не можем мы считать свободными...

Атаджан Таган (Атаджан Таганович Таганов)
КРЕПОСТЬ СЕРАХС

М., «Советский писатель», 1981, 296 стр. План выпуска 1981 г. № 293. Редактор А. Ф. Ш а л а ш о в. Худож. редактор А. И. Д о б р и д ы н. Техн. редактор В. Г. К о м м. Корректор М. Б. Ш в о р ц.

ИБ № 2466

Сдано в набор 03.07.81. Подписано к печати 27.03.81. А 03806. Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,49. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1860. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воронского, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

1р.30к.

АТАЖАН ТАГАН

КРЕПОСТЬ СЕРЯХС